

Секция III. Дискурсивные особенности современной русской речи

Стилистические функции и лингвистические механизмы аллюзии и реминисценции в поэзии постмодернизма

И. Б. Александрова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

aib777@newmail.ru

Аллюзия, реминисценция, стилистические функции, лингвистические маркеры

Summary. This paper is devoted to stylistic functions of allusion and reminiscence and linguistic methods of creating polysemantic poetic texts, written according to postmodernism aesthetics.

Аллюзия — прием, основанный на ассоциативных связях текста и исторической и культурной ситуации, намек на какое-либо событие, значимое для большинства читателей, или на известный текст. Явлением, близким к аллюзии, с нашей точки зрения, является лингвистическая реминисценция — включение в авторский текст словесных единиц другого текста без каких-либо их изменений. Литературоведы сравнительно-исторического и психологического направлений применяли этот термин и для обозначения фрагментов бессознательного подражания одного писателя другому в творчестве.

Стилистические функции аллюзии и реминисценции заключаются в том, что они помогают автору выразить свое отношение к миру путем сопоставления двух (нескольких) «реальностей» или текстов (текстовых систем).

Этот прием часто используется в современной поэзии, для которой характерны черты эстетики постмодернизма, в частности в творчестве Тимура Кибирова, Вадима Перельмутера, Сергея Бирюкова, Владимира Эрля, Ры Никоновой, Сергея Сигея, Владимира Маркова, Татьяны Михайловской, Бориса Констриктора, Дмитрия Авалиани, Владимира Гершуни, Бориса Гольдштейна, Владимира Пальчикова, Александра Горнона, Генриха Худякова.

Лингвистические механизмы аллюзии основаны на использовании средств лексического, морфологического, синтаксического уровней языка.

На лексическом уровне репрезентантами аллюзии становятся прецедентные имена (как собственные имена лиц, так и топонимы), прецедентные хронотопы, прецедентные концепты (многоуровневые и сегментные, прежде всего общечеловеческие, или универсальные; национально-культурные, обусловленные жизнью человека в определенной культурной среде; социальные, обусловленные принадлежностью человека к определенному социальному слою) — такие, которые присутствовали в литературе прошлых лет, отражая мировоззрение наиболее ярких художников слова той или иной поэтической эпохи. Важным средством создания аллюзии являются и тропы — «поэтические формулы», прежде всего метафоры, но также и другие средства речевой выразительности, способные создавать эффект интертекстуальности и расширять смысловые и художественные «границы» произведения. Прием аллюзии реализуется и с помощью паронимов, в еще большей степени — паронимазов, придающих тексту игровой характер и создающих многослойное семантическое поле.

На морфологическом уровне аллюзия реализуется путем такого подбора частей речи, который стал узнаваемым благодаря творчеству поэтов XIX–XX вв. (например, отсутствие глаголов в произведении «Шепот, робкое дыханье...» Ф. И. Тютчева характерно и для стихотворения «Море, что зажато в клювах птиц, — дождь...» И. Жданова).

На синтаксическом уровне денотатами аллюзии являются прецедентные тексты («крылатые» фразы — фразеологизмы, цитаты из песен, кинофильмов, художественных произведений), содержащие намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который считается общеизвестным. Самый композиционный принцип расположения текстового материала в произведении также может быть аллюзийным. Чтобы создать многоуровневую семантическую структуру, авторы используют и реминисценции — словосочетания и предложения, сверхфразовые единства, взятые без изменения из другого текста. Максимальную степень синтаксической реминисценции демонстрирует центон — стихотворение, «сшитое» из строк других поэтов. Пробуждая память об образах классической поэзии, авторы стремятся запечатлеть свои размышления о современном мире — нравственно-философские или иронические (порой это самоирония).

Помимо лексических, морфологических, синтаксических средств для создания эффекта аллюзии в поэтических текстах постмодернизма используется и прием игры с графикой. Это построение текстов по принципу разных типов акrostиха (месостих, зигзаг, лабиринт), моностиха (удетерона), анаграммы, тавтограммы, брахиколона, палиндрома, визуальных стихов. Бесспорно, это не столь эффективный прием достижения аллюзийности, полисемантической произведения, так как он понятен лишь по-настоящему образованному, имеющему серьезный культурный опыт читателю. Однако и графика может рождать очень интересные примеры «перекрестия смыслов» в современной поэзии постмодернизма.

Приемы аллюзии и реминисценции позволяют создать интертексты, способные передать мироощущение поэта, отразить его авторскую позицию, оценку тех событий, явлений, которые он наблюдает в современном мире. Они отражают высокую лингвистическую культуру современных художников слова, стремящихся запечатлеть ускользающие мгновения жизни, из которых складывается образ нашего бытия.

Парадигма обыденного общения (семейное, родственное и дружеское общение)

А. Н. Байкулова

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

allabay15@mail.ru

Разговорная речь, обыденное общение, семья, дружба

Summary. The author is considering modern ordinary communication pointing specificity of its variety out — communication in family, among relatives and friends.

Наблюдения над обыденным общением людей (ОО), анализ записей повседневной речи позволяют делать вывод,

что эта разновидность общения неоднородна, а следовательно, неоднородна и речь. На наш взгляд, следует различать

семейное общение (СО), общение родственников (ОР), дружеское общение (ДО), общение знакомых (ОЗ) и незнакомых (ОН) людей [1].

Поскольку ОЗ и ОН пока еще системно не изучалось, но уже было предметом наблюдений автора, сопоставим СО, ОР и ДО. В современной лингвистической литературе понятие «семья», а соответственно и «семейное общение», не имеет однозначного толкования, причем общение совместно и отдельно проживающих родственников дифференцируется не всеми исследователями, хотя, на наш взгляд, это имеет принципиальное значение. В связи с этим предлагаем ввести терминологическое разграничение, в основе которого фактор совместного или раздельного проживания: под СО подразумевать общение совместно проживающих людей, связанных кровнородственными связями или вступивших в родственные отношения, а также общение в семейной сфере с животными, растениями, предметами вещного мира, а под ОР — разновидность обыденного общения, основанную на взаимных контактах людей, связанных родственными узами, проживающих раздельно и являющихся членами разных семей. Такое деление условно, поскольку не отражает всего разнообразия жизненных ситуаций, но удобно для лингвистических исследований. К тому же мы не обнаруживаем и не устанавливаем четких границ между этими разновидностями ОО, считая, что существуют зоны наложения. Диапазон представлений о ДО не менее широк, чем диапазон представлений о СО. Взаимная привязанность коммуникантов, ощущение психологической поддержки, взаимопомощи, искренности — вот, на наш взгляд, то, что по психологическим параметрам сближает СО, ОР и ДО. Учитывая различные определения дружбы, представленные социальными науками, мы, тем не менее, будем понимать под ДО общение людей, обоюдно воспринимающих себя друзьями.

Общая характеристика СО, ОР и ДО. СО — регулярное, вынужденное, обязывающее. Оно тесно сопряжено с процессом выполнения хозяйственных дел, может безболезненно прерываться и возобновляться. ОР более свободное. Сопоставление ДО с СО и ОР показывает, что это еще более свободная разновидность ОО, где межличностные отношения строятся не на родстве, а на дружбе, в наивысшей степени отражающей волеизъявление человека.

По своему характеру ДО и ОР может быть как регулярным, так и нерегулярным. Возможна временная и локальная закреплённость, существование традиций.

ДО не свойственно иерархическое неравенство, без которого невозможно представить СО, но в нем активно проявляется неравенство в уровне компетенции, что служит основой для взаимопомощи. Это также сближает ДО с ОР.

В СО мы включили общение в семье с животными, растениями и предметами вещного мира [2]. В ДО, на наш взгляд, также можно включить подобного рода общение, но оно имеет свою специфику, обусловленную особенностями именно этой разновидности общения.

Цели и функции СО, ОР и ДО. Для СО и ОР характерно взаимопроникновение целеориентированного и фатического общения. Это определяется их направленностью и целями. Так, целью СО (если иметь в виду традиционные представ-

ления) является ведение совместного хозяйства, воспитание детей и созидание микроклимата, способствующего успешной реализации этого; целью ОР — сохранение и развитие родственных связей. Главной целью ДО, какие бы мотивации ни лежали в его основе, на наш взгляд, является удовлетворение потребности человека в дополнительной духовной и социальной опоре (во всяком случае, это характерно для русской коммуникативной культуры), т. е. восполнение того, что по разным причинам не может дать человеку семья, ближайшее окружение или вообще среда, в которой он живет. Отсюда доминантные черты, характерные для этой разновидности общения, — открытость и доверительность в отношениях, стремление к взаимопониманию и взаимопомощи. Важно, чтобы общение носило взаимодополняющий, взаимообогащающий характер. Участники общения должны быть интересны друг другу, следовательно, ДО свойственна и гедоническая функция.

«Язык» и речь. Для ДО, СО и ОР характерно наличие общей апперцепционной базы (в дальнейшем АБ) говорящих. Но все эти разновидности ОО основываются на разных (пусть даже частично совпадающих) АБ. Общность АБ коммуникантов является основой для формирования речевой гомогенности. В наибольшей степени речевая гомогенность свойственна СО вследствие его интимности, «закрытости» и регулярности [3]; [5]. Как показывают наблюдения, в речи каждой семьи есть то, что объединяет все семьи, и то, что является специфичным, уникальным. Возможно даже существование особого «языка», не распространяющегося или частично распространяющегося на отдельно живущих родственников. Для ОР и ДО речевая гомогенность, на наш взгляд, не является обязательной.

На примере сопоставления разных семей выявлено, что в каждой семье складывается специфическая и динамичная система именовании лица, номинаций продуктов питания, домашних помещений, близлежащих бытовых объектов. Для ДО и ОР характерна собственная система номинаций, не совпадающая или не в полной мере совпадающая с семейной [4]. Различия обнаруживаются и в этикетной составляющей общения: ОР более этикетно, чем СО [1]. Этикетные особенности СО во многом определяются семейными ролями, а а этикет ДО — возрастом коммуникантов [6].

Литература

1. Байкулова А. Н. Семейный этикет (результаты наблюдений) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов, 2008.
2. Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: роль в нем животных, растений и предметов вещного мира // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2008. Том 8. Вып. 2. Серия Филология. Журналистика. Саратов, 2008.
3. Байкулова А. Н. Семейное общение и общение родственников // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов, 2009.
4. Байкулова А. Н. Дружеское общение в парадигме обыденного общения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Политология. Социология. Вып. 3. 2009 (в печати).
5. Занадворова А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
6. Рисинзон С. А. Этикетный вектор русского дружеского общения женщин // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов, 2009.

Метафора катастрофы в современном политическом дискурсе (на материале ток-шоу «К барьеру»)

Л. В. Балашова

Саратовский государственный университет
dementevvv@yandex.ru

Концептуальная метафора, политический дискурс

Summary. The paper is devoted to the conceptual metaphorical models in the TV speech. The metaphor of catastrophes represents the contemporary state of Russia. The participants of political shows use these models as manipulation: they show that their political opponents are not able to save the country from the crisis.

По мнению многих исследователей, политическая метафора является одним из самых распространенных и эффективно действующих инструментов публичной политики и PR-технологий. Интересным представляется проследить метафорическую составляющую относительно спонтанной ре-

чи политических деятелей последних лет (2006–2008 гг.) в рамках теледебатов (ток-шоу «К барьеру»). Это время активной политической борьбы (парламентские и президентские выборы), что заставляет участников словесной дуэли с предельной тщательностью отлаживать «механизмы» мани-

пуляции зрительскими симпатиями. Метафоры, особенно развернутые, являются тончайшим инструментом такого воздействия.

Показательно, что «катастрофическая» метафора широко представлена в речи представителей различных идеологических и политических направлений. С помощью данной концептуальной модели создается представление об экономической и политической ситуации как в России, так и в мире. Кроме того, данная модель используется для дискредитации политических оппонентов.

В целом метафора «катастрофы» представлена в речи участников ток-шоу в нескольких вариантах. Наименее последовательно «дуэлянты» используют в качестве источника формирования переносных значений лексику тематического поля «Природные катаклизмы». В этом случае развитие России предстает в виде череды стихийных бедствий (землетрясений, наводнений, извержений вулканов и т. п.), ср.: *А вы помните цунами цен 1998 года?; Цунами народного гнева сметет вас самих в первую очередь; Это только первые толчки [землетрясения], а вы уже в панике; В конце концов, наступает момент, когда возникает ситуация, похожая на вулкан, извергающий вату, такая не конкретная, такие общечеловеческие ценности: никого не обидеть, ничего не делать.*

В качестве источника метафоризации участники телепрограммы регулярно используют лексику из тематических полей «Техногенные катастрофы» и «Катастрофы, связанные с использованием транспортных средств». В первом случае самыми частотными оказываются метафорически осмысленные ситуации прорыва плотины (*плотина переполнена; плотину прорвало* — об экономической ситуации в России, финансовой политике государства; о духовном и эмоциональном состоянии народа), чернойбыльской аварии (*идеологический Чернобыль; духовный и этический Чернобыль* — о «тлетворном» влиянии рекламы; о шоу-бизнесе; об утрате духовных ориентиров в стране в целом и среди молодежи в частности), а также техногенного или террористического взрыва здания, ср.: *У нас рухнула система ЖКХ; Разрушить дом [Россию] взрывом можно за одну секунду, а вот построить...* Во втором случае развитие страны воспринимается как опасное путешествие с постоянной угрозой застрять, угодить в болото, утонуть, разбиться. Показательно, что современная политическая система ассоциируется с транспортным средством (обычно — с самолетом, реже — с кораблем или поездом; *телегой, разваливающейся на ходу*). Власть предрержащие (или их оппоненты — в зависимости от того, чья точка зрения выражена в высказывании) пытаются управлять этим транспортным средством, но делают это неумело, движутся не в том направлении, что и становится причиной катастрофы. Возможен несколько иной вариант реализации концептуальной модели: оппоненты — это террористы, враги, готовые сбить (потопить, взорвать) транспортное средство (то есть Россию в ее поступательном движении к стабильности и процветанию). Интересно, что в общенациональной метафорической системе положительно оценивается перемещение по неос-

военному пространству: *первопроходцы* — это идеологи прогресса, поскольку они не используют *наезженных путей*, а самостоятельно избирает направление движения. В речи же участников телешоу, напротив, положительно оценивается перемещение на надежном транспортном средстве по хорошей дороге без ухабов и преград (такой тип оценки более характерен для европейских языков — английского, немецкого), тогда как бездорожье ассоциируется с социальной и экономической нестабильностью, с отсутствием внятной и выверенной стратегии развития страны, ср.: *Стоит ли сбивать самолет, на борту которого находятся террористы? — Мы все в этом самолете находимся. Этот самолет — Россия. Кто будет отвечать за полет?; Вы сказали, что Путин — офицер. Офицеры никогда не покидают корабль в состоянии катастрофы. А Россия сейчас находится накануне катастрофы; У нас в стране есть определенные лица, которые хотят раскатать нашу общую лодку для того, чтобы имитировать, что она хорошо будет плыть, если из этой лодки выкинуть татарина, чеченца, дагестанца. Закон должен реально работать в отношении тех сил, которые сегодня раскачивают лодку Российской Федерации.*

В речи «дуэлянтов» ток-шоу регулярно используется еще одна концептуальная модель катастрофической метафоры — антропоморфная. В целом наиболее последовательно Россия предстает в виде смертельно больного пациента, ср.: *У нас вся страна... находится сейчас в состоянии пассивной эвтаназии, эвтаназии пассивного ипрлица; Россия находится в состоянии агонии; Половина «Единой России» должна пойти на свалку, необходимо вырезать какие-то опухоли. Власть (в глазах оппозиции) и политические противники предстают в виде врачей — непрофессионалов или вредителей, доводящих страну до смерти, ср. о реформировании ГИБДД: *Представьте себе хирурга, который оперирует грязными руками, да еще и с топором вместо скальпеля; Если у вас нет нормальной анестезии, нормальной реанимации, какая может быть операция, о чем речь?; о введении новых законов и организации власти: *А вы, что, медицинский скальпель предлагаете взять в руки? Вы хирургическим путем не решите проблему!; Он предлагает при помощи скальпеля, ножа решить ситуацию; А мы с вами прекрасно знаем, что и шоковая терапия, и шоковая хирургия печально для России заканчивались.***

Хотя данному шоу присуща ситуация спонтанного общения, используемые концептуальные метафоры лишь с большой долей осторожности можно отнести к спонтанным. Большинство из них употребляется в первом раунде, то есть в той части речи «дуэлянтов», которая продумана и, возможно, сочинена заранее. Таким образом, выделенные концептуальные метафоры не только отражают позицию субъекта речи, но и являются частью сложного механизма речевого воздействия на аудиторию. Согласно метафоре катастрофы, современное состояние России весьма плачевно; вывести страну из кризиса политические противники не способны, поэтому электорат должен поддержать именно того, кто использует этот тип концептуальной модели.

Коммуникативный алогизм как прием создания комического средствами коммуникативного уровня (на материале творчества В. Этуша)

А. И. Баранова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

b.anna.io@mail.ru

Коммуникативный уровень русского языка, целеустановка, инвариант, алгоритм развертывания, коммуникативный алогизм

Summary. The subject of the present report is called “The ways of creating the comic effect with the help of the communicative level means”. The material used for the research presents the feature films with the participation of V. Etush.

Тема данного доклада — коммуникативный алогизм как прием создания комического средствами коммуникативного уровня (на материале творчества В. Этуша). Объектом исследования является звучащий диалог. Работа выполнена методом семантического анализа коммуникативного уровня русского языка [1].

Система значений коммуникативного уровня включает значения целеустановки, значения конструкций, реализующих данную целеустановку, и значения коммуникативных средств, формирующих данную конструкцию. Средства формирования коммуникативного уровня делятся на две группы. Первую группу составляют собственно коммуника-

тивные средства (междометия, интонация и т. д.), во вторую входят средства, которые функционируют на номинативном уровне, но способны также формировать коммуникативные значения (грамматические категории различных частей речи: время, вид и т. д.).

Каждое коммуникативное средство имеет набор инвариантных параметров. Реализация этого набора подчинена алгоритму развертывания, который состоит в их антонимическом развертывании и розыгрыше по позициям говорящий — слушающий — ситуация.

В отличие от ряда работ, изучающих комическое на номинативном уровне, объектом нашего исследования является создание комического при помощи средств коммуникативного уровня. Материалом исследования служат звуковые дорожки кинокомедий с участием В. Этуша, Р. Плятта и С. Филиппова. На анализе творчества данных актеров были выявлены следующие приемы создания комического: **коммуникативное обострение (либо намеренное сокрытие) контраста, заложенного в ситуации; коммуникативная провокация; коммуникативная апелляция к зрителю как носителю представлений современного и несовременного социумов; коммуникативный алогизм.**

В данном докладе мы покажем работу средств коммуникативного уровня на материале творчества Этуша. При создании комического он использует все перечисленные приемы, однако мы остановимся на последнем, поскольку он является характерным именно для Этуша и не встречается у Плятта и Филиппова.

Коммуникативный алогизм заключается в соединении несовместимых по инвариантам и реализациям средств. При формировании комического средства коммуникативного уровня могут подчеркивать либо намеренно не выделять значения, выраженные на номинативном уровне. Комическое может также формироваться только коммуникативными средствами. Коммуникативный алогизм является примером самостоятельной работы средств коммуникативного уровня.

В первую очередь, данный прием используется Этушем при создании «ложного» коммуникативного акцента в «Кавказской пленнице». Помимо использования средств фонетического акцента, коммуникативный акцент создается за счет использования русских средств, которые функционируют в соответствии с представлениями русских о языковом поведении жителей Кавказа, отражая гетеростереотип. В этой связи рассмотрим функционирование русского *да* и выражение *клянусь, честное слово*.

Одной из коммуникативных черт гетеростереотипа является гиперапелляция говорящего к собеседнику, что выражается Этушем, например, при помощи русского *да*, имеющего параметр адекватности / неадекватности позиции слушающего (говорящего, третьего лица) и ситуации, с точки зрения одного из собеседников.

В качестве примера приведем сцену знакомства Саахова и Нины.

— *Моя племянница.*

— *А! / Очень приятно, да? / Очень приятно!*

Ассоциации как проявление дискурсивности мыслительной деятельности (на основе данных ассоциативного эксперимента с детьми 6-летнего возраста)

Л. А. Белякова

Кемеровский государственный университет.

belyakova_kedr@mail.ru

Дискурсивное мышление, детская речь, естественная категоризация, пропозиция, свободный ассоциативный эксперимент

Summary. The research is devoted to the features of discourse thinking of six-year children. It is based on the data of the free associative experiment.

Ассоциации как проявление дискурсивности мыслительной деятельности (на основе данных ассоциативного эксперимента с детьми 6-летнего возраста).

Истоки дискурсивного мышления специалисты по теории познания и философии науки находят в древней Греции. Именно там появились разнообразные философские учения, содержащиеся в более или менее развитой форме зачатки почти всех философских систем Нового времени и многие фундаментальные научные идеи. В настоящее время дискурсивное мышление трактуется как «опосредованное прошлым

— *Нина.*

— *Студентка. Учится в педагогическом институте.*

— *А-а! / [бўйт] готовить наш смёну, / да?*

Такое совмещение фатической конструкции, отражающей занятую позицию говорящего, и коммуникативного *да*, при помощи которого говорящий просит у собеседника подтверждения адекватности своей позиции, невозможно в русской коммуникативной системе, поэтому это средство формирует «ложный» коммуникативный акцент и является источником комического. Все последующие *да* в данном диалоге стоят на своих местах и возможны в русском языке, но под влиянием первого *да* они также начинают работать на создание коммуникативного акцента, отражающего кавказский гетеростереотип.

Гетеростереотип человека с Кавказа связан также с актуализацией ряда целеустановок, например, клятвы. На коммуникативном уровне это выражается в использовании Этушем словоформы *клянусь*, которая, казалось бы, естественно сочетается с такой коммуникативной единицей, как *честное слово* (*клянусь, честное слово*). Русское *честное слово* имеет следующие параметры: неприятие позиции говорящего собеседником как не соответствующей норме развития ситуации или норме его поведения, параметр воздействия на собеседника. Согласно алгоритму развертывания, *честное слово* может иметь следующие реализации: неприятие собеседником позиции говорящего, параметр воздействия на собеседника (например, клятва); неприятие говорящим позиции собеседника или небенефактивного развития ситуации (например, возмущение); принятие говорящим позиции собеседника или бенефактивного развития ситуации (например, восхищение).

Клянусь поддерживает первую реализацию *честного слова*, однако в текстах фильма *честное слово* выступает во второй реализации, формируя целеустановку возмущения, поэтому оно не может сочетаться с данной глагольной формой.

Апо... аполитично рассуждаёшь, / аполитично рассуждаёшь, / клянусь, честное слово! / Не понимаешь! / политической ситуаци! / Ты жизнь / видишь / только из окна / моего персонального автомобиля, / клянусь, / честное слово!

При помощи коммуникативного алогизма раскрывается эмоциональное состояние героя Этуша в сцене мести за похищение Нины. Испуг и растерянность Саахова при виде Нины маркируются коммуникативным *и*, имеющим параметр резкого отклонения от нормы и расхождения позиций. Источником комического становится совмещение *и* с нейтральным этикетным «здравствуйте», устанавливающим контакт: *и-здравствуйте*.

Итак, коммуникативный алогизм, в основе которого лежит соединение несовместимых по инвариантам и реализациям средств, является одним из ярких коммуникативных приемов создания комического.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

нии, не перегруженном игрушками, в форме игры, с записью ответов на диктофон. Дошкольникам было предложено 22 частотных существительных: *бабушка, воспитатель, группа, девочка, друг, деньги, зеркало, зуб, игра, игрушка, книга, комната, компьютер, лето, любовь, магазин, машина, папа, садик, собака, телефон, улица*.

В результате эксперимента наибольшее количество вариантов получили следующие слова: *человек* — 36, *игра* — 35, *игрушка* — 31, *группа* — 30, *книга* — 29, что вполне естественно для дошкольников, только начинающих читать и большую часть времени проводящих за игрой в группе детского сада среди сверстников.

Интересующий нас возраст — 6 лет — характеризует переход от наглядно-образного мышления к вербально-логическому, ребенок уже владеет определенными знаниями об окружающем мире и, используя усвоенные умения и навыки, анализирует явления окружающей действительности, выделяя их из ряда подобных, противопоставляя и сравнивая. Это находит отражение в речи дошкольников.

Большая часть ассоциаций — парадигматические, из которых проprotипичными для языкового сознания шестилеток являются антонимичные:

«девочка» — «мальчик» — 92%, «лето» — «зима» — 60%, «папа» — «мама» — 80%, «собака» — «кошка» — 66%, «бабушка» — «дедушка» — 60%.

Синонимичные отношения прослеживаются значительно реже:

«собака» — «пес» — 2%, «улица» — «проспект» — 2%.

Большой процент стереотипных ассоциаций позволяет говорить об активном овладении шестилетними детьми значимыми аспектами значения слова.

Активно протекают процессы классификации — среди вербальных ассоциаций чаще других встречаются тематические, родовидовые отношения и отношения «часть — целое»:

«деньги» — «копейки» — 28%, «рубли» — 8%, «монетки» — 4%, «доллары» — 8%, «десятка» — 2%; «машина» — «транспорт» — 6%; «собака» — «животное» — 4%, «телефон» — «связь» — 2%; «компьютер» — «мышка» — 2%, «зеркало» — «стекло» — 22%, «дерево» — 2%, «крепления» — 2%.

Помимо примеров логической классификации в речи детей можно обнаружить элементы естественной категоризации, о которой писали Витгенштейн, Лакофф, Араева и др. Так, отвечая на слово-стимул «зеркало», дети называли «воду» (4%) — «в ней тоже отражается» и «окно» (8%) — «от окна тоже отражается, если подальше отойти», «машину» дошкольники ставили в один ряд с «ракетой» (2%), «самолетом» (4%), «телегой» (2%), «тележкой» (2%). Данные примеры свидетельствуют о способности детей дошкольного возраста к выделению прототипических явлений, об умении обнаружить «фамильное сходство», объединить слова в одну категорию на основе одного гипостазированного признака, в результате чего границы категорий оказываются размытыми.

Таким образом, можно говорить о том, что в шестилетнем возрасте латеральное (ассоциативное) мышление у ребенка по своей сути является дискурсивным, пропозиционально связывающим именуемые вещи.

Литература

1. Араева Л. А. Языковая форма в аспекте естественной категоризации // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной конференции (г. Кемерово, 1–3 июля 2005 года) / Под ред. проф. Л. А. Араевой. Томск, 2006. С. 17–25.
2. Витгенштейн Л., фон. Философские работы. М. 1994.
3. Современный психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2007.

К вопросу построения типологии нарративной маски

Н. В. Бойко

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Украина)

С. В. Заборовская

Харьковский национальный университет радиоэлектроники (Украина)

sveza35@rambler.ru

Нарративная маска, интернет-дневник, психологический уровень, адресатный уровень, уровень повествовательных стратегий

Summary. The paper is an attempt to substantiate the essential principles which can be used to build a typology of the narrative mask.

Реализация общечеловеческой потребности самовыражения в анонимных условиях сетевого общения приводит к многообразию различных нарративных масок (НМ) в сетевом дискурсе, что делает практически невозможным создание их однозначной типологии. Поэтому мы предлагаем выделение дискурсивных уровней (психологического, адресатного, повествовательных стратегий) как значимых дискурсивных воплощений НМ, различные варианты взаимодействия которых могут использоваться автором при построении той или иной маски. Материалом для исследования послужили интернет-дневники с сайтов <http://www.diary.ru/> и <http://www.liveinternet.ru/>.

1. В дневниковом дискурсе виртуальное Я порождается в процессе общения с виртуальным Ты, однако общение это протекает в виде своеобразной игры, нераздельного сосуществования правды и обмана, реальности и вымысла. Поэтому одним из дискурсивных уровней организации НМ может быть психологический, в основе которого — психологические особенности людей, играющих в игры. Поскольку на создание той или иной НМ, которая является виртуальным «заместителем» реальной личности в сетевом пространстве, влияют субъективные психологические причины, нам представляется вполне правомерным использование концепции Э. Берна, выделяющего в феномене Я психологические состояния Ребенка и Взрослого, в качестве психологической основы одного из дискурсивных уровней НМ. Человек, представляющий себя в Интернете посредством своих нарративов, является берновским «человеком, играющим в игры», которые заключаются в способности (или неспособности) моделировать разные варианты своего «Я»: не идентифицируясь полностью со своим виртуальным

«двойником», представленным НМ, личность не только может наблюдать, как он (двойник) воспринимается другими, но также получает возможность создавать разные типы своего виртуального «Я», исходя из своих интенций, психологических особенностей и речевых возможностей. Склонность к игровому самовыражению свойственна и взрослым и детям, однако отношение к игре у них разное: ребенок играет непринужденно, весело, экспериментируя со всем, постепенно усваивая правила игры именно в ней самой. Взрослый, напротив, прекрасно понимает, когда он играет и во что, он понимает, когда нужно играть, а когда можно побыть самим собой. Различное отношение к игре взрослому и ребенка проявляется в их НМ: Ребенок мало беспокоится о том, что подумают о нем читатели его дневника, поэтому он далек от самолюбования или соблюдения каких-либо правил и условностей, что проявляется в намеренной игре со словами (различные формы словотворчества, использование жаргонной и табуированной лексики), излишнем украшательстве сообщений смайлами или картинками, которые вводятся в текст не для дополнения или разъяснения вербальной части текста, а служат ее «украшением». Взрослому, как правило, даже в игре трудно отказаться от особого мыслительного стереотипа, который удерживается на внутреннем природном уровне, имманентно проникая и в виртуальное общение. Поэтому для НМ Взрослого характерны самолюбование и завуалированное кокетство (особенно это проявляется в «дамских» дневниках), пространные аналитические рассуждения, интертекстуальные аллюзии и реминисценции, цитация взамен мультимедийного «украшательства». Самовыражение в тексте, перевод жизненных и психологических ситуаций, действительных или

мнимых, в текст, радость создания текста — все это отражается в НМ Взрослого, для которого словотворчество представляется занимательной и увлекательной интеллектуальной игрой.

2. Следующий дискурсивный уровень, участвующий в создании нарративной маски, мы обозначаем как адресатный уровень, который определяет (исходя из типа получателя речи) модус организации повествования: адресатный и безадресатный (по Т. В. Радзиевской), или автокоммуникативный (по Ю. М. Лотману). При этом неоднородность адресатного модуса позволяет подразделить его на аксиальный и ретиальный: записи дневника, предназначенные конкретным, т. е. знакомым по реальному общению, адресатам имеют аксиальный модус организации повествования, записи, направленные неизвестным собеседникам — ретиальный. Подразделение адресатов на знакомых и незнакомых представляется необычайно важным при построении НМ, поскольку, как отмечает О. С. Иссерс, «знакомая аудитория требует, чтобы самоподача автора определялась реальными качествами личности (иначе нарушается условие искренности), незнакомая позволяет использовать «маску», конструировать образ автора» [1: 196].

3. Третий (не по счету, а по сути!) уровень построения речевой маски может быть представлен тремя стратегиями самоописания: *событийной*, *аналитической* и *художественной* (или *поэтической*). Событийная стратегия самоописания представляет НМ «летописца», для которого основными параметрами повествования являются факт и время. Нарратив являет собой более или менее (в зависимости от наличия в данный момент доступа к Интернету) подробное

изложение различных жизненных ситуаций, при этом автор может быть довольно небрежен в отборе речевого материала, поскольку его основная цель — фиксация событий, а не их осмысление. Аналитическая стратегия самоописания представляет нарратора-философа, рефлектирующего по поводу определенных, важных для него, событий собственной жизни. Однако тексты, создаваемые при помощи данной стратегии, представляют собой не рассуждения и размышления на философские темы или некие философские построения (в первом значении глагола «философствовать»), а скорее умствование, мудрствование, рассуждение на самые общие, отвлеченные темы с точки зрения здравого смысла, свое видение той или иной проблемы, исходя из стереотипов обыденного сознания. Художественная (поэтическая) стратегия самоописания характеризует «творческую» нарративную маску, которая оформляет каждое сообщение в виде одного из жанров художественного повествования: эссе, поэтической зарисовки, стихотворения, художественного повествования, обнаруживая писательское мировидение и мироощущение, или использует отдельные художественные приемы в том или ином сообщении.

При построении той или иной НМ автором могут быть использованы несколько дискурсивных уровней, которые применяются одновременно (при ведущей роли одной из них) или следуют друг за другом на протяжении определенного временного промежутка существования интернет-дневника.

Литература

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.

Языковые средства взаимодействия автора и адресата. Коррекция ожиданий адресата

Е. Г. Борисова

Московский государственный университет печати

egbor@mail.ru

Прагматика, кооперативное общение, вводные слова, интерактивный подход, управление адресатом

Summary. The subject of the paper is revealing Russian language unities that can be used by the Speaker to rule the understanding of the message, here — to correct the supposed understanding. The research is based on the interactive approach in pragmatics.

Лингвопрагматическое направление, учитывающее взаимодействие участников общения, позволило по-новому взглянуть на многие единицы языка, которые в какой-то момент получили название «прагмалексемы» (термин Р. Ратмайр, относимый к модальным частицам). Описание многих таких единиц, а также некоторых особенностей грамматики и полнозначной лексики, стало возможно при привлечении модели речевого поведения. В свою очередь это заставляет лингвиста разработать достаточно полную и непротиворечивую модель такого поведения, дабы выстроенные на ней описания не потеряли своей убедительности и предсказательной силы.

Мы используем модель, построенную на общепризнанных постулатах (максимы Грайса), которая учитывает взаимодействие говорящего и адресата как при производстве речи, так и при ее восприятии. Вкратце, говорящий моделирует возможное понимание сообщения адресатом и выбирает лучший вариант. Адресат, в свою очередь, моделирует возможность понимания схожих выражений и восстанавливает передаваемый смысл, отбрасывая те варианты понимания, для которых язык предоставляет лучшие средства выражения.

Такое взаимодействие предполагает выработку языком определенных средств, которые помогают уточнять сообщение в случае, если прогнозируется или наблюдается затруднение в понимании. К этим средствам относят такие языковые единицы, как частицы, интонационные и синтаксические конструкции, вводные слова, союзы, междометия. Не исключено и использование полнозначных слов, речевых формул, а иногда и неузуализированных средств — например, перифразы неясного выражения.

Интерактивный лингвопрагматический подход позволяет сгруппировать языковые средства в зависимости от того, каким образом они участвуют в управлении процессом понимания адресатом сообщений говорящего. В частности,

можно выделить средства предупреждения адресата о каких-либо особенностях сообщения. Например, частица или союз **а** предупреждают о новизне сообщаемого далее. Имеются средства управления вниманием адресата, связанные с выделением каких-либо важных моментов сообщения при помощи интонации, порядка слов, усилительных частиц. Есть возможность влиять на эмоциональное состояние адресата (междометия, эмоционально окрашенные средства языка), а также единицы, определяющие некоторые другие аспекты воздействия говорящего на адресата в рамках задачи максимально полной передачи информации средствами языка.

В данном сообщении мы хотели остановиться на одном из таких аспектов — исправлении ожиданий, возникающих у адресата благодаря закономерностям передачи сообщения, построения фразы и т. п. Языковыми средствами оказывается группа слов, трактуемых как вводные слова или наречия, и употребляемые и в других функциях. Некоторые из этих слов несут на себе отпечаток коррекции сообщения достаточно очевидно, нередко одновременно с эмоциональной нагрузкой. Так слово *вообще-то* явно используется для коррекции понимания сообщения, причем как в диалоге: (1) *Так вы собираетесь уходить?* — *Вообще-то я думал побыть еще немного*, так и в монологе: (2) *Мы предлагаем новый вид продукции, который вообще-то был известен и раньше, но теперь получил новый облик*. В подобных случаях говорящий, употребляющий *вообще-то*, понимает, что из сказанного (или сделанного) адресат делает определенные выводы, не совпадающие с намерениями говорящего. Поэтому приходится останавливать его, но не категорически. Поэтом, дабы не нарушить принципа кооперативности. В примере, где *вообще-то* употреблено в ответе (пример 1), это слово дает возможность интерпретировать высказывание как согласие на уход и в то же время оставляет возможность получить приглашение остаться. В заявлении о но-

визне (пример 2) *вообще-то* позволяет оправдать признание новым чего-то уже известного: не отрицаем известности, но и новым товар признать можно.

Во многих употреблениях слово *вообще-то* обрастает эмоциональными довесками. С одной стороны, это интонация извинения. С другой, возможно ироническое использование *вообще-то*: *А я вообще-то тут живу!* Ирония формируется на основе несоответствия права на категорическое утверждение о месте жительства говорящего и «извиняющей» формы сообщения (этот тип иронии получил распространение в употреблении слов *между прочим, кстати*).

Близким, хотя и не вполне тождественным, оказывается употребление слов *вообще* (*Я вообще не собирался об этом говорить, но если пришлось*), *по правде говоря, честно* (*говоря*). Во всех случаях употребление этих слов в функции коррекции восприятия позволяет отменить возникшие у адресата импликатуры, ожидания возможного продолжения и в то же время сохранить кооперативность, то есть не вызывать недовольства адресата.

К числу таких корректоров ожидания можно отнести и другие вводные слова, в частности, *собственно, в сущности, фактически* и ряд других. Они тоже показывают, что говорящий нарушает ожидание слушающего. Причем в некоторых случаях это возможно даже в первой реплике беседы: (3) *Извините, мы, собственно, к секретарю*. (4) *А что, собственно, вы здесь делаете?*

Употребление *в сущности* и *фактически* (*Он в сущности не сказал ничего важного*) явно связано с основным значением слов *сущность* и *факт*. Коррекция здесь заключается в уточнении сказанного за счет перехода, условно говоря, от «поверхностного содержания» к глубинному. Близким к этому является и употребление *собственно*, также строящееся на выделении какого-то значения сообщения как важного в противовес остальному.

Таким образом, употребление группы рассматриваемых нами вводных слов позволяет уточнить возможное понимание сообщения и при этом избежать тех нарушений кооперативности общения, которые были бы естественны, если бы это уточнение осуществлялось в явном виде, с использованием конструкций «Ты не понял», «Все не так» и т. п.

Литература

1. Борисова Е. Г. Управление вниманием и пониманием. Предварительные действия говорящего // Вторая международная конференция по когнитивной науке. СПб., 7–13 июня 2006 г. СПб., 2006.
2. Кобозева И. М., Щедрина Н. С. Дискурсивные единицы «собственно» и «фактически» как средство манипуляции представлениями адресата. // Эффективность коммуникации. Сб. ст. — М.: МГПУ, 2009 — с.95–100.
3. R. Rathmayr. Die russischen Partikeln als Pragmalexeme // Slavistische Beiträge. 187. München, 1985.

Интеллектуальный дискурс и глаголы на *-ировать* (к проблеме самоописания)

Н. Г. Брагина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

natasha_bragina@mail.ru

Глаголы на -ировать, стилистическая маркированность, интеллектуальная речь, самоописание

Summary. In the presentation I would like to examine semantics, stylistic features, the way of conceptualization, and pragmatics of the Russian verbs with the ending — *irovat'*, such as *artikulirovat'*, *aktualizirovat'*, *relaxirovat'* (Eng. *to articulate, to actualize, to relax*) etc. These verbs are rather new for the Russian language. Now they belong to so-called prestige intellectual Russian discourse.

В своем докладе я остановлюсь на семантике, прагматике употребления и характере концептуализации нескольких слов из многочисленной группы глаголов на *-ировать*: *артикулировать, актуализировать, проблематизировать, тематизировать, концептуализировать(ся), позиционировать(ся), релаксировать* и некоторых других. Все эти глаголы лексикографически не описаны; их нет в толковых словарях и в словарях иностранных слов. Исключение составляет *актуализировать*, зафиксированный в словаре иностранных слов [1].

Носители русского языка слова на *-ировать* часто оценивают отрицательно. Это происходит уже на протяжении трех веков (с конца XIX по начало XXI вв.). Отрицательная оценка складывается из таких компонентов как: а) многочисленность и однообразие глаголов с этим суффиксом; б) явно ощущаемое иноязычное происхождение; в) тяжеловесность и усложненность, которая создает впечатление искусственно сконструированного языка, в противовес языку естественному. Последнее связывают, в частности, с «эстетической революцией» эпохи постмодернизма.

Несмотря на высказываемые отрицательные оценки, словообразовательная модель является продуктивной, и слов на *-ировать* в современном русском языке очень много, причем их число регулярно увеличивается.

«Обратный словарь русского языка» 1974 г. [2] зафиксировал около 1260 глаголов, т. е. чуть больше процента от общего количества включенных в словарь единиц. В современных текстах количество таких глаголов увеличивается. Появляется также большое число компьютерных и других неологизмов: *uninstall-ировать, jibb'ировать, СПАМ-ировать, HTML-ировать, НЛП-ировать, origin-ировать zip-ировать Reflex'ировать backup-ировать PVP-ировать LOAD'ировать*. Явление это, таким образом, не совсем случайное, и требует внимательного изучения.

Все эти слова, в принципе, имеют синонимы, либо могут заменяться синонимичными словосочетаниями, например: а) *артикулировать* (*интересы гражданского общества, содержание экономической политики*) синонимично *выразить* или недавно появившемуся глаголу *озвучить*; б) *актуализировать* (*результаты оценки, потенциал осмысленной*

жизни) является синонимом *сконцентрировать внимание на чем-л., сделать центральным (для обсуждения)*; в) *проблематизировать* (*процесс обучения; сильные и слабые стороны города*) сходно по значению с *поставить на рассмотрение, исследовать (как проблему)*; г) *тематизировать* (*природу и сущность познания; загрязнение региона*) может замещаться без потери смысловых элементов на *обсуждать, рассматривать, размышлять на тему*; д) *концептуализировать* (*понятия; чувственный опыт*) близко к *определять, интерпретировать, трактовать, рассматривать*; е) *позиционировать* (*себя, продукт*) семантически сходно с *представлять, определять (в каком-л. качестве)*; ж) *релаксировать* вступает в синонимические отношения с *расслаблять(ся), отдыхать*.

Если попытаться понять, чем вызвано появление новых слов, то можно, по крайней мере, назвать три причины:

1. Потребность в обновлении словаря. Некоторые явления по скорости и сменяемости напоминают процессы, происходящие в жаргоне, когда каждое последующее поколение меняет частично лексику языка общения.

2. Реализуется потребность в престижной интеллектуальности. Текст обретает статусные свойства. Срабатывает модель: **чем более сложно, громоздко и (часто) менее ясно будет сказано, тем выше статус речи**. Простота и ясность формулировок оказывается менее престижной, чем их усложненность. Текст как бы адресован не всем, но посвященным, тем, кто владеет этим языком и способен его воспринимать и понимать. Адресату приписываются свойства интеллектуала.

3. Некоторые авторы, вероятно, относятся к глаголам на *-ировать*: *тематизировать, проблематизировать, концептуализировать, дистанцировать* и другим как к метаязыку, в который облекает себя современная гуманитарная мысль. Слова употребляются в текстах по философии, антропологии, менеджменту, политологии, психологии. В бытовых и «околобытовых» контекстах их употребление связано со стилистическим сдвигом, ср.: (1) *Амалия заставит артикулировать и того, кто уже в мире ином* (Кира Сурикова. В пелене дождя). (2) *Особенно близка певице спиритуаль-*

ность музыки регги, и в своих текстах она **тематизирует** вопросы духовно-религиозных ценностей (demkina. livejournal.com); (3) *Материнство принято проблематизировать как социальную функцию, как персональный опыт, как педагогическое орудие* (www.genderstudies.info/hist/hist4).

В итоге возникают «пафосные» тексты, которые представляют собой смесь канцелярита и жаргона. Они претендуют на принадлежность к модной или «актуальной» интеллектуальной речи. И в этом смысле их можно определить как **интеллектуальный гламур**.

«Интеллектуальный гламур» характерен для современных гуманитарных исследований, часто переусложненных, уходящих и уводящих своих читателей от «благородной простоты». Для исследователя в этом случае становится важным отметить те тенденции, которые в той или иной мере присущи той страте, к которой он тоже принадлежит, т. е. заняться самоописанием.

Функционирование эрративов в виртуальной и реальной коммуникации

Е. В. Бусурина

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

kbusu@yandex.ru

Интернет, эрратив, карнавализация коммуникации

Summary. The paper describes one of the peculiar styles of the Russian Internet: it is based on deliberate violation of rules at different language levels. Norm violations acquire properties of new norms due to frequency, productivity and high communicative valence and even go beyond the Internet to real communication at large scale. This phenomenon can be explained with tendency of modern communication to develop in carnival pattern.

За последнее десятилетие принципиально новые высокотехнологичные способы коммуникации (Интернет, цифровая телефония и проч.) породили большое количество особенностей современной письменной речи, которые требуют описания и осмысления: огромный пласт заимствований, подвергающихся активной творческой языковой переработке, использование графических символов, цифр, буквенных и буквенно-цифровых аббревиатур, смешанная буквенно-цифровая графика, смешанное употребление кириллической и латинской графики в пределах одного слова и т. п.

Одним из наиболее ярких и объемных языковых феноменов сети Рунет является способ виртуального общения, подразумевающий намеренное, нарочито грубое искажение норм русского языка на всех языковых уровнях. При внешнем сходстве с языковой игрой в узком значении (осознанное нарушение языковой нормы с определенным эстетическим заданием [3: 172]), у этого явления есть кардинальные отличия: системность, даже декларативность искажения нормы, что придает отступлениям статус новой нормы в пределах рассматриваемого языкового явления; ожидаемость, т. е. отсутствие эффекта новизны, окказиональности; высокая частотность; высокая коммуникативная валентность, т. е. употребление нарушений большим количеством носителей языка.

Особенности функционирования таких искажений нормы потребовали введения нового термина для их обозначения — **эрратив** [2]. Эрративы могут представлять собой как одно слово, так и словосочетание или целое предложение. Наиболее частотны эрративы графические: *красавчег = красавчик, превед = привет, начальнег = начальник, летсо = лицо, щотчег = счетчик*, грамматические: *каг фкено = как в кино, крутеццо = крутится, испантсы = испанцы, чот = чего-то, это я было = это я была* (пишет женщина о себе), семантические: *аццкий сотона = адский сатана* — выражает одобрение человека, его высказываний, действий; *иа пацталом лижаль = я под столом лежал* — о чем-то очень смешном, одобрительно; *аффттар, выпей йаду = автор, выпей яду* — отрицательная оценка чьих-либо высказываний, произведений. Графические и грамматические эрративы отличаются системностью образования (например, замена глухих согласных на звонкие на конце слова, замена *а* на *о*, слитное написание предлогов, замена *-тся* на *-ццо* у глаголов и т. д.).

Первоначально употребление эрративов было особенно жаргона определенных микрогрупп пользователей Интернет; наиболее часто можно встретить такие названия данного жаргона, как «язык падонкафф» или «олбанский язык». Помимо нарочитого искажения языковых норм, «язык па-

Если же рассматривать такие глаголы с позиции лексикографа, то возникает вопрос относительно стилистической маркированности подобных единиц. Рассмотренные глаголы стилистически не нейтральны и, в некотором смысле, показательны. Если включать их в толковые словари, то, вероятно, пользователя следует предупредить, что они усложняют и утяжеляют текст. Пометы *книжн.* здесь явно будут недостаточно.

Происходящие в русском языке процессы показывают, что в числе важнейших задач современной лексикографии стоит разработка системы стилистических помет, которая будет адекватно отражать стилистический аспект динамичной языковой нормы.

Литература

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
2. Обратный словарь русского языка. М., 1974.

донкафф» отличается пристрастием к табуированной лексике. Рассматриваемый жаргон послужил источником многочисленных интернет-мемов, распространившихся не только за пределы микрогрупп, но и за границы виртуального общения. Значительной коммуникативной валентностью отличаются сами «нормы» графических и грамматических искажений: множество коммуникантов используют «правила» отступлений от нормы для создания эрративов.

Эрративный стиль обычно связывается с контр-культурой, а основной причиной его возникновения принято считать протест против нормы (как языковой нормы, так и нормы и нормативности вообще). Однако, даже если такое понимание было верным в момент возникновения рассматриваемого явления, то на данном этапе оно требует уточнения в связи с массовостью использования эрративного стиля (его элементов).

Зарождению эрративной семантики во многом способствовало стремление пользователей Интернет к самовыражению, характерному для ситуаций живого общения, при крайне ограниченных возможностях, предоставляемых письменной формой. Но устойчивость и воспроизводимость искажений нормы, их частотное функционирование в реальной коммуникации свидетельствуют уже не о способе самовыражения, а об особенностях самой коммуникации. Подобные явления показывают усиление стихии балагурства как одной из национальных форм смеха [4: 21] в современном общении. Коммуникация проявляет черты карнавализации, важнейшими моментами которой являются вольный фамильярный контакт между людьми, эксцентричность и изображение перевернутого мира, мира «наизнанку» [1: 71–72]. Балагурство способствует фамильяризации общения, частотные канонизированные искажения нормы придают ему эксцентричность, а сами искажения построены, как правило, по принципу «наизнанку», наоборот: графические и фонетические замены *и* на *е* (*кстате, четаает*), *а* на *о* (*кочать*) в безударной позиции, глухих на звонкие на конце слова и перед глухими (*таг не бываед, дедушко*), слитное написание предлогов (*вышел фтераж*) и т. д.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
2. Гусейнов Г. Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
4. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Речевое поведение в публичном дискурсе

Т. А. Воронцова

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

voron500@yandex.ru

Публичный дискурс, речевое поведение, речевая агрессия, толерантность, вежливость

Summary. The main characteristics of the modern public discourse are considered in the paper. The speech behavior typology is represented in the paper from the point view of communicative and pragmatic approach. Three types of communicative behavior: aggression, toleranc, politeness, are viewed.

1. Современный публичный дискурс представляет собой качественно новый тип дискурса, который включает в себя и понятие **публичная речь** как устное (реже письменное) риторическое произведение, и абсолютное большинство речевых жанров **дискурса СМИ**.

Существенными параметрами современного публичного дискурса можно считать следующие:

1) Адресант в публичном дискурсе — это индивидуальный речедаватель, который должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности (журналист, писатель, актер, ученый, политик и т. д.). Речь для него — важный фактор в поддержании репутации, создании имиджа. Высокий социальный статус адресанта способствует тому, что его точка зрения способна оказать влияние на общественное мнение.

2) Публичный дискурс подразумевает как опосредованную СМИ форму общения с массовым адресатом, так и непосредственную — с множественным.

3) Характер адресации публичного дискурса обуславливает его тематическое ограничение: предмет публичного дискурса должен быть значим и интересен для максимально широкой аудитории. Тематика публичного дискурса определяется прежде всего интересами адресата (политика, экономика, вопросы этики, морали, здоровья и т. п.)

4) Предмет речи должен обсуждаться в языковых и речевых формах, доступных и понятных широкой аудитории.

2. Адресант в публичном дискурсе выбирает коммуникативную стратегию, ориентируясь на одну из трех установок:

1) осуществить вторжение в коммуникативное пространство адресата, деформировать его в соответствии с собственной картиной мира, представлениями, оценками и т. д.;

2) эксплицировать собственные представления и оценки, не стремясь при этом существенно изменить представления и оценки адресата;

3) создать общее с адресатом качественно новое для себя и для него коммуникативное пространство.

3. Эти установки можно спроецировать на основные типы речевого поведения: агрессию, толерантность и вежливость.

3.1. Речевая агрессия — это целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое речевое поведение, в основе которого лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата, т. е. установка на некооперативное взаимодействие в широком смысле. В соответствии с коммуникативно-прагматическими установками адресанта, речевая агрессия в этом плане может рассматриваться как вторжение в речевую, аксиологическую или когнитивную сферу коммуникативного пространства адресата. Цель такого речевого поведения состоит в преднамеренном вовлечении адресата в реальный или потенциальный конфликт вследствие изменения status quo в указанных сферах коммуникативного пространства. Это может быть нарушение конвенциональных условий дискурса, навязывание адресату негативного отно-

шения к референту высказывания, изменение представленной адресата о предмете речи.

Если агрессия представляет собой деструктивное речевое поведение, то толерантность и вежливость являются собой конструктивными типами речевого поведения, ориентированными в той или иной степени на создание гармоничного коммуникативного пространства.

3.2. Толерантность как тип речевого поведения подразумевает установку на сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата. В собственно речевой сфере толерантность проявляется в установке на сбалансированный диалог: речевые партнеры действуют в соответствии с дискурсивными параметрами. Для толерантного диалога характерна последовательная, зачастую акцентированная мена коммуникативных ролей (говорящий — слушающий), отсутствие как речевых прищепок, так и речевых поддержек, как перехвата, так и подхвата реплик речевого партнера. В оценочных высказываниях сохранение речевого паритета обеспечивается тем, что говорящий акцентирует, с одной стороны, несогласие с его точкой зрения, с другой — право на существование иной позиции. В качестве показателей толерантного речевого поведения могут выступать, например, указания на субъективный характер оценки (*это мое личное мнение*), апелляция к авторитету как способ объективации оценки (*это точка зрения N*) и т. д.

3.3. Вежливость представляет собой тип речевого поведения, который эксплицирует стремление говорящего к взаимодействию, т. е. к созданию качественно нового речевого, аксиологического и когнитивного поля. Такой тип взаимодействия позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою. Чем более успешно реализуется данный тип речевого поведения, тем шире сфера общего коммуникативного пространства, тем успешнее коммуникация. В речевом пространстве диалога данный тип речевого поведения реализуется через речевые поддержки, подхваты реплик речевого партнера, акцентированную передачу коммуникативной инициативы (открытые вопросы, реплики, побуждающие партнера к речевой активности и т. д.). В аксиологической сфере вежливость может проявляться как согласованность адресанта и адресата в оценке предмета речи, как стилистическое согласование с высказываниями собеседника. В когнитивной сфере вежливость проявляется как стремление говорящего гармонизировать собственное представление о предмете речи с представлением адресата (уточнение, дополнение и т. п.)

Анализ речевого поведения, исследование речевых тактик, специфических приемов, речевых и языковых средств, характерных для различных типов речевого взаимодействия, с множественным и массовым адресатом позволит, в конечном счете, выйти на проблему оптимального общения в публичном дискурсе.

Активные процессы

в русском политическом дискурсе начала XXI века

М. В. Гаврилова

Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург)

gavriil@mail.wplus.net

Русский политический дискурс, общественно-политическая лексика, жанр, концепт, идеология

Summary. A paper represents a description of active processes in Russian political discourse in the beginning of the XXI century. Special attention is paid to key words, lexical means, genres, conceptual system and stylistic devices.

В связи с повышением роли устных форм публичной коммуникации необходимо изучить тенденции развития новейшего русского политического дискурса.

В русском политическом дискурсе начала XXI века изменяется состав ключевых слов, что в значительной степени определяется тематикой выступлений, а те, в свою очередь,

политическими реалиями и задачами: *новый рубеж, преобразование, политическая и экономическая стабильность, борьба с бедностью, эффективное государство, повышение благосостояния граждан* и др. (2000–2008 гг.) — *модернизация, инновация, борьба с коррупцией, мировой экономический кризис, правосудие* и др. (2008–2009 гг.).

Мы наблюдаем существенное обновление лексического состава русского политического дискурса. Общественно-политическая лексика пополняется новыми словами, отражающими социально-политические изменения в государственном устройстве России: *институт полномочных представителей президента, федеральный округ, Государственный Совет* и др. В выступлениях политической элиты звучат авторские окказионализмы: *разбюроккрачивание экономики, финансовая непрозрачность, дообсуждать вопрос* и др. Примечательно, что в узус лексики возвращаются переосмысленные применительно к новым реалиям устаревшие слова, обозначающие отношения собственности: *добросовестный приобретатель*.

Обнаруживается вторичная идеологизация слов, возвращение частотных слов советского политического дискурса: *единство, партийное строительство, государственственный, патриотизм* и др. При этом наблюдается переосмысление значения слов и изменение контекстуальных условий их употребления.

В новейшем политическом дискурсе продолжается процесс активизации иноязычной лексики. Внутреннее немотивированное значение заимствованного слова помогает завуалировать позицию политика: *конструктивный диалог, дискуссионные вопросы, консолидированная и эффективная государственная власть, стратегические преобразования, цивилизованный подход*. Семантически размытое значение иноязычного слова не позволяет четко и ясно охарактеризовать действие: «Мы *оптимистично* оцениваем нашу совместную деятельность», «сотрудничество будет *позитивно* развиваться». Кроме того, отметим процесс внедрения семантических компонентов иностранных слов в лексическое значение общелитературных слов, звучащих в политических текстах (*чувствительные товары, прозрачная экономика, амбициозные цели, суверенная демократия* и др.);

Изменяется соположение значений слов в языковом сознании социума (*площадка, ревизия, прозрачный, институт* и др.).

Наряду с изменением лексического состава трансформируются нелинейные связи лексики. Речь идет о синонимических и антонимических отношениях. Возникают новые синонимические связи, отражающие актуализацию и изменения семантики слов (*реформы = преобразования = кардинальные изменения = модернизация; эффективный = слаженный = конкурентоспособный = жизнеспособный = открытый = современный = серьезный* и др.). Происходит ослабление продуктивности антонимических оппозиций. Антонимия сопровождается не столько противоположностью приписываемых оценок, сколько предметно-понятийным компонентом: *стабильность — социальные потрясения, сырьевая экономика — инновации* и др.

В политических выступлениях начала XXI в. активно используются словообразовательные модели, обозначающие отвлеченный признак.

На новейший русский политический дискурс оказывает влияние экономический (*корпоративное управление, инфраструктурные монополии, менеджмент, дефицит денежных средств* и др.) и юридический (*законодательная база, правосудие, судебная система, право* и др.) дискурс.

Характерной особенностью политической речи является сильное воздействие письменных форм языка, в частности языка деловой документации. Например, политики используют готовые речевые формулы (*соответствующие законопроекты, установленные требования, вышеуказанная проблематика*), отыменные предлоги (*в ходе обсуждения актуальных проблем мировой политики, это положение будет постепенно исправляться в целях разрешения острых проблем*), устойчивые словосочетания, служащие для связи частей сложного предложения (*мы платим и будем платить по долгам — исходя из того, что главным приоритетом для нас является развитие собственной экономики*). Подобные канцеляриты лишают речь политика простоты и эмоциональности, затрудняют восприятие сообщения адресатом, что в дальнейшем может привести к отчуждению политика от аудитории.

В русском политическом дискурсе начала XXI в. появились новые жанры: послание Федеральному собранию, инаугурационная речь, прощальная речь президента, интервью большому количеству журналистов, интервью президента в режиме реального времени в Интернете; прямая линия «Задайте ваш вопрос президенту» с различными районами страны; прямая линия с зарубежными гражданами (Украина); выступление на заседании (президиума) Госсовета, видеоблог и др. Вместе с тем сужается политическое поле публичных дискуссий, наблюдается отказ от предвыборных дебатов на президентских и парламентских выборах.

В пространстве политических идей и взглядов наблюдается концептуальная разногласия. Мы выявили вариативное содержательное наполнение слов, выражающих ценности русского социума и основные политические термины (патриотизм, справедливость, свобода, демократия и др.). Различное семантическое наполнение слов, с одной стороны, затрудняет усвоение данных политических понятий массовой аудиторией, с другой стороны, отражает стремление политических сил наполнить объем термина значением, отражающим присущую им систему политических ценностей.

Таким образом, в русском политическом дискурсе начала XXI века наблюдаются следующие процессы: обновление лексического состава, своеобразная перегруженность синтагматических связей ключевых слов, изменение соположения значений слов, возникновение новых синонимических связей, нейтрализация тревожного эмоционального фона, ослабление продуктивности антонимических оппозиций, усиление влияния экономического и юридического дискурса, трансформация жанровой системы, вариативное содержательное наполнение базовых концептов, влияние иноязычной лексики.

Традиции проповеднического и светского красноречия в выступлениях священнослужителей в первом российском парламенте 1906 года

С. А. Громыко

Вологодский государственный педагогический университет

ling2007@yandex.ru

Риторика, духовное красноречие, политическое красноречие, стилистика

Summary. In the first Russian parliament of the beginning of the XX-th century clerics had to say political speeches. Performances of priests were based on experience of church eloquence. The sermon was the main genre which became a basis for such performances. Different lines of the sermon in parliamentary speech were used on a miscellaneous.

1. Проблема взаимодействия практик духовного и светского красноречия является одной из самых интересных не только для истории риторики, но и для современных коммуникационных технологий, использующих знания из области ораторского искусства. Это взаимодействие можно рассматривать как одну из бинарных оппозиций, составляющих дуальность русской культуры, о которой писал Ю. М. Лотман и которая, по его мнению, наиболее отчетли-

во проявляется в кризисные, переломные этапы развития общественного сознания [11]. Фундаментальная оппозиция русской культуры — «светское / церковное» — в начале двадцатого века нашла еще одно свое вербальное и акциональное выражение в заседаниях I Государственной думы 1906 года.

2. С точки зрения ораторского искусства думские священнослужители находились в более выгодном положении,

чем, например, депутаты-крестьяне, зачастую не имевшие вообще никакого опыта публичных выступлений. К началу XX века духовенство в России оставалось сословием, ориентированным на публичную речь различных жанров духовного красноречия. Однако основу этих жанров составляла проповедь, внутренняя диалогичность которой не предполагает дискуссии с адресатом. В связи с этим депутаты-священники должны были переориентировать свою речь таким образом, чтобы их выступления вписывались в коллективно творимый текст думской полемики.

3. Выступления православных священнослужителей крайне неоднородны как с точки зрения используемых языковых средств, так и в плане речевых стратегий, лежащих в основе речи. Однако все эти депутаты в качестве отправной точки для построения высказываний использовали православную проповедь: кто-то как средство примирения противоположных точек зрения, а кто-то «от противного», как способ убеждения в своей правоте, а иногда и открытого эмоционального давления на аудиторию. Намечены минимум три пути развития дискуссионной речи священников, которые основывались на проповеди:

1) модификация проповеди как жанра, связанная с изменением ее тематики и употреблением общественно-политической лексики;

2) сочетание отдельных элементов религиозно-проповеднического стиля, прежде всего лексики и фразеологии, с разговорным стилем и сниженной лексикой, использование речевых приемов проповеди в качестве аргументов к этосу для создания образа оратора как человека, близкого к народу;

3) соединение отдельных элементов религиозно-проповеднического стиля с митинговой речью, использование речевых приемов проповеди в качестве аргументов к пафосу для эмоционального воздействия на аудиторию.

4. Речь священников западных конфессий в Думе носит в основном светский характер, содержит современную терминологию, опирается на рациональную аргументацию, отличается взвешенностью и отсутствием инвективности.

Нельзя сказать, что перечисленные формы адаптации напрямую и жестко были связаны с проповедуемой конфессией. В то же время можно предположить наличие некоторой зависимости риторических предпочтений священников от гомилетических традиций, принятых в их конфессии.

Литература

1. Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906.
2. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Т. I. Заседания 1–18. СПб., 1906.
3. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Т. II. Заседания 19–38. СПб., 1906.
4. Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 1 / Под ред. В. Д. Карповича. М., 1995.
5. Грановская Л. М. Риторика / Под ред. В. А. Плотниковой. М., 2004.
6. Ипатова С. Н. Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (на материале творчества святителя Игнатия). Авторефер. ... канд. фил. наук. Вологда, 2004.
7. Ипатова С. Н. Святитель Игнатий как проповедник. Вологда, 2007.
8. Кагарлицкий Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII века // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 243–258.
9. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 151–240.
10. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
11. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
12. Розанова Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 341–363.
13. Словарь русских народных говоров. Т. 32. СПб., 1998.

Бикодовый дискурс как отрицательный результат когнитивного соперничества первого и второго языков

П. П. Дашиниаева

ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (Улан-Удэ)

polinadash58@mail.ru

Интерязык, когнитивное соперничество, переключение кода, бикодовый дискурс

Summary. The paper introduces research on the negative consequences of the cognitive competition between a minoritarian language and Russian which lead to functional regression of the mother tongue. The latter reveals in a bico-coded discourse: the bilingual speaker unconsciously switches the code of the mother tongue to that of Russian.

Исходная точка исследования заданной проблемы состоит в убеждении, что за исключением ситуации одновременного изучения языков в раннем детстве не бывает идеально-го типа билингвизма, что когнитивное взаимодействие первого, второго (и третьего и т. д.) языков всегда приводит к интерязыковой асимметрии. Термин «интерязык» используется нами, во-первых, в значении «новая промежуточная лингвистическая система, возникающая в речи билингва при контактировании языков» (А. А. Залевская). Речь идет о непоступательном развитии одного из языков под воздействием другого в процессе естественного общения. Во-вторых, по мере изучения бурятско-русского (калмыцко-русского и т. д.) дискурса нами обнаруживается второе значимое термина «интерязык» — «динамический саморазвивающийся продукт взаимодействия языков», своего рода «промежуточная система-консенсус когнитивного соперничества кодов». Другими словами, интерязык нами понимается и как отношения между языками, и как надстандартная форма языка.

Регрессивное движение первого (бурятского, калмыцкого и др.) языка начинается при достижении высшего уровня автоматизированности умений говорения и письма на втором (русском) языке, преодоление так называемой *фоссилизации*, способствующих наступлению негативных последствий для функционирования первого языка. Внешними индикаторами наступающей дефункционализации является то, что билингв испытывает речи в лексические затруднения,

начинает смешивать коды в рамках одного высказывания, замедляется темп речи, прагматический потенциал языка скудеет и т. д., — следствие, вызванное нейрофизиологическим принципом порождения и восприятия речи, с одной стороны, и формально-семантической «диспозицией», с другой.

Первый фактор — когнитивный — видится в кратком изложении в следующем. В силу регулярной нейронной активации лексем русского языка и, наоборот, слабой активации тех или иных лексем бурятского языка, отсутствует реализация соответствующего механизма *продуктивного* уровня в режиме «целеполагание ↔ мысль ↔ внутренняя речь ↔ смысл для объективации ↔ знак первого языка», поскольку до этого регулярно не «срабатывал» когнитивный алгоритм *перцептивного* уровня в режиме «знак первого языка ↔ декодирование (рабочая, краткосрочная и долгосрочная память) — алгоритм, который укреплял бы когнитивную базу первого языка и формировал бы функциональную мобильность лексем». Это значит, что восприятие — регулярное аудирование устного и чтение письменного текста — не менее важно, чем производство речи, поскольку для содержания соответствующих нейронов в гибкости и восприимчивости во избежание очередных потерь (пока лингвистического характера), достаточно как минимум обеспечивать вход информации — тот минимум, который обеспечивает функционирование, хотя и не в полной мере, этнического сознания.

Другими словами, речепорождение происходит следующим образом. Хотя мысль родилась в этномаркированном

сознании и сформировалась в «бурятизированной» версии в универсальном предметном коде, она сталкивается с проблемой «означающего» на стадии овнешнения в телах языкового знака: формы, вернее — звуковые последовательности, бурятского языка, **неосознанно** по умолчанию не активируются. Активируются более стабильные и мобильные (к этому моменту) нейронные соединения, «ответственные» за русские эквиваленты. Неосознанные переключения кода бурятского на код русского языка в рамках одного высказывания в итоге рождает некий креолизованный бикодовый дискурс — то, что вышеупомянуто как второе значение «интерязыка».

Подытожим вышесказанное об основе и факторе формирования интерязыковой асимметрии: чем чаще активируется тот или иной вербальный знак, тем сильнее вероятность его объективации в следующий раз, что означает — тем меньше вероятность объективации его эквивалента на другом языке и тем больше вероятность перехода второй единицы в разряд пассивной лексики. К примеру, если говорящий часто использует слово *природа* вместо лексемы бурятского языка *байгаали*, то единица родного языка не имеет шанса оказаться в краткосрочной памяти, т. е. не срабатывает соответствующая нейронная цепная реакция. Но при этом, напомним, концептуально-семантическая система индивида еще остается этномаркированной.

Анализ креолизации речи естественного билингва на территории Российской Федерации показывает некоторые закономерности «саморазвития» промежуточного дискурса. Во-первых, упомянем в качестве внеязыковой закономерности возрастной параметр: количество потерь прямо пропорционально возрасту, т. е. чем моложе индивид, тем глубже

степень потеря. Другими словами, каждое следующее поколение общается на меньшем глоссарии, чем тот, на котором основывалось общение предыдущих поколений. У старшего поколения богаче «аутентичная» когнитивная «база данных», сформированная посредством активных интеракций с предками, не знавшими других средств общения, кроме родного языка, и других аксиологических ориентиров, кроме этноконцептуальных. Социолингвистическая закономерность, неблагоприятная первому языку — русскоязычный контекст, когда-то послуживший для говорящего мотивом, а теперь служит нейрофизиологическим обоснованием для приоритетного использования русского языка.

В качестве языковой закономерности самопроектирования дискурса со смешением кодов можно назвать постпозитивное уменьшение / убывание стабильности нейронных соединений по направлению от грамматики к фонетике и просодии, затем к лексике. Представим пример типичного бурятско-русского дискурса (*здесь*: фрагмент телефонного разговора): *Концертдэ полно хун байгаа. Даже балкондо местэнүүд үгы байгаа лэ. В принципе, ехэнхинь ничё дуулаа. — На концерте было полно людей. Даже не было мест на балконе. Большинство вело «ничего».*

В трех коротких предложениях имеется 7 случаев переключения кода, из которых 3 лексемы русского языка склоняются по формуле «корень русского языка + морфема бурятского языка». Это подтверждает сверхустойчивость грамматического уровня языка. Что касается фонетики и просодии, закономерность уменьшения их аутентичности прослеживается в следующем: чем больше переключений кода на русский язык, тем очевиднее появление русскоязычного акцента.

Специфика дискурсивной реализации концептов

Т. А. Демешкина

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Томский государственный университет»

demeta@rambler.ru

Миромоделирование, семантика, диалект, концепт, метафора

Summary. In the paper the world conceptualization ways of the modern Siberian country people are being analyzed. The linguistic patterns are being discovered which are common for those of literary language and patterns which reflect the specific world view of Siberian peasant. The analysis field involves direct and derivative ambient reality nominations. The image vocabulary, idioms and set expressions are regarded more detailed.

Диалект как особая форма коммуникации характеризуется наличием собственной концептосферы.

Ключевые концепты диалектной культуры имеют отличия от аналогичных концептов, выявленных на материале литературного языка. Эти отличия касаются степени разработанности концептов, разной их структурированности, отражающей архаичность, макрокосмичность, мифологичность, эгоцентризм сознания носителей диалекта при восприятии и осмыслении окружающего мира. Преимуществом когнитивной диалектологии является обращенность к реальной коммуникации, отражающей современные социокультурные процессы.

Проанализируем концепт **женщина** в диалектной культуре. В качестве источника использованы данные среднеобских говоров. Анализ номинаций, отражающих обыденное представление о женщине в крестьянском сознании, проводится с учетом оппозиций женщина / мужчина, а также на основе сопоставления этих номинаций с литературным языком.

В диалекте функционирует три лексические единицы для обозначения женщины вообще, *женска* (59 употреблений), *баба* (90 употреблений), *женщина* / *женчина* (227). В отличие от литературного языка, в лексической семантике слова «баба» не содержится аксиологической направленности: *Пять-шесть баб борону таскали* (в войну) и *боронили*. Пренебрежительное отношение передается вариантами: *Бабёнишка, бабёшка, бабёнишка*. Оценочная семантика производных *бабёнка* и *бабочка* характеризуется амбивалентностью: *Она така открытая бабёнка; Эта бабочка пьет да курит. Вот жись!* Лексемы *женщина*, *баба* отличаются разными способами вхождения в диалектный контекст. *Женщина* обычно используется для обозначения незнакомого человека из другой сферы, чуждой говорящему, в совокупности с неопределёнными местоимениями и частицами, маркирующими категорию чуждости (*кака-то, одна*): *А у*

А у его есь, он... кака-то женщины там-ка с ребенком тоже, дружит; Я хотела, просила одну женщину, штука-тур... мастер.

Лексема *баба* в разных своих значениях имеет большое количество определений, что свидетельствует о большей степени ее освоённости в говоре. Отметим, что *баба* в значении «замужняя женщина» не является устаревшим в диалекте, в отличие от литературного языка. На базе прямых значений лексемы *баба* функционируют метафоры, моделирующие утилитарную сферу (орудия труда, изделия и т. д.).

Если хозяйственная сфера моделируется с учетом внешних признаков, не попадающих в зону оценки, то природный мир осмысливается на основе отрицательных морально-этических свойств, традиционно приписываемых женщине. В метафорах отражено представление о женщине как о существе, излишне болтливом (*бабы сплетни, бабий язык*), склонном к обману, ненадежном (*Веиний лед — весенний, дряблый такой, обманчивый, как женщина: на него ступить нельзя*).

Реализация базовой оппозиции мужское / женское в диалекте детерминируется типом архаической культуры, в которой доминирует идея порядка, нормы, выполняющей «поддерживающую» функцию. Актуализация гендерных признаков зависит также и от сферы описания человеческого бытия (физической, интеллектуальной, этической, социальной). В целом ряде случаев члены оппозиции нейтрализуются, актуализированной оказывается сема «человек». Так, основой крестьянского существования является физический труд, поэтому идеалом является физически сильный, здоровый человек, что отражено в устойчивых сравнениях, фиксирующих силу мужчины: *как бык, как конь*, фразеологизм *кряж кряжом*. Одобрительно оцениваются те женщины, которые могут сравниться по физической силе с мужчинами: *Она как мужик* (работает). *Сильно она молодец!*

Внешность женщины оценивается с позиций способности к физическому труду. В понятие красоты как непреходящий атрибут включается физическое здоровье: *В твои-то годы я была как кровь с молоком*. В диалектной коммуникации не актуализуются смыслы, отражающие христианизированное восприятие женщины как существа, зависимого от мужчины, его «части». Доминирующим оказывается идеал физически развитой, здоровой женщины, которая не уступает в работе мужчине.

Мерилом нравственных качеств человека является в крестьянском сознании отношение к труду. Не маркируются в гендерном отношении единицы, обозначающие отношение к труду, качества речи, отношение к образованию, энергичность характера, ум, сообразительность.

В диалектной коммуникации не поддержаны дискурсивно представления о женской кротости, смирении, восходящие к христианской культуре.

Существование женщины в традиционной культуре осмысливается в связи с идеей порядка и беспорядка, восходящей к более общей дихотомии нормы / антинормы. Идея порядка реализована в утилитарной сфере, связанной с порядком в доме, непреходящим атрибутом которого является чистота, аккуратность.

Этическая сфера, в отличие от утилитарной, в полном объеме репрезентируется в диалекте через обращение к антинорме. Дискурсивно отмеченным оказывается отрицательный полюс оценки женских свойств и качеств. Особенно ярко это проявляется в сфере сексуальных отношений,

наиболее жестко диктующих нормы именно женского поведения в отличие от мужского. Идея беспорядка получает пространственное наполнение, связанное с концептами воли, пути. Во всех контекстах, где в семантике лексемы *вольный* актуализируется смысл «нарушающий нравственные нормы», в зону отрицательной оценки помещаются женщины. Идея нравственного беспорядка, хаоса реализована через актуализацию семантики кручения, верчения, создающих кривизну прямоугольного пространства и нарушающих тем самым порядок. В семантике вторичных номинаций реализуется идея замкнутого круга, кружения, нерезультативного движения: *крутить пуговицы, закрутить голову, вертеть хвостом, вертихвостка, окрутить, мотаться, путать (опутать), путаться, трепаться*.

В ряде контекстов реализуется семиотическая оппозиция верх / низ, фиксирующая положение дел как антинорму.

Таким образом, гендерная асимметрия в диалекте выражена в меньшей степени, чем в литературном языке, ее выражение зависит также от сферы описания. Нейтрализация признаков по полу происходит при описании утилитарной сферы, наиболее ярко противопоставление по половому признаку проявляется в этической сфере, где «вольное» поведение женщины всегда оценивается отрицательно. Портрет идеальной женщины выстраивается в диалекте в соответствии с иерархией ценностей, существующих в традиционной культуре, эти нормы являются обязательными для социума в целом, независимо от принадлежности к полу.

Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах

Е. Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

edobrush@gmail.com

Семантика, русский язык, лексика, внутренняя форма слова, религиозный дискурс

Summary. In theological contexts, words of common language acquire domain-specific meanings. The paper demonstrates that by considering the usage of two Russian verbs, *оправдать* (~ 'justify, acquit, excuse') and *заступаться* (~ 'intercede, protect, defend'). We argue that their theological meanings may be described in terms of stronger semantic articulatedness of the preverb and thus revitalize the word's inner form.

1. Семантическая специфичность религиозной лексики

(1) Смысл привычного слова, когда оно используется в религиозном контексте, часто заметно отличается от всех светских прочтений. В словарной статье богословское использование такого слова должно бы было описываться как отдельное значение. Но русская христианская лексика с позиций лексикологии и семантики практически не изучалась, и даже в самых точных словарях религиозные и богословские контексты не учитываются.

(2) В случаях подобной многозначности нередко оказывается, что неискушенный слушатель воспринимает звучащее в проповеди слово в бытовом значении, не замечая, что в него вложен иной смысл. Так, глагол *оправдать* в нерелигиозном языке выступает в значениях, связанных с компонентом «доказать правоту», см., например, толкования шести его значений в МАСе. Между тем, в синодальном переводе Библии, как и в других христианских текстах, *оправдать* используется в неопisanном в словарях значении «сделать соответствующим правде (Божией)», ср.: *На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет* [Книга Исаия 53:11].

2. Введение нового значения через оживление внутренней формы

Митрополит Антоний (Сурожский), обладая точным, выразительным языком и даром доводить свое понимание сути до слушателей, часто разъясняет значения употребляемых им слов, давая им своеобразные, смелые толкования. При этом, предлагая отличное от стандартного прочтение, проповедник часто опирается на внутреннюю форму слова (см. обзор связи внутренней формы с семантикой лексемы в [2]). Трудно различимая, полустертая в привычном слове, внутренняя форма оказывается ярко проявленной в тексте проповеди. Ср.: *...недостаточно молиться, а надо... еще жить такой жизнью, которая была бы выражением нашей мо-*

литвы, которая бы эту молитву оправдывала... И тогда, если мы будем молиться на фоне такой жизни, наша молитва будет звучать правдой; иначе она будет сплошной ложью, иначе она будет выражением несуществующих в нас чувств и мыслей, которые мы у кого-то взяли... А Богу нужна правда: правда нашего ума, правда нашего сердца, и непременно правда нашей жизни [митрополит Антоний (Блум). Попробуем молиться Богу истиной... (1980–1981), Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ)].

3. Нормативное значение глагола *заступаться*

(1) Далее будет сделана попытка разобраться в религиозном значении слова *заступаться* и однокоренных, трактуемых в текстах митрополита Антония как обладающие семантически вычленимой приставкой.

(2) Нормативное значение глагола *заступаться* проанализировано в [3]. Вот разделенное на пять семантических компонентов толкование, составленное на основе этого описания: «*заступаться* обычно означает, что субъект, (1) как правило, движимый состраданием или чувством справедливости, (2) предприняв активные действия, часто в словесной форме, (3) делает попытку (успешную или неуспешную) воспрепятствовать тому, чтобы (4) антагонист нанес или продолжал наносить обиду или ущерб объекту, (5) при этом субъект сильнее объекта и выше по статусу, а статус антагониста самый высокий». Ср. пример из этой же статьи: *Ему просто жалко стало Митяя, вспомнив, как жалел его и заступался за него перед мамой и бабушкой папа* (В. Распутин. Век живи — век люби). Конструкция *папа заступался за Митяя перед мамой и бабушкой* означает, что «субъект *папа*, движимый состраданием или чувством справедливости, в словесной форме совершал попытки воспрепятствовать тому, чтобы антагонисты *мама* и *бабушка* причиняли ущерб объекту *Митяй*, при этом *папа* сильнее и выше по статусу *Митяя*, а *мама* и *бабушка* имеют еще более высокий статус».

4. Религиозное употребление глагола *заступаться* и его производных

Для православных текстов слово *заступник* привычно как эпитет к имени Богородицы или определенных святых. Слова *заступничество* и *заступнический* в первую очередь описывают определенный тип молитвы, ср. сочетания *заступническая молитва* и *молитвенное заступничество*. Слово *заступление* как производное от *заступиться* используется только в христианских контекстах, ср. *помощь и заступление*; в светских оно образовано от *заступить*: ср. *заступление на дежурство*.

5. Митрополит Антоний о значении *заступиться*

(1) Попробуем применить к христианским контекстам вышеприведенное толкование. При *заступаться* и *заступление* субъект — это обычно Богородица или святые, а при *заступнический* и *заступничество* — любой молящийся; антагонист — всегда Бог (после предлога *перед* не могут быть использованы иные слова, чем это или его замещающие), а «форма защиты» — всегда молитва. Таким образом, компоненты (1) «движущая сила» (сострадание), (2) «форма действий» (молитва) и (5) «иерархия статусов» с некоторыми уточнениями могут быть использованы. Но далее бросается в глаза недопустимость применения компонентов (3) «попытка воспрепятствовать» и (4) «вред». Христианскому мировосприятию глубоко чужда мысль препятствовать Промыслу Божию или предполагать его вредоносность для кого-либо.

(2) Чтобы выйти из этих противоречий, обратимся к рассуждению о *заступничестве* в проповеди митрополита Антония: *И теперь я скажу немного на тему заступничества — что оно подразумевает*. Сначала митрополит показывает абсурдность обыденного понимания слова *заступничество* и одновременно признает, что именно так, абсурдно, понимают и творят свои молитвы о бедах других многие христиане: *Если выразиться более жестко, сняв с нашей молитвы налет благочестия, мы просто сказали: «Господи, а Ты заметил много неладного в том мире, который Ты создал, а Ты как будто не обращаешь на это никакого внимания»... Разве не так мы часто поступаем, когда ходатайствуем за кого-то? Разве наше заступничество не сводится часто просто к тому, что мы призываем Бога и напоминаем Ему о том, что Он должен был бы сделать? ...заступничество не состоит в том, чтобы напоминать Богу, что Он забыл Свои обязанности*.

(3) Отвергнув обыденное понимание, митрополит Антоний, чтобы связать слово с его новым значением, обращается к его внутренней форме, оживляет связь с корнем *ступать* (а для французского *intercession* — с латинским корнем, переводимым «сделать шаг»). Далее он толкует *за-*

ступничество как шаг в центр ситуации, в сердцевину трагической Истории человека или народа, как молитвенное усилие, делание, позволяющее взять на себя грех или беду другого, понести их и принести к Богу.

6. Религиозное значение глагола *заступаться*

(1) Тогда *заступаться* в религиозном языке обозначает, что субъект, (1) движимый состраданием, (2) посредством молитвенного делания, (3) стремится принять на себя, частично или полностью, усилие по несению греха или страдания объекта, чтобы (4) соработать Богу в спасении объекта.

(2) Значение это возникает из-за того, что семантическая позиция «антагониста» заполняется специальным образом. Если же не изменить значения компонентов (3) и (4) и, тем не менее, заполнить позицию антагониста так, что компонент «воспрепятствовать» станет невозможным, глагол *заступаться* теряет существенную часть значения, сближается с банальным *ходатайствовать*, которое и использовано выше в качестве замены неработающего *заступаться*. *Ходатайствовать* означает, что субъект просит высшего в иерархии о благе (или невреде) для объекта, (как правило, обладая более высоким статусом, чем объект).

(3) Несовпадение нормативного и христианского значения обсуждаемых слов и важность для христианства необыденного, глубокого их понимания особенно заметны при анализе употребления этих слов в мусульманских контекстах. В переводах и обсуждениях Корана они используются с обыденным, отнюдь не христианским значением. В таких контекстах не учтен элемент «молитвенная причастность, сотворчество Богу в его спасающем делании» и поэтому *заступиться* вновь сближается с *ходатайствовать*, ср.: *Ходатайство за кого-либо в Судный День невозможно, кроме как с позволения Всевышнего: «Кто заступится пред Ним, иначе как по воле Его?»* (Св. Коран, 2 255) [Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997–1999), НКРЯ]. Таким образом, дискуссия о значимости (с православной точки зрения) и невозможности (с мусульманской и иных точек зрения) *заступничества* за кого-либо перед Богом возникает не только из-за непонимания богословской сути *заступнической* молитвы, но и из-за непонимания того, что слово *заступиться* функционирует в православных текстах в ином значении.

Литература

1. Митрополит Антоний (Сурожский). Может ли молиться и верить современный человек. М., 2009. С. 30–40.
2. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
3. Крылова Т. В. Защитить // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 380–383.

Коммуникативная компетенция: проблемы типологии ее составляющих и их роли в дискурсах разных типов

Е. П. Захарова, М. А. Кормилицина, О. Б. Сиротинина

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
rusyazsgu@mail.ru, margarita-kormil@mail.ru, skunak@mail.ru

Коммуникативная компетенция, типология составляющих компетенции, языковая компетенция, этическая составляющая компетенции, риторическая грамотность

Summary. The classification of communicative competence is considered in this report. Each component is represented by a set of certain knowledge and skills. The role of components of communicative competence is analyzed in different types of discourse: in the everyday and the institutional, in the fictional and the scientific. The significance of communicative competence not only in the life of everyone, but the whole country is highlighted.

Эффективность общения требует широкой компетенции его участников: адресанта и адресата (адресатов) в любом типе общения, но особенно в массово-адресованном и специальном. Широкая компетенция предполагает знания об окружающем мире вообще и конкретно о том, что составляет непосредственно тему общения, но при этом особенно важно владение кодом общения (язык, специальные знаки, формулы и т. д.) и правилами его применения в данном сообществе, а также нормами поведения. С нашей точки зрения, владение кодом и нормами речевого поведения можно считать коммуникативной компетенцией, которая в свою очередь включает в себя разные составляющие. Типологию этих составляющих представляют языковая и этиче-

ская составляющие компетенции, риторическая грамотность, собственно коммуникативная составляющая компетенции, выразительность и творческое своеобразие речи. Каждую из этих составляющих в свою очередь можно представить как набор более конкретных знаний и умений:

1. Языковая компетенция.

- 1.1. Правильность речи (знания орфоэпические, акцентологические, орфографические и пунктуационные, морфологические, синтаксические, лексико-семантические).
- 1.2. Творческая целесообразность речевых изменений в значении слов, их сочетаемости, фразеологизмах, наращении смысла.

- 1.3. Баланс стандарта и творчества в речи.
2. **Этическая составляющая.**
 - 2.1. Приоритет убеждения при ограниченности манипулирования.
 - 2.2. Приоритет вежливости.
 - 2.3. Толерантность.
 - 2.4. Ограниченность категоричности.
 - 2.5. Приоритет скромности.
3. **Риторическая грамотность.**
 - 3.1. Знание риторических законов и умение ими пользоваться.
 - 3.2. Уважение к адресату и забота о нем.
 - 3.3. Стремление к гармонизации речи и поиску компромисса.
 - 3.4. Умение предупреждать возникновение конфликтов и гасить возникшие.
 - 3.5. Соблюдение принципов необходимой и достаточной информативности.
4. **Собственно коммуникативная составляющая.**
 - 4.1. Умение учитывать конкретную ситуацию общения.
 - 4.2. Умение ориентироваться на конкретного адресата.
 - 4.3. Всемерная помощь адресату для правильной интерпретации сказанного / написанного.
 - 4.4. Умение адекватно реагировать на реплики собеседника.
 - 4.5. Умение слушать.
 - 4.6. Владение как диалогической, так и монологической формой речи, соблюдение избранной стратегии и использование эффективных для нее тактик.
 - 4.7. Выбор тональности в соответствии с типом общения.
 - 4.8. Выбор жанра, формы речи и типа общения соответственно коммуникативным условиям общения.
 - 4.9. Умение целесообразно пользоваться системой знаков невербальной коммуникации.
5. **Выразительность и творческое своеобразие речи.**

Разные формы речи и типы дискурсов выдвигают на роль ведущих разные составляющие. Так, для письменной речи особенно важными являются, прежде всего, языковая компетенция: правильность речи (орфографическая, пунктуационная, морфологическая, синтаксическая, лексико-семантическая), творческая целесообразность речевых изменений в значении слов, их сочетаемости, фразеологизмах,

наращении смысла; баланс стандарта и творчества в речи. Для устной — тоже языковая компетенция, но правильность речи произносительная, акцентологическая, лексико-семантическая, а также творческая целесообразность речевых изменений, в том числе с целью удержать внимание собеседника.

Для обдуманной речи важны все конкретные знания и умения собственно коммуникативной составляющей компетенции, особенно правильная оценка ситуации, умение определить коммуникативные намерения собеседника, оценить его эмоциональный настрой, готовность к диалогу, умение выбрать тональность, жанр, форму речи в соответствии с конкретными условиями общения.

Для институционального (представительского) дискурса, чаще всего официального, важны владение системой выражения статусно-ролевых отношений (строгий отбор стилистических средств, этикетных формул, невербальных компонентов, тональности общения и др.) и риторическая грамотность (знание риторических законов и умение ими пользоваться, уважение к адресату и забота о нем, стремление к гармонизации речи и поиску компромисса, умение предупреждать возникновение конфликтов и гасить возникшие).

Художественная речь требует, прежде всего, творческого использования языковых возможностей, творческой целесообразности речевых изменений в значении слов, их сочетаемости, фразеологизмах, наращении смысла, умения оброчно моделировать мир.

В научной речи значимы понятийная точность и владение терминологической системой данной отрасли знания, логичность и аргументированность речи при соблюдении правил языковой компетенции, адресованность специалисту / неспециалисту.

Для СМИ очень важны все конкретные знания и умения, связанные с риторической грамотностью, особенно заботой об адресате и уважением к нему, а также безусловное соблюдение этических норм и правил общения.

Недостаточность коммуникативной компетенции приносит большой вред жизни общества и приводит к созданию неработающих законов, повышенной агрессивности как между отдельными людьми, так и между населением и властью, а также в отношениях между странами.

Взаимодействие «автор — читатель» в условиях языковой игры

М. В. Захарова

ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

mary-zaharova@yandex.ru

Языковая игра, автор, читатель

Summary. Interaction «the author — the reader» in conditions of language game in different types of the communications.

Мы понимаем языковую игру как преднамеренное целевое нарушение существующей нормы языка, речи или коммуникации в целом для решения определенной авторской задачи. Такое понимание обуславливает повышенный интерес к взаимодействию «автор-читатель» в условиях языковой игры, так как на первый план выходит проблема принятия либо неприятия читателем условий предложенной автором игры. Если условия принимаются, задуманная автором коммуникация успешно осуществляется, если же нет, происходит срыв коммуникации, разрушение авторского замысла (читатель не видит игру, а следовательно, не понимает и скрытый за ней подтекст; в его восприятии данный элемент — лишь языковая, речевая или коммуникативная ошибка, которая, естественно, может вызвать лишь раздражение и неприятие).

Интересно, что законы такого взаимодействия практически идентичны как для художественного текста, ориентированного на произвольного читателя-реципиента, так и для адресного устного или письменного текста, ориентированного на конкретного читателя или слушателя.

Можно сказать, что языковая игра наиболее действенный способ преодоления разобщенности между создателем художественного текста и неопределенным адресатом, так как использование элементов языковой игры всегда вызвано «воспоминанием» автора о читателе, о его предполагаемой

реакции на то или иное высказывание. А обнаружение, в свою очередь, читателем в тексте игрового элемента провоцирует обращение к авторскому замыслу, поиск явных и скрытых идей. В то же время не идентификация читателем игрового элемента сужает сферу активного взаимодействия как с текстом, так и с автором (как родоначальником или продуцером воплощенных в тексте идей).

В разные исторические периоды, в разных типах текстов и сферах коммуникации при сохранении сущности взаимодействия «автор — читатель», «автор — слушатель», конкретная реализация данного явления может быть различной.

В народной смеховой культуре, например, существует жанр «небылица, небывальщина» — текст абсурдистской направленности, где автором целенаправленно нарушаются законы языковой, речевой и логической сочетаемости слов и понятий. Цель такого нарушения — в преодолении внутренней языковой косности реципиента, а следовательно раскрепощении языковой личности. Если взаимодействие автора, рассказчика и читателя, слушателя осуществляется успешно, то реципиент последовательно (в процессе наращивания фактической бессмысленности повествования) проходит через стадии непонимания — удивления — раздражения — неприятия и наконец постижения авторского замысла: «представь себе, что я здесь нагородил, и наслаждайся тем, что видишь». В данном взаимодействии смех читателя,

слушателя, его ощущение «отпускания» реальности и спокойного, расслабленного наслаждения превращают его в «соучастника» абсурдистского искажения реальности, осуществляемого автором, а следовательно, в со-творца, единомышленника. То есть реципиент из позиции объекта высказывания переходит в позицию субъекта, но не так, как это происходит при стандартной письменной (прежде всего художественной) коммуникации (т. е. замещающей в субъектной позиции автора текста, создавая свой собственный текст на базе предложенного), а совмещаясь с автором вне пределов текста. Таким образом, в процессе взаимодействия автор и читатель здесь приходят к постижению общей идеи о неустойчивости мира, отсутствия в нем непреложных истин, а значит, об отсутствии необходимости всегда следовать установленному порядку вещей, о возможности всегда и все изменить. Эта идея находится вне плоскости текста и рождается лишь в процессе приобщения читателя к мировоззрению автора при принятии и расшифровке предложенной языковой игры.

Примером совершенно иных типов взаимодействия могут служить тексты риторической направленности или классические художественные тексты второй половины XIX века. Здесь хотелось бы еще раз уточнить, что мы считаем языковой игрой любые целевые отступления от нормы, следовательно, принимаем все риторические и изобразительно-выразительные художественные приемы за элементы языковой игры, так как в их основе лежит целенаправленное отступление от какой-либо языковой, речевой или коммуникативной нормы.

В текстах первого из названных выше типов задача автора — скрытое воздействие на читателя, следовательно, предпочтение отдается таким приемам, которые менее всего обращают на себя сознательное внимание читателя, слушателя и нацелены прежде всего на как можно более полное подсознательное восприятие. Например, риторический вопрос: во-первых, с точки зрения коммуникативной нормы, вопрос всегда задается для того, чтобы получить на него ответ, риторический вопрос, напротив, является лишь спо-

собом организации авторского текста и не только не требует вербальной реакции реципиента, но и часто запрещает ее, так как получение иного, чем у автора, ответа может разрушить весь коммуникативный замысел — значит, перед нами нарушение нормы, то есть языковая игра; во-вторых, несмотря на то, что ответ реципиента автору не требуется, избранная им форма заставляет читателя, слушателя на подсознательном уровне пройти через стадию вопроса, размышления и ответа, что и подготавливает реципиента к дальнейшему авторскому воздействию, и на подсознательном уровне акцентирует оформленную в виде вопроса идею уже в сознании читателя, слушателя.

Взаимодействие «автор — читатель» в классическом художественном тексте строится несколько иначе: если риторический текст практически не оставляет реципиенту выбора, то в художественном тексте выбор интерпретации существует, однако, он не столь безграничен, как иногда кажется, именно в связи с приемами языковой игры, использованными в тексте. При чтении текста реципиент дифференцирует усилия по интерпретации в зависимости от того, присутствует ли нарушение нормы. Естественно, при отсутствии нарушений усилия минимальны — текст воспринимается буквально, как изложение идей, образов или действий. Если же наличествует отступление от нормы, необходимо определить суть нарушения, восстановить исходное и новое значение, понять причины, подтолкнувшие автора отступить от стандарта. Интерпретационные усилия обязательно фиксируются читателем на сознательном или подсознательном уровне — значит, именно эти акценты и послужат «маяками» окончательной интерпретации художественного произведения в конечном итоге.

Таким образом, элементы языковой игры, с нашей точки зрения, служат наиболее действенными способами осуществления взаимодействия «автор — читатель», «автор — слушатель», акцентируя внимание реципиента на важных для автора положениях, идеях, высказываниях и моделируя итоговое восприятие и понимание текста в заданном автором ключе.

Специфика коммуникации в микросоциуме семьи

Л. П. Иванова

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Киев, Украина)

ulyanafirenze@rambler.ru

Семья, микросоциум, невербальный сверхтекст, ментальное пространство, прецедентный феномен

Summary. In the report is considered specificity of the communication in family as microsociey: the parental house forms the nonverbal overtext, the family possesses the certain mental space and specific case phenomena.

В наше бурное и многопроблемное время мы стремимся туда, где можно отдохнуть душой, где нас поймут и поддержат, где нас любят — в родительский дом. Там мы выросли, мы знаем и помним каждую вещь, у членов семьи общие воспоминания и во многом единые ценности. Все эти факторы обуславливают специфику коммуникации в семье как таковой и в каждой семье конкретно.

Главным показателем семьи является родительский дом, в котором выросли поколения детей, а сейчас туда приезжают внуки и правнуки. Родительский дом образует невербальный сверхтекст, так как, согласно концепции Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, он локализован темпорально и пространственно, обладает собственным смыслом. Каждая вещь имеет свою историю, она эмоционально переживалась (часы, которые спасла по поручению командира полка, в котором служил отец, мама в эвакуации и бомбежках, любимый подстаканник отца и многое другое, в каждой семье множество таких вещей), что позволяет ее рассматривать как текст, поскольку он подлежит вербализации.

Каждая семья обладает собственным ментальным пространством, проявляющимся, в частности, в любимых песнях. Так, в нашей абсолютно типичной семье поют в основном песни времен Великой Отечественной войны. Они содержат константные концепты русской ментальности: чистую и верную любовь, мать или жену, ждущих бойца с фронта, дружбу и мн. др.

Поскольку семью объединяет общая память, в рамках семьи функционирует множество прецедентных феноменов:

1) прецедентные имена (часто они даются в честь дорогих предков либо друзей, у семьи могут быть свои традиции

выбора имени новорожденных, например, у нас принято всем родственникам писать свой вариант имени для малыша, потом бумажки перемешивались в шапке, а молодая мама доставала одну из них, именно этим именем и называли младенца);

2) прецедентные тексты. В каждой семье происходили события, которые потом обросли легендами, их с удовольствием пересказывают юным поколениям (например, как во время войны мой отец вывел свою часть из окружения и заставлял всех подчиненных пить противный отвар из хвойных деревьев, чтобы никто не заболел цынгой);

3) прецедентные события, память о которых отложилась в сознании и душах. Так, для нас таким событием был вынужденный переезд в другой город, когда мы не могли взять с собой любимого пса, оставив его в хороших руках. Джульбарс вырвался от своих новых хозяев, долго бежал следом за машиной, мы все дружно плакали и до сих пор никто из давно выросших детей больше не завел собаки;

4) прецедентные ситуации, о которых с улыбкой рассказывают детям. Например, трехлетний ребенок спрашивает у матери: «Кто такой гр?» Все выяснилось при описании ситуации: «Мы встретили черного дядю, и ты сказала, что он не-гр. Кто тогда гр?»;

5) прецедентные высказывания — это, как правило, «изречения» осваивающих мир малышей: «У меня ножки — хороши и спиночка — картоночка».

Все эти прецедентные феномены являются социумнопрецедентными (Д. Б. Гудков, В. В. Красных), иногда — автопрецедентными (Ю. Е. Прохоров).

К сожалению, на сегодняшний день глобального описания специфики коммуникации в рамках семьи нет, хотя оно, несомненно, представляет определенный научный и обще-

ственный интерес. Все положения, представленные в данных тезисах, развернуты в десятках статей. Планируется публикация монографии.

Современный отечественный гуманитарно-научный дискурс

А. И. Изотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

a.i.izotov@mail.ru

Гуманитарные науки, филология, история, типология, дискурс

Summary. Main differences between scientific and liberal arts discourse are considered. Linguistic discourse might be both scientific one and humanitarian depending on the character of the object of analysis.

По свидетельству ученика А. Н. Колмогорова чл.-корр. РАН А. Н. Ширияева (круглый стол на филологическом факультете МГУ весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А. Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественно-научным и гуманитарно-научным дискурсом. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой — математика), а об уникальности / неуникальности объекта исследования. На наш взгляд, филологический научный дискурс может быть и естественно-научным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой аспект языка (литературы, фольклора и т. д.) изучается. Если нас интересуют **неуникальные** явления (представленные в одном или нескольких языках суффиксы, приставки, синтаксические конструкции; типология литературных или фольклорных жанров и т. д.), речь должна идти о естественно-научном подходе, если же объект исследования **уникален** (например, история конкретного языка или конкретной литературы) — о гуманитарно-научном.

Физик или химик имеет дело с неуникальными, повторяемыми объектами исследования. Если у одних атомов урана 235 установлены некие физические свойства, отличающие их от атомов урана 238, то это отличие будет действовать **для всех существующих в природе** атомов урана 235 и атомов урана 238, потому что все атомы одного изотопа **идентичны**. Поэтому физику или химику не нужно вновь и вновь измерять то, что уже было однажды надежно измерено, а математику — доказывать то, что уже было когда-то доказано (разве что на занятиях со студентами в дидактических целях). Ну а уж если кто засомневается, что железо плавится при более высокой температуре, чем стеарин, можно провести эксперимент со спичками, стеариновой свечкой и гвоздями.

Историк же, включая историка языка или историка литературы, занимается тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что татаро-монголы, дойдя в 1241 году до Моравии, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшим поход чингизидам Бату и Гуюку в связи с неожиданной смертью преемника Чингизхана Угэдэя надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была бесстрашна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам) или потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (чему учили в школе автора настоящих строк). В своей опубликованной уже посмертно книге *Идея истории* (1946), русский перевод которой вышел в Москве в издательстве «Наука» в 1980 году, Робин Джордж Коллингвуд настаивал, что ученый должен подходить к историческим материалам так же, как хороший следователь подходит к свидетельским показаниям — слушает **всех**, однако безоговорочно не верит **никому** (кто-то может ввести в заблуждение по злому умыслу, кто-то по забывчивости, кто-то по незнанию).

Историк, как и следователь, может изменить свое прежнее мнение, однако только тогда, когда свидетельства в пользу новой версии **перевешивают** свидетельства в пользу версии предыдущей. Для того, чтобы авторитетно утверждать, что царь Иоанн Васильевич Грозный был гуманист, за полвека формального правления которого (1533–1584) было казнено всего около трех тысяч человек (для средних веков число весьма умеренное, учитывая, например, что в либеральной Англии лишь в 1823 году была отменена смертная казнь за более чем сто видов нетяжких преступлений типа карманного воровства, см. *The Usborne History of Britain*. London, 2008. P. 243, 289), явно недостаточно чьего-то сообщения о том, что в те времена на Руси казнить имел право только царь, причем всех казненных царь вносил в поминальный список; нужны еще убедительные свидетельства в пользу того, что число казненных и убитых «незаконно» в разы (в десятки раз, в сотни раз...) не превышало число казненных «законно» (т. е. с занесением в этот самый список).

Физик или химик оперирует доказанными фактами, а историк — данными, истинность / ложность которых установлена с большей / меньшей степенью вероятности, поэтому физику нет нужды по ходу изложения ссылаться на источники этих доказанных фактов (эти факты есть в любом справочнике), а вот историка надо ссылаться на **все** свидетельства, на основании которых он сделал тот или иной (а тем более отличный от традиционного) вывод, чтобы любой его коллега имел возможность самостоятельно оценить корректность сделанного вывода, а в случае необходимости продолжить исследования, добавив к привлеченным свидетельствам собственные. Это важно и потому, что серьезный исследователь учитывает не только **количество** свидетельств в пользу той или иной версии, но и их **качество** (информация, почерпнутая из рецензированного научного журнала, «весит» больше, чем взятая из «народной» Википедии, и тем более больше, чем (полу)анонимная заметка в Сети, которая может быть и мистификацией профессионала, и «письмом к ученому соседу» пытливого и полного энтузиазма любителя.

Примером последнего может послужить известный отечественный фантаст А. Бушков, с некоторых пор позиционирующий себя также и в качестве серьезного историка. Анализ текста книги А. Бушкова «Россия, которой не было. Славянская книга проклятий» позволяет сделать следующие выводы:

Подаваемая в анализируемом тексте информация, в том числе информация полемическая, подается без ссылок на соответствующие научные или учебные издания, то есть предполагается абсолютная вера в слово автора. Такой способ подачи материала обычен для тех школьных учебников начального уровня, авторы которых полагают, что ученику, прежде чем анализировать материал, надо набрать некий минимум этого материала — этот обычный для античности принцип (вспомним Академию Платона, где в течение первых лет обучения ученики не имели права задавать вопросы и должны были лишь запоминать то, что им считал нужным сообщить учитель) господствовал в школьной традиции вплоть до XIX века, а нередко применяется и сегодня.

Подобные тексты рассчитаны на читателя, ценящего знание (подается новая информация о мире), но неконформистски настроенного (эта подаваемая информация противоречит общепринятой), однако совершенно не знакомого ни с принципами построения гуманитарно-научного текста (ина-

че насторожил бы сам способ подачи материала), ни с предметом обсуждения, то есть на человека типа отечественного технического интеллигента. Данное обстоятельство, по-видимому, и обуславливает необычайную популярность по-

добных изданий (в одном из крупнейших московских книжных магазинов «Молодая гвардия» на Полянке у А. Бушко-ва есть именная полка не только в отделе «Фантастика», но и в отделе «История»).

Интердискурсивность и интеркодность в новых коммуникативных практиках русского языка

О. С. Иссеро

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

isserso@mail.ru

Дискурс, код, коммуникативная стратегия, дискурсивная практика, языковая игра

Summary. The new trends in Russian discourse practice are in the focus of the research. The author analyses modern speech communication and shows the effects of the influence of different types of discourse and semiotic codes. The “play strategy” as a factor of changes in institutional communicative spheres is a conclusion of the issue.

Исследование отношений между дискурсом и социально-культурным развитием общества — одно из актуальных направлений современного критического дискурс-анализа. Механизмы, с помощью которых создаются, воспринимаются и интерпретируются тексты, представляют значительный интерес для понимания изменений, происходящих в социальном мире. Это связано с тем, что влияние дискурсов на жизнь общества захватывает не только отдельные социальные группы, но и страны. Содержание и структура дискурсов создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения. В связи с этим возникает необходимость отслеживать и прогнозировать развитие дискурсивных практик и создаваемые в них новые социальные импульсы. Данный подход к анализу дискурса отражен во многих отечественных и зарубежных работах (А. Н. Баранов, М. Н. Володина, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэркло и др.).

Ни один тип дискурса не является замкнутым и завершённым, он постоянно изменяется, контактируя с другими дискурсами. Наблюдения за современными дискурсивными практиками в России позволяют обозначить некоторые тенденции развития русского языка, актуальные для понимания процессов его функционирования.

В современных подходах к анализу дискурса отмечается, что **интердискурсивность** является характерной чертой современной коммуникации. Взаимодействие элементов различных дискурсов, которые использует конкретный язык, меняет определенный дискурс и — как следствие — социальный и культурный мир. Следовательно, «борьба дискурсов» вносит вклад в изменение социальной реальности. Анализ специфических контекстов, в которых действует язык, позволяет увидеть то, как поддерживаются и изменяются дискурсивные практики.

В рамках данного исследования предполагается рассмотреть приемы и примеры интердискурсивности и интеркодности на материале нескольких сфер речевой коммуникации:

- 1) дорожного движения (т. н. «автомобильная коммуникация»);
- 2) общественного питания (меню как тип дискурса);
- 3) нейминга (разработки коммерческих имен).

Указанные сферы, далеко не близкие по своим функциям и дискурсивным характеристикам, объединены тем, что ранее в них преобладала установка на «серьезное» общение, близкое по своим основным параметрам к институциональному. Как показал анализ материала, в настоящее время она подвергается изменениям под давлением общей **тенденции к «игровизации»** (по Б. Ю. Норману), независимо от того, является жанр институциональным или обслуживает неинституциональную сферу общения.

Мы считаем возможным ввести **понятие игровой стратегии**, подразумеваемая под этим общую установку адресанта на разрушение стереотипов «серьезного общения» и возможность реализации коммуникативного намерения посредством комплекса прагматических приемов (тактик). Игровой характер указанных приемов далеко не всегда связан с креативным потенциалом отдельных лингвистических единиц, поскольку его предпосылки находятся на более высоком уровне — в сфере когнитивных, психологических, ситуационно-ролевых механизмов речевой деятельности.

Диффузия между жанрами «неинституционального» и институционального общения развивается в 2-х направлениях: использовании частными лицами ресурсов официальной сферы и появлением нестандартных текстов от лица официальных структур. Так, примером нарушения норм институционального общения может быть замена обычного предупреждения на железнодорожном переезде: «Берегись поезда!» следующим текстом: *Водители, остановитесь у сигнала красного светофора. Проявите выдержку. Уступите дорогу поезду. ГИБДД.*

На материале меню кафе и ресторанов также можно проследить метаморфозы, вызванные изменением его функции от информативной к воздействующей. В соответствии с задачами позиционирования меню оказалось в сфере подчинения законам рекламного дискурса. Это нашло отражение и в структуре меню, и в появлении не свойственных ему фрагментов текста (нарративов, аллюзий), и в изменении образов адресанта и адресата, и в языковых средствах. Например, в меню ресторана «Театральная трапеза» (г. Москва) можно наблюдать своеобразную «жанровую мистификацию» — оно стилизовано под театральную программку:

Театральная трапеза. Вкусное действие в трех частях. Роли исполняют: Баранина, Говядина, Свиноина, Огурцы, томаты... и другие действующие лица.

Взаимодействие различных типов дискурсов (в наиболее широком понимании термина, включающем не только вербальный, но и иные коды) обнаруживается в **тенденции к «интеркодности»**. Она, в частности, проявляется в использовании различных семиотических систем (например, письменной речи, визуальных и звуковых образов) в полимодальных текстах и ставит задачу разработки методов их анализа. Примеры интеркодности, включающие элементы разных знаковых систем — языковых и неязыковых (числовой, знаков дорожного движения, компьютерных символов и т. п.), в изобилии представлены в сфере нейминга, рекламы и объявлений:

Магазин «ЧайкОфф» (буква О заменена изображением кофейного зерна).

Бар «ZАжигалка» (А заменено язычком пламени, напоминая букву А).

Ресторан японской кухни «ЯПОША» (буква О — изображение восходящего солнца).

Не прислОняться! (надпись на стеклянной двери в вагоне петербургского метро, буква О заменена знаком «кирпич»).

Магазин продуктов «811» (срав. 911).

Пробило колесо? 01! (тел. автосервиса 3-001-001).

Химчистка «Грязи. Net».

Café PIZZA. RU.

Купи Tuborg для твоей вечеGREENку! (логотип и оформление этикетки пива TUBORG выполнено в зеленом цвете).

Таким образом, интердискурсивность и интеркодность являются яркой приметой современной речевой коммуникации. Эти приемы можно также рассматривать как конституирующий признак определенных типов дискурса.

Социальные сдвиги, которые происходят в обществе, несут функцию уже существующих каналов коммуникации, привнося в них новые задачи. Изменение регистра коммуникации позволяет прогнозировать дальнейшее развитие интердискурсивности и интеркодности современной коммуникации за счет усиления в ней игрового начала.

Репрезентация оппозиции «свой — чужой» в рамках концепта «семья» (на материале текстового диалектного корпуса)

Ю. В. Каменская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

kamenskayajv@list.ru

Диалектная картина мира, концептуальные оппозиции, культурный концепт

Summary. «Family» is a cultural concept which represents a significant fragment of a dialect picture of the world. Concept «family» is realized through basic opposition «own — alien». The study of peculiarities of the representation of opposition «own — alien» within the framework of concept «family» has shown that the picture of the world is traditional and not always reflects reality, surrounding dialect carrier more.

Концептуальная оппозиция «свой — чужой» является базовой для диалектной картины мира. Реализация этой оппозиции наблюдается в различных фрагментах концептосферы, существуют особенности актуализации этой оппозиции и внутри концепта «семья».

Наше исследование выполнено на материале диалектного текстового корпуса среднерусских говоров села Белогорное и села Земляные хутора. Тексты, включенные в диалектный корпус, представляют собой расшифрованные аудиозаписи, собранные в экспедициях 1996–2009 годов в селах Белогорное Вольского района и Земляные хутора Аткарского района Саратовской области.

Актуализация концептуальной базовой оппозиции «свой — чужой» наблюдается при противопоставлении личных или притяжательных местоимений первого и третьего лица во множественном числе (*мы / они, у нас / у них*), что приводит к разделению социума на две части. В рамках концепта «семья» это наблюдается при сопоставлении, сравнении семьи, в которой информант вырос и семьи, в которой вырос его супруг или супруга. Чаще всего такое сопоставление и разделение на своих и чужих наблюдается в том случае, если супруги — уроженцы разных сел или разных концов одного села.

Концептуальная оппозиция «свой — чужой» в рамках концепта «семья» актуализируется в номинациях членов семьи, в специальном выделении терминов родства родственников по линии мужа (реже — по линии жены). Номинации кровных родственников (мать, отец, дети и т. д.) находятся в левой части оппозиции, они «свои», а родственники «по закону» (свекор, свекровь, невестка и т. д.) — в правой, они «чужие». Нередко на речевом уровне подчеркивается ритуальный, этикетный характер разницы в отношении к своим родственникам и к родственникам со стороны мужа:

пускай она чёго хочет / дочка / делает / хоть она пьет / курит иль чёго -ли / а ты все равно / язык без костей / дочка / не обломится // ты тоже / дочка / слушай // ты слушаешь меня / да? ты все равно ее зови / дочка / мамой // поняла? лицемерь // я пятнадцать лет / дочка / жила / лицемерла //

Отклонение от этого правила, перенесение некровных родственников в другой член оппозиции всегда маркируется, порождает рефлексию:

А мама свекровь с ребятишками сидела // И с этим / и с этим // Садика-то не было // Вот так вот жили / девочки // Да / да / да // И мы вот жили 7 лет (...) Они у меня хорошие родители были // Очень хорошие // Они никогда матом не ругались // И всем помогли //

В этом контексте информант называет родителей мужа «нашими родителями», свекровь — «мамой» (не в функции этикетного обращения, а в функции номинации в свободном рассказе), но при этом хорошее отношение к родственникам мужа нуждается в специальной мотивации (*А мама свекровь с ребятишками сидела, Они никогда матом не ругались*). Положительная оценка своих родителей (особенно матери) не аргументируется, является априорной.

Переход из левого члена оппозиции в правый, из «своего» в «чужое», тоже возможен. Часто при этом актуализируются другие концептуальные оппозиции, базирующиеся на оппозиции «свой — чужой». В нашем материале это, прежде всего, оппозиция «деревня — город», где левый член, «деревня», будет частной реализацией «своего», а правый член, «город», будет актуализировать «чужое»:

а дочь не ездит / говорит / «мать там заставляет работать / а я не могу работать / солнышко светит и комары кусают» // и все //

А они в городе так / я вот была у сына / вот то и дело валяются // А что делать больше / правда? Телевизор глядят лежат // Ох, девочки //

Дети, уехавшие в город, часто в рассказах наших информантов описываются средствами категории чуждости. В описаниях актуализируются концептуальные признаки, присутствующие, по мнению диалектоносителей, всем городским людям (неумение и нежелание работать, лень, непонятные бытовые привычки).

В селе Белогорном актуализация оппозиции «свой — чужой» имеет свои особенности, обусловленные конфессиональными различиями жителей. В этом селе, наряду с прихожанами официальной православной церкви, есть люди, исповедующие старообрядческую веру. Старообрядцев в селе называют «кулугурами», а православных — «церковными», «мирскими». Члены иноверческих семей и их семейные обычаи воспринимаются как чужие, негативно оцениваются и рассматриваются говорящим как антинорма:

оне / видишь / какая у них / я говорю / эта / вера / дети у тебя / я говорю / ты мирский сам / ты как глава семьи / ты у меня самый последний сын // вот ему все и внушало // ну // (...) «ты крест носишь / сынок // видишь / и цепочка у тебя и крест // я же тебя крестила / и в алтарь носила в церковь в Вольскую возила / ну / а ты / они вообще / биссурмане / ну / биссурманы / ну // это самое последнее / монашки / оне не принадлежат / их / вон оне умрут / их на меже хоронят / как татар вон // понимаешь? понимаешь?

В старообрядческой среде также актуализируется оппозиция «свой — чужой» если речь заходит о семейных обычаях, свойственных разным ветвям старообрядчества, поскольку в селе до сих пор существуют осколки разных старообрядческих общин:

монашки-ти / оне... как сказать... оне... тоже беспоповцы / но... у них брак / и считается за грех / оне называются безбрачные // оне вот доживают / до шестьдесят лет / женщина / если с мужчиной живет / это было раньше / и у них закон такой / доживают до шестьдесят лет / она сносит кануны / и говорит / вот / Ваня там или Вася / все / я больше прекращаю с тобой жизнь / ну как прекращаю / в общем спать я уже с тобой не буду / я иду в моленну / монашка / а ты как хочешь / вот такая у них ерунда // а мы брачники называемся / у нас законный брак мы считаем за брак // вот // у нас и венчание / у нас и бракосочетание знашь вот по требнику / у меня есть / все / как по закону //

Безусловно, в настоящее время конфессиональные различия в селе стираются, становятся все более декларативными, «слабее реализуются в поведении и межличностном общении», но «эмоционально репрезентированы в речи» (О. Ю. Крючкова). То есть в речевой практике конфессиональные особенности выражены гораздо ярче, они нередко не отражают реальных отношений между «кулугурами» и «церковными». Обсуждение конфессиональных различий можно охарактеризовать как этикетные темы, которые, скорее всего, возникают прежде всего в разговоре с посторонними, не жителями деревни (этому условию отвечает общение с диалектологом).

Таким образом, исследование особенностей репрезентации оппозиции «свой — чужой» в рамках концепта «семья» показало, что картина мира диалектоносителя более традиционна и не всегда отражает окружающую реальность. Дальнейшее изучение частных реализаций оппозиции «свой — чужой» в рамках базовых культурных концептов представляется продуктивным для моделирования концептосферы современного диалектоносителя.

Релевантные признаки риторического высказывания

А. В. Канафьева

Московский государственный областной университет

kafedralekant@yandex.ru

Риторическое высказывание, семантика, модальность, эмоциональность, экспрессивность

Summary. The complex of linguistic means is regarded. It forms a rhetorical statement and represents the report in interrogative form. It's specific is analyzed in expression of modal verbs and emotional meanings.

Рассматривается комплекс языковых средств, формирующих риторическое высказывание, представляющее собой сообщение в вопросительной форме; анализируется его специфика в выражении модальных и эмоциональных значений.

Широкое понимание риторического высказывания предполагает наличие в высказывании риторических компонентов, служащих средством выразительности, усиления воздействия на воспринимающего речь. К риторическим компонентам относят тропы и фигуры речи, взаимодействие разностилевых лексических средств, нарушение прямого словоупорядка (инверсию), особые интонационные контуры и др.

Риторическим высказыванием является и сообщение в вопросительной форме. Оно имеет следующие релевантные признаки: во-первых, элементы вопросительной формы (вопросительные местоименные слова, вопросительные частицы, вопросительную тональность интонации), сближающие его с собственно вопросительным предложением; во-вторых, отсутствие в ситуации речевого общения вербальной реакцией адресата на это суждение, а во внутренней речи — открытость сформулированных вопросов-рассуждений; в-третьих, эти высказывания являются аналогами повествовательных предложений, но представляют сообщение в особой, экспрессивно-вопросительной, форме; вопросительность формы при отсутствии вопросительного содержания является риторическим приемом, позволяющим расценивать риторическое высказывание как субъективно-экспрессивную единицу речи; в-четвертых, местоименные слова, частицы, словоупорядок, интонация риторического высказывания отличаются от соответствующих средств в собственно вопросительном предложении. Их употребление в риторическом высказывании подчинено слиянию предметно-логической и модально-эмоциональной составляющих.

РВ являются одним из продуктивных средств выражения разнообразных модальных и эмоциональных значений, ко-

торые наслаиваются на присущее им наиболее общее значение экспрессивного отрицания или экспрессивного утверждения.

В круг РВ с перечисленными признаками входят несобственно вопросительные предложения: вопросительно-утвердительные, вопросительно-отрицательные — и собственно риторические. Вопросительность формы этих конструкций не означает вопросительности семантики. Именуемый в их структуре прономинальный компонент используется в несобственном ему значении, т. е. не требует насыщения информацией ответной репликой. Эта асимметрия языкового знака является риторическим приемом, обеспечивающим выразительность синтаксической единицы, ее риторичность.

В собственно вопросительных предложениях сообщение интегрируется с вопросом к адресату. В несобственно вопросительных сообщении приобретает модально-эмоциональный характер. Логическое содержание переплетено с эмоционально-экспрессивным, в какой-то степени подавлено им. Логическое содержание высказывания *Я знаю* сохранится и в таких реализациях: *Почему не знаю? — Как не знать? — Разве можно не знать? — Неужели не знаю? — Неужели (разве) я похож на человека, который не знает? — Как можно допустить (предположить, представить, подумать, утверждать), что я не знаю? — Кто сказал, что я не знаю? — Возможно ли (допустимо ли), чтобы я не знал? — Кто (кто же) знает, если не я?* Во всех речевых реализациях проявляется, обнаруживает себя говорящий: владеющее им в момент речи отношение и к референту, и к его предположению о незнании говорящим чего-то, и возмущение относительно этого предположения, имеющее разную степень проявления, и категорическое утверждение, и эмоция раздражения — одним словом, модальность, которую так метко и ярко определил Ш. Балли: «Модальность — это душа предложения».

Организация дискурса, представляющего визуальные образы

Р. А. Каримова

Башкирский государственный университет (Уфа)

irigan@mail.ru

Поле восприятия, центр / периферия поля, стратегия дискурса

Summary. Oral speech works that implement process / results perception of objects and events are Center or periphery fields perception. The summary reviews recent.

Среди устных речевых произведений современной публицистики значим дискурс, являющийся продуктом вербализации: а) наблюдаемых событий, их динамизма или б) визуальных образов, — ведь и сам генезис человеческой речи возводят к визуально-жестовому коду. Традиционно перцептивность — важнейшее проявление данного феномена — характеризуют через грамматические категории, как свойство письменного, художественного текста, что связано с традицией обращения к письменной форме речи. Между тем современное речеведение, становящаяся фоностилистика и социология СМИ, даже технология СМИ дают возможность пронаблюдать производство высказываний о воспринимаемом с учетом 1) различной степени их ситуативной обусловленности, 2) носителя того или иного вида знания и проекции последнего на языковую форму и 3) способов и средств реализации высказываний (включая типологию дискурсов).

Речевой материал рассматривается нами в соответствии с принципом антропоцентризма, с фактом обусловленности высказываний исходными, когнитивно-аффективными процессами нейронного уровня; использован комплексный (аудитивный и коммуникативно-структурный анализ), а так-

же метод моделирования — для характеристики коммуникативных аспектов личности.

Речевой материал составили дискурсы СМИ, популяризирующие в прямом эфире изобразительное искусство (живопись) (на радио «Эхо Москвы»), а также спорт (лыжные гонки, биатлон) (на ТВ каналах «Спорт», «Евроспорт»).

По нашим наблюдениям, в поле восприятия центральное место занимает спортивный телевизионный репортаж: его коммуникативная цель — спонтанная вербализация непосредственно наблюдаемой деятельности субъектов-агентов в условиях временных ограничений. Высказывания спонтанного монолога являются дискурсом, в высокой степени ситуативно-обусловленный, т. е. отражающий структуру динамичного референтного мира главным образом посредством прототипической модели «движение / действие здесь и сейчас». Поэтому в дискурсе соответственно коммуникативной цели определенностью отмечена лишь рамка (вступление и концовка); организацию же основной части (ее микротем-ситуаций) диктует событийная насыщенность действительности, ее восприятие (и осмысление) говорящим, осуществляющим свою стратегию [1].

На периферии поля восприятия — диалогический радиодискурс, цель которого — опосредованно, только через речь представить адресатам визуальные образы (произведения современной и классической, XIX, XX вв., живописи из собрания Третьяковки), обусловленность их смыслов мировидением авторов. При рассмотрении стратегии общения на первый план выдвигается дискурс, где респондентом является собственно перцептор (художник), носитель профессионального знания, с ним общаются другие участники — ведущие (журналисты) и эксперт-искусствовед, носители обыденного и специального знания соответственно; те и другие знания воплощаются в знании языковым, что обуславливает взаимосвязь когнитивного и коммуникативно-функционального подходов к данному дискурсивному материалу. Значимость, отличие названной группы дискурсов от другой, большей (с участниками лишь ведущими и экспертом) — в характере вербализуемых образов: по степени категоризации она (вербализация) здесь ближе к первичным образам восприятия, о чем сигнализируют и способы их вербализации. Такова конкретика воспринимаемых объектов: деревья, небо, птички, речка, трава. Характер ассоциаций, обусловленный когнитивным стилем художника, направляет процесс метафоризации; данные ассоциации представляют профессиональное знание художника (цветообозначение, виды изобразительного искусства и др.). Например: *а живопись... поперла в деревне... / да // ...Москва / она вот графика для меня // вот она графичная / понимаете?... // ...а в деревне / во-первых / ты видишь цвет... // ты каждый день видишь небо / каждый день видишь траву... //*

В процессе общения респондент (художник) оперирует также образами динамической ситуации, синтетического восприятия (что словесно представлено, например, высказыванием с акциональной рематической доминантой): *...там очень такие немножечко дикие люди / которые все как бы немножко взлетели в воздух // и ... все пытаются поймать вот этот самый разноцветный детский мяч //*. Далее в высказываниях говорящего отражается движение от

значения к личностному смыслу — через рефлексию над деятельностью обнаруживается обусловленность визуальных образов и ситуации мировидением данного индивида. На коммуникативно-структурном уровне это, например, фоноабзац с микротемой «начаянная радость», «необъяснимый поступок», насыщенный оценочностью (см. лексемы *радость, энергия*); которая здесь, в спонтанной речи реализуется с участием знаков неопределенности: *какая-то, что-то такое*, дискурсивные *вот, ну*; эмоциональное напряжение говорящего отражает синтаксические структуры и синтагматическое членение, паузация (и колебания), выделительные акценты на ключевых словах. См.: *вот какая-то в них такая радость / вот какая-то такая энергия / их распирает вот здесь // вы знаете / вдруг у людей что-то такое проснулось // и они... в такой борьбе за этот мяч //*.

Вербализация воспринимаемого другим коммуникантом, искусствоведом, носителем специального, прежде всего эстетического знания, связана с осмыслением обсуждаемого произведения (см., напр., *КС современная живопись, близкие персонажи, сходство, узнаваемость образов*). Эта линия развивается на протяжении дискурса с участием категорий мнения и знания: *...я считаю / что у Любарова / самое главное / что он абсолютно / реализует свое право свободное на выбор своего мнения / и способность видеть не то / что все ... //*. Эти реплики являют преимущественно подготовленный текст.

В типологическом плане мы относим наблюдаемый дискурс к информативно-аналитическому интервью согласно его целеустановке, с тесным взаимодействием участников общения, о чем свидетельствует наличие совместных построений (расширяющих или завершающих реплики собеседника).

Литература

1. Каримова Р. А., Александрова Е. Н. Аспекты коммуникативной личности (по материалам звучащих спортивных репортажей // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 2009. № 3. С. 95–104.

Мифологический потенциал политических дискурсов разных исторических формаций

Е. В. Кишина

Кемеровский государственный университет
kishina@mail.ru

Политическая коммуникация, политическая мифология, семантическая оппозиция «свое — чужое», советский политический дискурс

Summary. The paper is devoted research of mythological essence of political discourses of the different time periods. Features of semantic realisation of a category «own-strange» in political communications are defined.

В политической лингвистике не раз подчеркивалось, что одним из наиболее эффективных манипулятивных приемов регуляции общественного сознания является формирование политических мифов. Определяя важную роль мифа и мифологемы (как вербального носителя мифа) в политической коммуникации, исследователи трактуют миф в политическом дискурсе как принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания (Шейгал, 2000; Маслова, 1997; Водак, 1997), систему, конструирующую окружающий мир, матрицу моделирования социальной реальности (Ферсович, 2005; Чурсова, 2005; Топорков, 2003; Ачкасов, 2003; Цуладзе, 2003 и др.). Функционирование мифов в средствах массовой информации вызывает интерес с психологической, социальной и собственно лингвистической стороны.

Одним из важнейших смысловых механизмов мифообразования является оппозиция «свое — чужое», в большинстве случаев выступающая в своем конкретном преломлении в виде дихотомии «мы — они». Категориальное членение на сферы «свое» и «чужое» мотивировано функциональной предназначенностью мифов: политическая мифология становится важнейшим средством интеграции общества и противопоставления «своих» и «чужих».

Воздействующий характер анализируемой группировки носит динамичный характер. Так, дискурсы доперестроечной поры являлись ярким примером синкретизма идеологии и политической мифологии. Анализ средств массовой информации советской эпохи позволяет выделить обширную группу функционирующих в то время идеологических

мифологем: «победа коммунизма», «слава КПСС», «нерушимая дружба братских народов», «единство партии и народа», «светлое будущее», «капитализм — гнивающий строй», «крах капитализма» и т. д. Тематическая мозаичность подобных внедряемых образований может быть сведена к двум категориальным сферам: «свое» и «чужое». Воздействующий характер мифологем базируется на членении универсума по принципу «свой — чужой», «наш — не наш».

Понятийную основу советских идеологических мифологем составляет противопоставление «мы — они», приобретающее в данный период яркий идеологизированный характер. В советскую эпоху категоризация по принципу «мы (= свои, наши)» — «они (= чужие, не наши)» становится важным элементом государственной идеологии. Интенциональная направленность подобных когнитивных образований сводится к внедрению требуемого образа сильного, могучего советского государства и слабости агрессивного противника.

Смена государственных идеологических установок не привела к утрате мифологичности общественного сознания. В современной российской национально-политической культуре выделяются такие группы мифов, как политические (мифы о политической жизни страны); социальные (внедряемые представления о жизни россиян); национальные (мифы о России, ее исключительности и самодостаточности); культуроспецифичные (мифы о западном образе жизни).

Мозаичная типология современной политической коммуникации сопряжена с отсутствием абсолютизированной,

фетишизированной оценки осмысляемых явлений. Идеологизированная коннотация как отражение государственной политики уступает место прагматической коннотации как корреляту личностных установок определенных политических и социальных группировок.

Политическая многогранность мотивирует различную концептуализацию действительности, проявляющуюся в неоднородной интерпретации определенных явлений. Средства массовой информации препарируют реальность, создают некие образы с учетом разнообразных прагматических критериев и установок, что в итоге приводит к выработке ряда мифологизированных стереотипов массового восприятия. При этом общность внедряемых в общественное сознание образов проявляется в наличие единого прагматического стержня — организации политических мифологем по принципу «свой — чужой».

Базовый характер «свойственности — чуждости» в смысловой организации политических мифологем предопределен архаической семантикой рассматриваемой дихотомии: мессианское осмысление группы, объединяемой лексемой «свои» («мы», «наши») и наделение демоническими чертами противопоставляемой ей группы — «они» («чужие», «чуждые», «не наши»). Как в советский период существования языка, так и в наши дни смысловое поле «мы — они» создается в массовом сознании путем репрезентации определенных языковых средств, отражающих именно архаическое осмысление оппозиции «свое — чужое».

Так, в тоталитарных дискурсах «мы» идеологически мифологизируется как человеческая общность, призванная выполнять мессианские задачи (*Мы возглавляем всемирную борьбу за мир, выполняем благородную миссию, прокладываем человечеству путь в светлое будущее*). В современных дискурсах «мы» также предстает в образе персонифицированного героя, способного избавить от всех тягот и трудно-

стей нынешней жизни (*Мы лечим Россию, спасаем народ, предотвращаем развал государства, продвигаем экономику, заботимся о благе народа, строим новую жизнь*). Самопрезентация сегодняшних оппозиционных политических субъектов содержит и такие классические каноны мифологического мышления, как представление НАС в образе героев, подвергшихся гонениям за правду (*НАС унижали, поливали грязью, дискриминировали, выдворяли из страны, в нас стреляли*), но продолжающих бороться во имя спасения Отечества (*Мы не сдадимся, будем стоять до конца, добьемся своего, не отступим и не подчинимся, пройдем до конца*).

Языковые средства и механизмы внедрения в массовое сознание образов, формирующих сферу «они», также отражает особенности мифологизированного восприятия действительности. В доперестроечных дискурсах «они» вербализируется как враждебная сила, несущая мировое зло (*Они стремятся разжечь ненависть и недоверие между народами, ослепили от злобы, подрывают мосты дружбы, разжигают милитаристский психоз*). В современной политической коммуникации конструирование дискретного образа «их» зачастую приобретает эсхатологический характер запугивания. «они», выступающие как политические оппоненты (*левые, правые, коммунисты, демократы, политики, демагоги*), власть (*властные группировки, административный ресурс, чиновники, президентская свита*), класс имущих (*богачи, олигархи, толстосумы*) ассоциируются со всеми общественными катаклизмами, развалом прежней жизни, всего общества в целом (*Они разрушили страну, посеяли в стране хаос, занимаются шельмованием, тянут в пучину, поплевают на народ, беспредельничают*).

Таким образом, аксиологическая направленность группировки «свой — чужой» отражает особенности мифологического осознания и интерпретации действительности как обязательных атрибутов политической мифологии.

Использование русского языка как коммуникативная тактика в украинском политическом дискурсе

Н. В. Кондратенко

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Украина)

kondr_nat@mail.ru

Политическая коммуникация, коммуникативная тактика, русский язык, украинский язык

Summary. In paper are considered particularities of the operating the russian language in ukrainian political communication. Outlined specifics of the operating the russian language as separate communication tacticians

Специфика украинской политической коммуникации обуславливает одновременное использование двух языков — русского и украинского. Государственным языком является украинский, поэтому политическая реклама и тексты официальных выступлений политиков функционируют на украинском, тогда как политические выступления в разнообразных телепередачах, часть текстов агитационного и пропагандистского характера преимущественно реализованы на русском языке. Такая парадоксальная ситуация, существующая в коммуникативном пространстве, обусловлена, с одной стороны, социальными, а с другой, — собственно языковыми причинами. Социальные причины связаны с тем, что носителями украинского языка в основном являются жители западной и центральной Украины, а носителями русского языка — южной и восточной частей страны. Несомненно, украинский язык выполняет консолидирующую функцию, однако политическая коммуникация прежде всего ориентирована на реципиента как на потенциального избирателя, поэтому использование соответствующего языка зависит в том числе и от региональной специфики. В этом случае имеют место параллельные тексты одинакового содержания наполнения, напр., предвыборные лозунги «Услышу каждого», «Только он достоин стать президентом», «Только ему можно доверить страну» были репрезентированы на русском и украинском языке в зависимости от региона размещения.

Языковые причины связаны с функциональным размежеванием русского и украинского языков: фактически за украинским языком закреплены официально-деловая, научная сферы, в меньшей степени это язык образования и культу-

ры. Русский язык остается языком межнационального общения на территории Украины, в определенной степени он функционирует в СМИ, активно используется в межличностном взаимодействии. Политическая коммуникация обслуживается одновременно и русским, и украинским языками, причем функциональная обусловленность тут отсутствует. Параллельное использование русского и украинского языков имеет ряд особенностей. Прежде всего русский язык доминирует среди русскоговорящих политиков, для которых весьма проблемным является освоение государственного языка. Такие политики не только говорят по-русски в неформальных условиях, но и выступают с официальными заявлениями на русском языке.

Однако следует отметить, что подобная ситуация не нормативна и не частотна, напротив, русскоговорящие политические лидеры постепенно переходят на украинский язык, в частности в официальном общении. Оставаясь при этом носителями именно русского языка, они продолжают использовать его не только в определенных коммуникативных ситуациях, но и как специфическую коммуникативную тактику. Мы имеем в виду коммуникативную ситуацию, в которой коммуникативное поведение адресата детерминировано речевой компетенцией говорящего. Дело в том, что обращение на русском языке ставит адресата в определенной степени в зависимую позицию в плане выбора языка ответа: вежливый собеседник отвечает говорящему на том языке, на котором было произведено обращение. Более того, речь идет и о коммуникативной компетенции говорящего, которая ограничена одним языком, а подчеркивание данного факта адресатом может быть расценено как попытка дис-

кредитации собеседника. Когда говорящий владеет исключительно русским языком (что весьма частотна для украинских политиков, особенно представителей депутатского корпуса), а адресат в свою очередь демонстративно отвечает на украинском, последний тем самым подчеркивает ограниченность коммуникативной компетенции говорящего. Такое поведение характерно для политических оппонентов, тогда как стремление к конструктивному диалогу предполагает ориентацию на собеседника, и выбор языка общения уже выступает своеобразной коммуникативной тактикой вежливости. Реализацию этой тактики можно проследить на интерактивных политических ток-шоу, где участники постоянно используют как русский, так и украинский язык в зависимости от коммуникативной ситуации и речевой компетенции собеседников.

Кроме того, использование русского языка возможно как в речи русскоязычных, так и украиноязычных политиков, когда используются интертекстуальные элементы, первоисточниками которых являются тексты русской культуры. Особенно показательным в этом плане является введение в речь прецедентных феноменов (В. Красных, Д. Гудков, Ю. Сорокин, Ю. Прохоров) — цитат из произведений русских авторов, русского фольклора, фактов русской культуры. Такие прецедентные феномены трансформируются говорящим для реализации коммуникативной тактики интеллектуализации, которая предполагает создание и поддержку вербального имиджа политика-интеллектуала. Данная тактика может использоваться в разных целях, но чаще всего она выполняет две задачи — презентации имиджа и аргументации. Возмож-

ны и другие коммуникативные ситуации, где целесообразно применять тактику интеллектуализации как конкретный прием реализации различных стратегий [1: 12]. Частотным в речи политиков является использование пословиц и поговорок, причем не столько общеязыковых, сколько окказиональных, возникших в результате трансформации, напр.: *Плохому танцору все время Россия мешает*. Подобные трансформированные пословицы Е. Шейгал относит к политической афористике [2: 158]. Но выбор данной тактики может привести и к обратному результату: политики, пытаясь продемонстрировать интеллект, так трансформируют текст первоисточников, зачастую не особенно в них ориентируясь, что демонстрируют низкий уровень интеллекта, напр.: *Рассказы Тимошенко — это плач Ярославны над мертвым Олегом; Эта ерунда напоминает мне бред слепого в пустыне*.

Выбор языка в рассмотренных случаях не случаен, он обусловлен спецификой языковой личности говорящего, его коммуникативной установкой и речевой компетенцией. Однако в определенных ситуациях использование русского языка в украинской политической коммуникации может рассматриваться как коммуникативные тактики реализации стратегий консолидации, аргументации и самопрезентации.

Литература

1. Паришина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М., 2007.
2. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Отражение социокультурных стереотипов в институциональном административном дискурсе

И. В. Коноваленко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
irkonovalenko@yandex.ru

Институциональный дискурс, обращение граждан в официальные инстанции, социокультурные стереотипы

Summary. The theses represent reflection of socio-cultural stereotypes in administrative institutional discourse based on the material of citizens' addresses to official instances, show how the explication of these stereotypes characterize the participants of the communication «citizen — state».

Цель — представить отражение социокультурных стереотипов в институциональном административном дискурсе на материале обращений граждан в официальные инстанции и показать, как экспликация данных стереотипов характеризует участников коммуникации «гражданин — государство».

В качестве источников были проанализированы письменные обращения граждан в официальные инстанции г. Омска за 2007–2009 гг.

В современной лингвистике интерес к институциональному дискурсу в последнее десятилетие заметно возрос в связи с востребованностью деловой документации в разных сферах нашего общества. В связи с объемом тезисов представим лишь наиболее значимые, на наш взгляд, работы [3], [7], [8], [9].

Дадим понимание основных терминов работы, так как в лингвистике возможно их множественное толкование. Институциональный административный дискурс понимается, вслед за В. И. Карасиком [1: 11], как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, участниками которого являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты)». Под социокультурным стереотипом понимается «некая ментальная система, основанная на традиционных для данной культуры нормах и представлениях и служащая личности для ее ориентации в окружающем мире» [6: 91]. Для выделения того или иного социокультурного стереотипа мы опирались на работы Воронежской лингвистической школы [2], [4], [5], лингвистические эксперименты, многолетние наблюдения, проведенные под руководством И. А. Стернина, учитывали также критерии частотности (т. е. социокультурный стереотип в данной работе представлял собой «ментальный конструкт» многих).

Жанр обращения представляет собой гипержанр (обращение как жалоба, предложение, просьба), отсюда произе-

кает диффузность границ жанра и разрушение строгих канонів официально-делового стиля. Данный жанр характеризует коммуникативную вертикаль «гражданин / государство». Отражение социокультурных стереотипов в речи пишущих эксплицирует образы обоих участников коммуникации. Проиллюстрируем данный тезис и представим, какие социокультурные стереотипы вербализуются в речи адресанта и каким образом они характеризуют участников коммуникации данного дискурса.

В жанре обращения граждан выделяются два ядерных концепта: «государство» и «закон». Указанные концепты находят отражение в следующих социокультурных стереотипах, вербализованных пишущими в текстах обращений (в рамках тезисов отметим лишь наиболее частотные):

- «высшая государственная власть всегда решит проблему»: *Никто ничего не решает, везде отписки, осталось только Путину писать. Надо было сразу туда писать;*
- «проблемы часто решаются в обход закона (но пишущий против этого)»: *Обращаюсь к Вам как к последней инстанции. Если бы я обратилась к «дяде Ване» там, наверху, я давно бы решила проблему. Но я так не хочу. Я хочу по закону;*
- «вера молве» (а не государственным органам): *В суд — ни за что, знаю я эти суды, соседка рассказывала;*
- «богатым можно все, бедным — ничего» и как вариант «депутату можно все, а простым людям — ничего» (на нашем материале «богатый человек» частотна ассоциируется у пишущего с «депутатом»): *Да что ему с такими деньгами, а мне, бывшему военному, правду не найти / Видимо, депутат наделен очень властными особыми полномочиями, что ему соблюдение законов и жизнь избирателей;*
- «жаловаться плохо» (жаловаться — значит выделяться из массы тех, кто так живет): *Я не жалобница и никогда ею*

не была, ничего не просила. И сейчас не прошу. Знаю, многие так живут. Но я хочу только справедливости.

Отражение социокультурных стереотипов как ментальных систем, основанных на традиционных для данной культуры нормах, в жанре обращений граждан в официальные инстанции позволяет охарактеризовать участников коммуникации данного дискурса следующим образом: государство понимается пишущим как сильное личностное начало «правителя» (президента, губернатора), государственная власть — как гарант закона, который в реальности на местах не всегда (или не всеми) соблюдается. При характеристике образа адресанта необходимо отметить следующее: адресант обращается для решения своей проблемы в государственные органы, но в то же время противопоставляет себя данной официальной власти (через экспликацию противопоставления «я» и «депутат»; «бедный» / «богатый»; вера молве, а не государственным органам), а также подчеркивает, что в таких условиях (условиях, созданных данной властью) живут многие (через обобщение «я» как «все»).

Отражение социокультурных стереотипов в рамках институционального административного дискурса позволяет точнее, дифференцированное охарактеризовать образ коммуникантов данного дискурса (вертикаль «гражданин — государство»), что, в свою очередь, необходимо не только для лингвистики, но и для власти, которая проводит в настоящий момент большую работу по выстраиванию диалога

«гражданин — государство» для определения возможных нарушений / ограничений прав гражданина.

Литература

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград, 2000. С. 5–20.
2. Прохоров Ю. Е., И. А. Стернин Русское коммуникативное поведение. Изд. 2, испр. и доп. М., 2005.
3. Сологуб О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект. Дисс. ... док. филол. наук. Кемерово, 2009.
4. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
5. Стернин И. А., К. М. Шилихина Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.
6. Трошина Н. Н. Культурный этноцентризм как проблема межкультурной деловой коммуникации // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград, 2000. С. 88–95.
7. Ширяева Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Краснодар, 2008.
8. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград, 2000.
9. Homo institutus — человек институциональный: Монография / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005.

Построение нарратива в рамках спортивного дискурса при помощи базовой метафоры «футбол — это война»

С. А. Кудрин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
chesterks@mail.ru

Дискурс, базовая метафора, нарратив, интердискурсивность, медиа

Summary. This paper is based on the assumption that sport discourse is organized by means of metaphor. The basic metaphor “football is war” is the main linguistic tool that builds the narrative structure of sport discourse. Sport discourse is the product of media that is represented in narrative form constructed by a considerable number of relevant basic metaphors. The crucial basic metaphor of sport discourse is “football is war”.

1. Теоретические положения

В современном обществе спорт как культурный феномен занимает все более значимые позиции, превратившись в объект переживания миллионов людей. Спорт выступает одним из конструктов культурной идентичности новейшего времени, наряду с музыкой, архитектурой, живописью, кинематографией [1: 87].

Метафора — один из инструментов нашего видения и понимания мира. Следует различать метафору и другие семиотические концепты: символ, образ и знак. Мы собираемся рассматривать метафору с точки зрения когнитивного подхода. Метафора — основная ментальная операция, которая объединяет 2 понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы [5: 19]. **Метафора** — проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Мы рассмотрим **базовые метафоры** — ключевые метафоры, задающие аналогии и ассоциации между различными системами понятий и порождающие более частные метафоры [2: 14].

Базовые метафоры являются одним из структурообразующих элементов **дискурса**. Из множества различных подходов к определению дискурса мы выбираем точку зрения В. В. Красных: дискурс — есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами [3: 113].

Мы называем **спортивным дискурсом** совокупность текстов спортивной сферы, некое поле, в котором существуют определенные типы взаимодействия, нормы, правила, организующие его. Мы исследуем тексты печатных СМИ (жанр репортажа).

Мы рассмотрим функционирование базовой метафоры в письменной разновидности спортивного дискурса — репортажах о футбольных матчах в газете «Спорт-Экспресс».

1. Базовая метафора (в ее когнитивном понимании) — важнейший структурообразующий элемент дискурса. 2. Спор-

тивный дискурс — конструкт, образованный в результате взаимодействия определенного набора базовых метафор. 3. Базовые метафоры спортивного дискурса — продукт социокультурного влияния смежных дискурсов. 4. Спортивный дискурс обладает ограниченным набором базовых метафор. 5. Спортивный дискурс наиболее полно являет себя в средствах массовой информации. 6. Выбор определенной базовой метафоры при построении нарративной структуры газетного спортивного репортажа обуславливает определенное видение события адресатом. 7. Наиболее влиятельной базовой метафорой спортивного дискурса является «футбол — это война».

Мы продемонстрируем, каким образом базовая метафора «футбол — это война» организует спортивный нарратив, и проследить функционирование данной метафорической модели в спортивном дискурсе.

Дж. Лакофф и М. Джонсон разграничивают структурные и ориентационные метафоры. Базовая метафора «футбол — это война», которую мы рассматриваем, является **структурной**. Структурные метафоры — метафоры, основанные на том, что один концепт структурирован в терминах другого [4: 25–27].

2. Базовая метафора «футбол — это война» в текстах газеты «Спорт-Экспресс»

Базовую метафорическую модель «футбол — это война» можно представить как совокупность более частных метафор, формирующих ее.

1. «Соперник — враг».

Мы вышли не обыгрывать греков — воевать.

2. «Слабость врага — его уязвимое место».

Голландцы методично начали искать щели в российской обороне.

3. «Игра — битва, сражение».

Фаворитом оставалась Италия, и многие ожидали от нее блицкрига.

Команда Арриго Сакки теряла одного бойца за другим.

4. «Футбольная команда — войско, армия».

Не пытались ли хорваты избежать столкновения с английской армадой?

5. «Обыграть — одержать победу, уничтожить противника. Проиграть — потерпеть поражение».

Роналдо, Ривалдо и Бебето пытались пробить брешь в оборонительных порядках соперника.

6. «Игра в атаке — наступление. Игра в защите — отступление / оборона».

Дюгарри был настырен на острие атаки и удачно комбинировал, отходя в ее второй эшелон.

Поведя в счете, итальянцы окопались в обороне и перешли на контратаки.

7. «Футбольное поле — поле боя. Территория футбольного поля — объект для захвата. Ход игры / боя — объект контроля».

Бразильцы отправились на захват английских земель.

8. «Продвижение команды по турнирной сетке — продвижение войска».

Поляки твердо намереваются штурмовать групповой барьер.

9. «Удачные действия команды — разрушение защитных построений соперника».

Шведы так и не нашли подходов к крепости, выстроенной Буффоном.

10. «Тренер — главнокомандующий, полководец, тактик, стратег».

Войска генерала Ангела Йорданеску наведываются на полигоны за 48 часов до сражения.

11. «Ворота — мишень, цель. Точка, с которой наносится удар — огневая позиция».

Кранчар из убойной позиции произвел холостой выстрел выше ворот.

12. «Футбольный мяч — оружие войны. Работа с мячом — обращение с оружием. Удар по мячу — выстрел».

Очередной выстрел пушки Баллака последовал на 66-й минуте.

В итоге работы выявлены частные метафоры, формирующие базовую метафору спортивного дискурса «футбол — это война» и доказана центральная роль базовой метафоры в построении нарративной структуры спортивного дискурса.

Литература

1. Абдулкаримов С. А. Спорт и культурная идентичность в обществе: История и современность // Этнографическое обозрение. 2004. № 5.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
3. Красных В. В. «Свой среди чужих»: миф или реальность? М., 2003.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

Медиадискурс «посторанжевой» Украины

Л. А. Кудрявцева

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

ros_mova@ukr.net

Перманентный выборный процесс, в котором пребывает Украина с 2004 года (президентские, парламентские, местных советов депутатов, мэров городов — очередные и досрочные выборы), значительно повысил роль масс-медиа в жизни украинского социума. В условиях кризиса власти (2004–2010 гг.) и острой политической борьбы СМИ получили уникальный шанс — оказывать беспрецедентное масштабное речевое воздействие на практически беззащитных перед ними граждан.

Отличительными особенностями украинского массмедийного политического дискурса «послемайданного» периода стали конфликтность и агрессивность, которые и предопределили общее направление речевого воздействия, отбор как вербальных, так и невербальных средств и приемов его выражения. Для современного украинского политического мышления в целом установки толерантности ослаблены, массмедийная политическая речь, особенно в контексте нарратива «Выборы», тяготеет к бескомпромиссности, непримиримости, речевой агрессии. Политическая интолерантность публичных лиц, включая руководителей страны, громкие скандалы, обвинения в предательстве национальных интересов, антигосударственной, противоправной деятельности, сепаратизме, уголовном прошлом и под. стали частью жизни социума, а следовательно, и собственно медийным контентом 2004–2010 гг. в условиях политического выбора, каковым является избирательная кампания. Желание очернить оппонента сопряжено со стремлением оказать психологическое влияние не только на оппонентов — прямых участников конфликтных форм коммуникации, но в первую очередь — на третьих лиц, слушателей / зрителей / читателей, с целью навязать им свои негативные оценки, оказать манипулятивное воздействие.

Широкий спектр эксплицитных и имплицитных форм выражения речевой агрессии дает общую картину интолерантности субъектов политических процессов, что крайне деструктивно воздействует на социум в целом и на нормативную базу общелитературного языка в частности. Персоны нарратива «Выборы» (чаще всего — представители действующей власти) используют в своих дискурсивных практиках разнообразные модели негативных оценочных суждений: обвинения оппонента в некомпетентности, чрезмерном рвении к власти, в нанесении ущерба стране, обострении конфронтации, в нарушении морального облика нормального члена общества, в воровстве и бандитизме. При этом

используются как общелитературные экспрессивы (*бандит, вор, властная кормушка, идти по трупам* и под.), так и находящиеся за пределами общелитературной нормы (*брехун, жопа, подлюка, морда, засранец* и др.).

Среди вербальных составляющих коллективного образа врага в лице политических оппонентов особо следует выделить лексику уголовного жаргона в дискурсе одной политической силы, которая формирует крайне негативный образ «ненаших» — не только политиков, но и всех избирателей юго-востока Украины, поддерживающих «неукраинского», «промосковского» и т. д. политика.

Ярко выраженной особенностью украинского массмедийного политического дискурса 2004–2010 гг. является апелляция к психоэмоциональной сфере адресата, что усиливает воздействующий эффект масс-медиа. Обращение к чувству реального или выдуманного страха предполагаемого реципиента при высокой скорости и непрерывности потока информации, характерных для современных масс-медиа, не дает возможности рационально-логически осмыслить сообщение, обуславливает его эмоциональное восприятие, а постоянная апелляция к одним и тем же страхам, чему способствуют повторы соответствующих вербальных ярлыков, убеждают адресата в реальности навязанного ему страха и созданного такими вербальными ярлыками образа врага.

Базовых страхов, эксплуатируемых украинскими политиками, политтехнологами и журналистами, несколько. В дискурсе оппозиционных «бело-голубых» — Партии регионов и их сторонников — это а) **страх перед национализмом (фашизмом):** *наишты* (о представителях партии «Наша Украина», аналогия с номинацией «фашисты»), *оранжево-коричневая истерия* (аналогия та же), *нацики, выползшие из схронов* (о националистах, апелляция к ОУН-УПА — организации украинских националистов, которые проживали в лесных землянках — «сχροнах» в послевоенные годы в период партизанской войны с советской властью) и б) **страх перед иностранным влиянием** (например, *проамериканские политики / президент*).

В дискурсе «оранжевых» политических сил базовым страхом, активно эксплуатируемым в периоды всех избирательных кампаний, выступает **страх перед криминальными структурами**. Речевые средства нагнетания этого страха разнообразны и многочисленны. Прежде всего, это вербальные ярлыки, как внедренные в масс-медиа в 2004 г.: *зэк, Бандюкович* (о Януковиче), *донецкие бандиты* (о его сорат-

никах), — так и появившиеся в период избирательной кампании 2009–2010 гг.: *донецкий пацанат* (от жаргонного *пацан* — член криминальной группировки), *бандитский край*, которыми создается негативный образ не только политических оппонентов, но уже всех избирателей региона, голосующего за Януковича. Образ нынешних врагов подкрепляется страхом перед реальными врагами далекого прошлого, когда речь идет о *бригадно-ордынской ментальности* жителей Донбаса («Український тижень», 29.01.2010) от *бригада* — жаргонное ‘преступная группировка’, *орда* — от *татаро-монгольская орда*, апелляция к завоеванию территории нынешней Украины татарами-монголами в историческом прошлом; *нахрапистая орда с востока* [о Донбассе —

восточном регионе Украины. — Л. К.], *отбирающая собственность и свободу* («Новая газета», 26.01.2010). В последнем примере подключаются страхи потерять собственность и свободу.

В последнее время широко стала использоваться имплицитная форма дискредитации оппонента, наиболее агрессивные из них: *девушка с конопляной поволокой во взгляде* (о премьер-министре, «Киев. телеграф», 30.06–6.07.2006). *коксохимический мэтр* («Сегодня», 5.11.2007) и мн. др.

Анализ разнообразных способов подачи имплицитной информации, а также невербальных средств, дополняющих речевой ресурс манипулятивного медиавоздействия, будет представлен в докладе.

Функционирование высказываний с формами будущего времени в условиях советского политического дискурса

Т. А. Логунов

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

tlogunov@mail.ru

Будущее время, политический дискурс, коммуникация, модель мира, пропозиции

Summary. The paper discusses the use of the Russian Future Tense forms within the specific conditions of the Soviet ideological discourse of 1960–1970s, which conditions evoke specific features of the language system to come to the surface. The necessity of multi-level approach to the analysis of this phenomena is emphasized.

Рассматривая соотношение между языком и дискурсом, последний можно трактовать как определенную сферу использования языка, устанавливающую свои ограничения на выбор и функционирование вербальных средств в языковых сообщениях, производимых в рамках данного дискурса, в силу определенной социальной или идеологической позиции [2: 16], или как случаи «особого использования языка... для выражения особой ментальности» [4: 38]. П. Сериио говорит об «особом типе отношений, связывающих текст как... продукт с условиями его производства, с внешней, специфической для него средой» [3: 340]. В этих условиях активируется потенциал языковой системы, определенные черты языка, способствующие «коммуницированию» создаваемой в рамках данной идеологии модели мира. Благодаря особой организации содержания (знаний об объектах реального мира) на уровне когнитивных структур их репрезентации, языковые структуры на своем уровне также участвуют в воссоздании специфической модели мира.

С другой стороны, ограничивая рассуждения рамками политического дискурса, необходимо отметить, что одним из его характерных свойств является утверждение субъектами дискурса правильности определенной ментальной модели мира и ее постоянная «трансляция» при развертывании дискурса. Как пишет В. Н. Базылев, в аргументативных текстах «план, соотносящий дискурс с объектами ментальной модели мира... организует тематико-когнитивный каркас текста, его пропозициональную структуру» [1: 325–326]. В результате процесса аргументации, которая оказывается «одним из способов онтологизации знаний», появляется новая «репрезентация положения дел в ментальной модели мира субъекта, а тем самым и новая модель мира» [1: 326].

Наш выбор языковой категории для анализа в описанных условиях продиктован спецификой ее содержательной стороны: футурум характеризуется нереализованностью обозначаемого, отягощенностью разнообразными модальными оттенками, способствующими яркому выражению отношения автора-говорящего к обозначаемому действию, поэтому высказывания, относимые к будущему, не могут быть верифицированы, не имеют значений истинности. Все это делает изучение проблем выбора и использования футуральных грамматических форм, их референции в контексте данного типа дискурса весьма перспективным. Материалом настоящей работы послужили доклады и отчеты ЦК КПСС, представленные на XXII–XXV съездах КПСС.

Одной из ярких характеристик данного фрагмента воссоздаваемой картины мира является *псевдонаучность*, что на текстовом и синтаксическом уровне проявляется в де-субъективации и намеренной нейтрализации модальности, а в коммуникативном плане — в утверждении закономерного соотношения между субъектом и объектами. *Темпы технического прогресса в народном хозяйстве будут тем выше, чем плодотворнее наука будет питать практику новыми идеями, новой техникой и технологией* (Материалы

XXII съезда КПСС, 65). Между будущими событиями устанавливаются отношения обусловленности, закономерного следствия, представляемые автором дискурса так, как если бы они имели силу научного закона. Степень обязательности реализации представленной ситуации нередко задается с помощью предикативных наречий типа *неизбежно, неотвратимо*.

Деятельность автора-субъекта представлена как исключительно выгодная для адресатов дискурса, поскольку субъект обещает сохранить и улучшить (развить) благоприятную для адресата ситуацию (деятельность). *Колхозы и совхозы будут получать все больше минеральных удобрений; поставка их в 1970 году увеличится в 2 раза по сравнению с прошлым годом* (Материалы XXII съезда КПСС, 47). Будущее в советском идеологическом дискурсе — это будущее запланированное и предопределенное, то есть «освоенное» из настоящего. Тем не менее, говорящий пытается снять свойственную будущему модальность, нейтрализуя элементы предположения. Он позволяет себе произносить утверждения относительно следствий еще не совершившихся действий, а это означает, что вся будущая ситуация, представляется для говорящего не потенциальной, но вполне реальной: *В этих целях разрабатываются мероприятия по переводу совхозов на новый порядок планирования... Эти меры будут способствовать укреплению экономического положения совхозов, углублению их специализации...* (Материалы XXIII съезда КПСС, 145).

С другой стороны, возникает проблема ответственности автора дискурса за осуществление благоприятной, но ирреальной в момент развертывания дискурса ситуации. В этом случае фигура автора зачастую скрыта за надличностной маской формального субъекта «партия (и весь советский народ)», или же сведена до незаполненной позиции субъекта в трансформированных структурах типа «правильная организация труда (руководством?, партией?)» ← «партия (будет) правильно организовывать труд»: *Выполнение намеченных планов в области сельского хозяйства будет зависеть от творческой инициативы и энергии сельских тружеников, от правильной организации труда...* (Материалы XXV съезда КПСС, 24). Субъектом утверждается лишь знание закономерностей о данном соотношении действующих сил, и если адресат идентифицирует себя с названными субъектами реализации намеченных действий, то с прагматической точки зрения это воспринимается как косвенное побуждение.

Таким образом, анализ показывает, что узколингвистическое исследование таких явлений не позволяет выявить все особенности порождения и интерпретации высказываний в конкретных условиях дискурса, более надежных и полных результатов можно добиться за счет интегративного исследования на разных уровнях: на пропозициональном, на уровне когнитивных структур, на собственно языковом и текстовом.

Литература

1. Базылев В. Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 324–329.
2. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Под общ. ред. П. Серю. М., 1999. С. 12–53.
3. Серю П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Под общ. ред. П. Серю. М., 1999. С. 337–385.
4. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–79.

Графические знаки выражения оценки

В. А. Марьянчик

Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск)

marvik69@yandex.ru

Узуальные и окказиональные графические обозначения, слеш-композиция, интенсификация оценочности

Summary. In the report are considered extralinguistical causes of appearance and usualisation of graphic symbols in Russian orthography and punctuation. There is described functioning one of such symbols — slash in the texts of unspecialized communication. There is analyzed valuate potential of this symbol.

По способам выражения в тексте оценка делится на эксплицитную / имплицитную, прямую / косвенную, узуальную / окказиональную. Особенности ментальной сферы современного человека являются клиповость сознания, агрессивность, цинический разум. На вербальном уровне это отражается в стремлении к речевой экономии, в агональности, сверхэкспрессивности, лингвистической и содержательной аномальности различных дискурсов. Данные факторы обуславливают совмещение, параллельное использование различных знаковых систем., в т. ч. невербальных символов. Знаки =>, //, =, + и др. активно используются за рамками специальных текстов, например: *яичница в обрамлении соленых огурцов + фэготини с ветчиной / сыром*. Эти знаки рассматриваются нами с позиций выражения ими оценочности в письменной речи. Оценочный потенциал знака реализуется в контексте. Внеконтекстуальная оценочность присуща только одному современному пиктографическому обозначению — «смайлику» в многочисленных вариациях этого знака: :), ☺, :- (и т. п. Знак «плюс» может выражать в тексте не только оценочное отношение, но и добавочность, умолчание, например *Грянет? Гром? + (заголовок); хочеть встать и громко аплодировать + до хрипоты кричать «Браво!»* и т. д. Знак «минус» из-за визуального совпадения с тире или дефисом используется редко, пишущий отдает предпочтение словесному обозначению: *Минус последние 6 дней перед голосованием, когда кандидатов снимать нельзя, = 5*. Оценка посредством апострофа относится к сфере языковой игры. Аналогичным приемом является гибридное (графическое) словообразование. С помощью апострофа новое слово делится на части, самостоятельная интерпретация которых позволяет вычленить новые смыслы. Так, название статьи *О'пус'тили козла в огород'е!* транслирует оценочные смыслы поговорки, жаргонизма и слова с ироничной окраской.

Некоторые из новых графических способов выражения оценочности уже можно отнести к узуальным. Прежде всего, это косая черта — слеш. Знак может обозначать отношения конъюнкции, например: *под подпиской о невыезде / неразглашении сидеть полегче; договорился / дописался фактически до клеветы*. Также активно слеш используется для обозначения отношения дизъюнкции: *поиграть в «верю / не верю»; перед уходом в декрет / отъездом в Турцию*. Те или другие отношения могут эксплицитироваться в тексте, например, сначала используется союзная конструкция *либо сам Сидоров черкнул, либо двойник-мошенник*; а далее употребляется написание через слеш *Сидоров / двойник*. В ряде случаев отношения между элементами слеш-композиции не столь ясны. См.: *Как будто ложки / вилки украли из столовой...* (о крупной краже); ср.: *вилки и ложки; вилки или ложки*. В данном случае семантическим эквивалентом может служить дефисное написание *ложки-вилки*, позволяющее интерпретировать денотат как нечто неразрывное и указывающее на его фразеологичность: *ложки / вилки* — нечто незначительное, не заслуживающее внимания — то, что можно проигнорировать. Замену дефиса слешом можно рассматривать как дань речевой моде: *Ходил в форме, махал руками, официально сидя / лежа на больничном*. Взаимоза-

меняемость дефиса и слеша становится очевидной в конструкциях, где эти знаки сочетаются: *Пишу-читаю / поражаюсь: я в унисоне с министром МВД*. Знак может обозначать причинно-следственные и условные отношения: *на поиск и сбор упавших ступеней ракет деньги выделены / деньги сэкономлены*. В этом случае слеш выступает эквивалентом пунктуационного знака. В приведенном примере быстрота смены событий предполагает постановку тире, однако автор выбирает слеш. На наш взгляд, дело не только в языковой моде. Оформление предложения с тире выражает только стремительность действий, а со знаком слеша актуализирует оттенок регулярности, повторяемости, типичности описываемой последовательности. Активность знака в современных текстах велика. О ней свидетельствует, во-первых, «слеш-ряды» (*и есть человек «без номера» — он не выше / он не ниже / он не имеет отношения / у него нет претензий*), во-вторых, употребление нескольких слеш-композиций в границах одного предложения (*Сядет / не сядет Сидоров / двойник или как-то иначе ответит за свою гнусную писанину*).

Слеш-композиции близки к дериватом окказионального типа — слияниям (по Е. А. Земской), т. е. их можно интерпретировать как одно слово. Оценочный потенциал знака реализуется в контексте. В большинстве случаев он выступает в качестве интенсификатора оценочности. В случае семантической несочетаемости элементов слеш определяет ироничное звучание, усиливает иронию: *Я изображаю, что мне весело / придурковато / гражданственно; За пожиранием булок не замечен, всегда при кофе / при галстукке, неизменно с умной книгой* и др. В случае соединения слов с одинаковой оценочностью усиливается пейоративное или мелиоративное звучание: *а завтра что-то жизненно важное замастыряют / заныкают; впервые строительная компания утерла нос важным / вальяжным энергетикам; Теперь нормальному / честному / с добрыми помыслами нерезально даже выдвинуться*. Аксиологическая игра может подчеркиваться другими приемами, например, паронимической аттракцией элементов композиции (*важные / вальяжные*). При хронологических отношениях (с оттенками причины, условия, последовательности) знак закрепляет при негативном сценарии «неизбежность» данных отношений, а при позитивном — четкость действий: *Заработали / проели / в трубу: смысла мало, а будущее туманно*. Отрицательная оценка транслируется антонимичными членами в случае акцентирования неразборчивости, безразличия персонажа: *чиновному лоду кризис / не кризис — малокасаемо; входи / не входи, бомбу проноси / не проноси*. Слеш может подчеркивать не только тесную связь, закономерность, но и отсутствие таковых. Действия, признаки и предметы, перечисляемые в свободной последовательности, теряют денотативную самозначимость, детальность. Например, слеш-композиция в предложении *А теперь представьте: вы присободили железку под санки / лопатку / колыбельку* можно заменить неопределенным местоимением *что-то, что-нибудь*. Часто элементы сливаются в единый образ, актуализирующий оценочную сему. См.: *Иду / курю / матом ору...* (образ отрицательного персонажа, оценка морально-

этического и статусного характера); *Я лишь хожу / курю / наблюдаю* (сема малозначительности действий персонажа; эксплицируется частицей); *Стол / чайник / ТВ щебечет* (знак передает «беглость» взора автора, зафиксированы самые общие детали, главное — не они, а настроение, передаваемое интерьером — благость, спокойствие, уютность).

Основные выводы исследования: 1) экстралингвистические факторы обуславливают появление и узуализацию но-

вых графических способов выражения оценочности; 2) частотность и фиксированность ряда значений употребления слеша в неспециальных текстах позволяет отнести данный знак к узуальным; 3) слеш выступает в качестве орфографического и пунктуационного знака и выражает отношения конъюнкции и дизъюнкции, логического следования, простого перечисления, аккумуляции; 4) слеш реализует в контексте оценочную функцию, интенсифицируя и эксплицируя оценочность элементов слеш-композиции.

Речевой акт обращения как компонент организации коммуникативного коридора

А. Ю. Маслова

ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Саранск)

al_mas@mail.ru

Обращение, речевой акт, коммуникативно-прагматический подход, коммуникативный коридор

Summary. The address as a speech act is analysed in this paper. The author uses pragmatic approach in the study and presents some characteristic features of this speech act.

Обращение является неотъемлемой частью человеческого общения и для разных человеческих сообществ становится коммуникативной универсалией. Внимание ученых привлекает определение статуса этого феномена. В последнее время в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания актуализируется коммуникативно-прагматический подход к исследованию обращения.

Являясь специфическим контактоустанавливающим средством, оно представляет собой одну из самых употребительных речевых единиц. В связи с этим актуальным является рассмотрение обращения в системе речевых актов. Элементы коммуникативно-прагматического анализа позволяют определить специфику обращения как акта речи. В выборе формы обращения прагматика нередко доминирует над семантикой. Выявление значимых прагматических факторов предполагает развернутую характеристику компонентов отдельной коммуникативной ситуации.

Осуществляя речевой акт обращения к собеседнику посредством его называния, говорящий сообщает информацию, в которой переплетаются семантические и прагматические компоненты. При этом в выборе формы обращения, подходящей для конкретной коммуникативной ситуации, прагматика доминирует над семантикой. Выявление значимых прагматических факторов предполагает развернутую характеристику компонентов отдельной коммуникативной ситуации. Это в первую очередь участники процесса общения и условия, в которых оно протекает.

Если исходить из характеристики коммуникантов, то выбор обращения осуществляется с учетом их коммуникативных установок, межличностных отношений, социальных характеристик. Например:

— *Мама не хочет, чтобы я ехал. Все едут, а я чего? <...> Ну, что мне теперь делать?! Ну na-ana!* (Устинова). Обращение в данном примере отражает установку говорящего на упрямство. Цель адресанта (сына) — упрямство, уговорить адресата (отца) разрешить поездку.

— *Что вы себе позволяете, дорогуша?* (Устинова). В данном случае обращение актуализирует характер межличностных отношений собеседников, которые несут оттенок фамильярности, превосходства адресанта над адресатом.

— *Ты что, не мог ему позвонить, идиот проклятый?* (Устинова). Обращение является оскорблением и маркирует конфликтные ситуации, которые могут привести к разрыву отношений между коммуникантами.

Нередко характеристики коммуникантов носят комплексный характер: — *Как же ты так, сыночек?..* Реплика исходит от тещи к зятю, поэтому указание посредством обращения на степень родства коммуникантов является вторичным. Коммуниканты не являются кровными родственниками. Однако такое обращение ярко характеризует взаимоотношения собеседников.

Указание на социальный статус собеседников нередко совмещается с характеристикой условий общения. Зависимость обращения от условий, в которых протекает комму-

никация, как правило, проявляется в учете говорящим типа обстановки и канала коммуникации. Официальный / неофициальный тип обстановки может маркироваться не только посредством обращений, называющих или не называющих социальный статус коммуникантов. Это может быть и различное использование имен собственных. Так, обращение к человеку по имени и отчеству дает право предположить об официальном характере отношений: — *Сергей Константинович, вы пришли, чтобы поддержать нас в трудную минуту?* (Устинова).

— *Пепельницу дай, пожалуйста, Костик!* (Устинова). Данное обращение адресовано начальнику, но оно употребляется в неофициальной обстановке и одновременно подчеркивает дружеский тип межличностных отношений. В интерпретирующем контексте следует пояснение: *Еще бы ей не пережить, когда это ее начальник и даже, можно сказать, друг.*

Характеристика канала коммуникации предполагает учет наличия / отсутствия визуального контакта, контактное / дистантное расположение собеседников.

— *Батурин, ты пишешь не как военный, а как журналист экстра-класса* (Устинова). Ситуация демонстрирует непосредственное контактное общение, когда собеседники имеют возможность визуально оценить реакцию на их речь.

— *Пап, — позвал из трубки странный голос, — это я. Привет!* (Устинова). В данном случае иллюстрируется опосредованное общение, когда преградой для визуального контакта служит дистантное расположение говорящих.

Учет вышеназванных прагматических параметров свидетельствует о том, что говорящий при помощи обращения стремится не только указать на индивидуальные характеристики адресата, но и сформировать или обозначить тип отношений, на основе которых, по мнению говорящего, должно строиться речевое взаимодействие. Необходимый тип коммуникативных отношений называется «коммуникативным коридором»: — *Серезж, достань банку. — Какую банку? — Боже мой, банку с кофе. <...> Кира сунула сахарницу на стол, схватила бывшего мужа за свитер и притянула к себе, <...> прижала лбом к своему лбу. — Серый, я... так давно... ужасно давно... <...> Кира иногда звала его Серым в давние-предавние времена. <...> Кира оторвалась от Сергея. — Ты рассказывай мне про убийство и больше ни о чем не спрашивай. Ладно? — Ладно. Ты не знаешь, зачем мы развелись? — Сергей! — Да, — быстро сказал он и потер лицо, — про убийство так про убийство* (Устинова). Данная ситуация посредством обращений ярко представляет картину того, как меняется характер отношений коммуникантов в зависимости от коммуникативной установки. Усеченная форма нейтрального, но неофициального обращения *Серезжа* свидетельствует о согласии говорящего установить или продолжить контакт. Обращение выступает в апеллятивной функции. Эмоционально-экспрессивное обращение *Серый* устанавливает коммуникативный коридор кооперативного общения, которое приобретает более доверительный харак-

тер. Коммуникативная установка на прекращение разговора и желание сменить тему выражается в использовании официальной полной формы имени *Сергей*, которая используется по отношению к близкому человеку в неофициальной обстановке.

Таким образом, компоненты семантико-прагматической структуры обращения как речевого акта в условиях ситуации непосредственного общения могут быть представлены следующим образом: место (здесь) — время (сейчас) — адресант (я) — адресат (ты / Вы / вы) — номинация — установление «коммуникативного коридора». Предложенная структура речевого акта обращения находится в соответст-

вии с определением Н. И. Формановской, которая трактует речевой акт обращения как семантический перформатив с открытой текстовой валентностью [1].

Коммуникативно-прагматический аспект изучения обращения позволяет трактовать обращение как речевой акт, способный выполнять набор функций во взаимодействии с различными высказываниями или самостоятельно.

Литература

1. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // <http://library.krasu.ru>.

Способы понижения референциального статуса описания ситуации в текстах сентенционного типа

И. П. Матханова

ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

nmatkhanova@mail.ru

Референция, русский язык, грамматика, текст, генерализация

Summary. The paper considers ways and means of strengthening and weakening of generalization in the texts of common referential type.

Проблемы референции вызывают неподдельный интерес лингвистов на протяжении многих лет. Обсуждаются языковые средства с точки зрения их референциального потенциала; основные типы (конкретный, неопределенный и обобщенный) референции, их разновидности и границы; объем самого понятия: в него включают преимущественно референцию имен и именных групп в высказывании (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, С. А. Крылов и др.), а кроме того, предикатов и целых высказываний (А. В. Бондарко, Т. В. Бульгина, А. Д. Шмелев и др.). Понятием референциального статуса описания ситуации оперирует Х. Мелиг [5].

При определении типа референции обычно указывают, что в пословицах все языковые средства, несмотря на их референциальный потенциал, служат для выражения наивысшей степени генерализации. Между тем, пословицы, афоризмы и т. н. «народные афоризмы» (АиФоризмы) представляют собой сентенционный [4], или генеритивный регистр [3], текстовая и референциальная «жизнь» которого представляет особый интерес, т. к. в нем взаимодействуют жанровая рамка и языковые средства, специализированные на выражении разных типов референции.

Благодаря неэсплицированной модусной рамке в текстах сентенционного типа функционируют языковые средства как специализированные на выражении общей референции (кванторы всеобщности, формы настоящего времени, в наибольшей степени приспособленные для выражения временной нелокализации; адъективные конструкции и конструкции тождества и др.), так и такие единицы, которые предназначены для выражения конкретной референции (имена собственные, формы прош. врем. сов. вида, указательные местоимения и др.). Исследуя это взаимодействие в разных малоформатных текстах сентенционного типа, можно установить механизмы как повышения (от конкретно-группового до обобщенного), так и понижения ранга генерализации (от общей — к групповой). Эти тексты обладают двойной референциальной отнесенностью [6]: одна из них устанавливается в конкретной речевой ситуации, а вторая, внеситуативная, обобщенная, закодирована в самом тексте.

В обобщенной ситуации могут быть выделены различные логико-смысловые типы: закономерности, правила, касающиеся всех / всего человечества; отдельных групп людей; фиксирующие исключения из правил и несоответствие им. При характеристике текстов необходимо учитывать наличие в них семантической координации: референции именных групп и предикатов (согласованность референциальных статусов, по Т. В. Бульгиной и А. Д. Шмелеву [2]). Если обычно изучаются способы и средства, которые позволяют увеличить, повысить степень обобщения, то анализ текстов пословиц, афоризмов и АиФоризмов показывает, как на фоне ожидания наивысшего уровня обобщения актуализируются способы понижения степени обобщения. Таким образом можно выявить особенности поведения языковых

средств с различным референциальным потенциалом, в том числе и некоторые нетривиальные эффекты.

К наиболее явным средствам понижения степени обобщения относится употребление отрицания при кванторах: *не все, не всегда, не всякий* и под. Ср.: **Не все** для себя, ино место и для других (посл.), *Вдохновение — это такой гость, который не всегда является на первый зов* (П. Чайковский); *Время, конечно, лечит, но не у всех хватает времени дождаться результатов лечения* (АиФ); *Наши хранители не всегда ангелы* (АиФ).

Ту же функцию выполняют и лексемы со значением большого количества лиц или предметов, у которых актуализируется значение неполного охвата [2: 204–206] (*множество, многие, немало, некоторые* и др.): **Множество** людей совсем не умеет смеяться (Ф. Достоевский); **Скопить** денег на черный день **многим** мешает отсутствие дней белых (АиФ); **Среди** клиентов практически любого дантиста **немало** коронованных особ (АиФ).

Отметим нестандартное функционирование таких показателей обобщенности, как *часто, обычно, бывает* и т. п., которые также в данном случае фиксируют ограничение некоторых закономерностей: *Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой* (А. Чехов); *Под свободой совести обыкновенно* разумеется свобода от совести (В. Ключевский); **Часто** люди гордятся чистотой своей совести только потому, что они обладают короткой памятью (Л. Толстой).

Чтобы выразить в рамках сентенционного текста не самую высокую степень генерализации (в том числе сформулировать исключения из правила или какое-либо несоответствие ему) используются и более стандартные способы: включение в именную группу обобщенного типа ограничительных частиц (*только, лишь*), местоимений *иной, такой, показателей случайности (невзначай)*, разного рода указания на частичную / неполную локализацию явлений во времени (*теперь, раньше, на одни сутки*) и пространстве (*у нас, в России, в нашем дворе* и под.); на потенциальную вневременность и / или возможную альтернативу, например в конструкциях обусловленности или взаимоисключения. Кроме того, исключительность может выражаться при помощи конструкций с противопоставлением, в которых первая часть содержит имя, специализированное на выражении класса предметов, а вторая — имя собственное или личное местоимение (*Люди с базара, а Назар на базар; Люди молотить, а он замки колотить*).

В текстах сентенционного типа могут одновременно сочетаться приемы повышения и понижения ранга обобщения, взаимодействуя между собой и создавая целый спектр логико-смысловых типов генерализованных конструкций. Изучение этих приемов и средств в совокупности дает основание для более полного описания референциальных возможностей языковых единиц.

Литература

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1995.
3. Золотова Г. А., Онитенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

4. Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. СПб., 2003.
5. Мелиг Х. Р. Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Под ред. М. Ю. Чертовой. М., 1998. С. 289–304.
6. Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М., 2007.

Исследование профессиональной самопрезентации студентов: социально-драматургический и вербальный аспекты

И. А. Медведева

Челябинский государственный педагогический университет

orange_planet@mail.ru

Профессиональная самопрезентация, социальная роль, информационная структура, коммуникативная неудача

Summary. The research work is dedicated to researches on professional self-presentation of students in view of social and dramaturgic and verbal approaches. The Author analyzes information structures as well as self-presentation language expression. The researches objective is to determine optimal techniques for teaching students of professional self-presentation.

Современные социально-экономические условия требуют от выпускников высших и средних учебных заведений высокой конкурентоспособности на рынке труда, которая во многом определяется навыками профессиональной самопрезентации.

С точки зрения социально-драматургического подхода И. Гоффмана [1: 84–92], самопрезентация — это процесс исполнения социальной роли с использованием личного опыта.

Цель настоящего исследования — определить наличие вербального опыта профессиональной самопрезентации у студентов.

Респондентам (50 студентам трех факультетов Челябинского государственного педагогического университета: филологического, исторического, физической культуры; из них 20% — мужчины, средний возраст 21 год) предлагалось написать миниатюру — рассказ о себе работодателю.

О наличии опыта профессиональной самопрезентации должно было свидетельствовать отражение в рассказах студентов следующих семантических блоков (за основу была взята структура стандартного резюме): 1) информация о желаемой должности; 2) об образовании; 3) об опыте работы; 4) о личных качествах.

Перед выполнением задания респондентов не знакомили ни с количеством, ни с качеством блоков. Так как исследование проводилось среди студентов, информацию об опыте работы мы сочли факультативной. Следовательно, присутствие сведений об образовании, личных качествах и желаемой должности уже означало наличие представлений об исполнении роли соискателя. Анализ показал: опытом профессиональной самопрезентации на уровне информационной структуры владеют 32% студентов. Также была установлена степень актуальности для респондентов блоков путем подсчета количества упоминаний каждого из них в рассказах испытуемых: информацию о должности указали 42% студентов, об образовании — 62%, об опыте работы — 22%, о личностных качествах — 82%.

Большую актуальность информации о личности в профессиональной самоподаче можно объяснить тем, что у студентов, как правило, личное самосознание превалирует над профессиональным. Поэтому в самопрезентациях помимо заданной роли соискателя присутствовали указания и на такие роли, как: ребенок, ученик, мечтатель, творец, «девушка на выданье», друг. Например, коррелируют роли «девушка на выданье»: *Я пока живу с родителями, но в ближайшее время у меня будет своя семья.* В профессиональной самопрезентации подобные факультативные роли не приемлемы в силу ее ориентации на деловой стиль общения.

Что касается качества информационных блоков самоподачи студентов, то их языковое выражение исследовалось в аспекте коммуникативных неудач на основании постулатов общения Г. П. Грайса [2: 217–237]. Основные ошибки, допущенные студентами в самопрезентациях, касались четырех категорий: количества, качества, отношения и способа. Категории количества и качества обнаруживали, с одной стороны, информационную перегруженность самопрезента-

ций лишними и несущественными сведениями, с другой — отсутствие важной информации, например об образовании и профессиональных навыках. Категория отношения проявлялась в том, что респонденты часто отклонялись от указанной темы, рассказа о своем профессиональном Я и забывали об адресате — работодателе. Одним из слабых мест самоподачи стала категория способа — в языковом оформлении самопрезентаций можно выделить следующие пространственные ошибки:

- 1) многословие, порождающее уход от темы — *Что касается семейного положения, то я не замужем. И в ближайшее время не собираюсь, так как считаю, что на первом месте лет до 25–27 должна быть карьера;*
- 2) субъективизм высказываний, вызванный употреблением вводных конструкций и глаголов мыслительной деятельности — *Как правило, я сдержанна»; «Я думаю, что у меня есть терпение;*
- 3) излишняя эмоциональность речи — *Я люблю юмор, придумывать и участвовать в разных постановках. Люблю выступать. Люблю говорить. К тому же я имею высшее филологическое образование...;*
- 4) неточные формулировки, искажающие смысл высказывания — *Хорошо знаю свой предмет, особенно литературу (на должность филолога), Так же я в меру вежливый человек;*
- 5) неверная организации высказывания (последовательность информационных блоков) — *Общительная, целеустремленная. Несколько лет занимаюсь КВНом (играю в команде...), периодически веду университетские мероприятия. Кстати, закончила филфак ЧГПУ.*

Исследование информационной структуры профессиональной самопрезентации респондентов и качества ее языкового выражения позволяет сделать вывод о том, что основная часть студентов не владеет навыками профессионального самопредставления и нуждается в специальной обучающей программе.

Е. В. Михайлова [4: 127–139], ссылаясь на концепцию Гоффмана, считает, что в обучении навыкам самопрезентации следует использовать метод «работы из образа», разработанный К. С. Станиславским. Развитие вербальных умений самоподачи может основываться на методике обучения речевому планированию О. С. Иссерс [3: 235–246], которая предлагает расширять арсенал речевых тактик и учить осознанию вариативности речевых действий и выбору оптимальных вариантов. В своих разработках технологий обучения самопрезентации мы объединяем эти два подхода.

Литература

1. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Пер. с англ. В. В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
4. Михайлова Е. В. Самопрезентация: теория, исследования, тренинг. СПб., 2007.

К методологии дискурсивно-текстового анализа (на материале новостного дискурса СМИ)

А. А. Негрышев

Владимирский государственный гуманитарный университет

negryshev@inbox.ru

Дискурс-анализ, лингвистика текста, макротекстовая структура, новостной дискурс

Summary. The paper is concerned with the discursive approach to the textlinguistic theory. The considerations are based upon the conception of the text as a «product» of discours. From this point of view some problems of text linguistics are discussed, such as the problem of text forming units, extra linguistic text forming factors and text typology. The possibilities of the approach in questions are analysed on the material of the news media discours.

В современной лингвистике текста идет активный процесс интеграции с различными направлениями дискурс-анализа, категориальный аппарат и методология которых складываются на стыке целого ряда научных дисциплин. Одновременно расширяется и эмпирическая база исследований, в сферу которых помимо художественных текстов все более вовлекаются тексты других функциональных областей — массовой коммуникации, разговорной речи, научного дискурса и др. Все это свидетельствует об актуальности разработки методологии дискурсивно-текстового анализа, объединяющей в себе принципы собственно лингвистического исследования с данными, полученными методами других наук — культурологии, социальной психологии, теории коммуникации и др.

В предлагаемом сообщении мы попытаемся показать некоторые возможности такого методологического синтеза на материале исследования новостного дискурса СМИ. При этом мы ограничимся несколькими проблемами традиционной лингвистики текста, для решения которых интеграция с дискурс-анализом представляется наиболее перспективной. Прежде всего, уточним, какой из концепций дискурса мы придерживаемся и какое место в этой концепции занимает текст. В отечественной лингвистике общепринятым можно считать понимание дискурса как речи, «погруженной в жизнь», т. е. речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие [1, 136–137]. В рамках такого подхода, учитывающего экстралингвистические факторы порождения речи, текст «рассматривается лишь как часть дискурса, его знаковый продукт» [7, 130], или, другими словами, как *результат* динамического процесса речевой деятельности [4, 19].

Итак, обратимся теперь к тем проблемам теории текста, которые, на наш взгляд, могут быть по-новому осмыслены с точки зрения дискурсивно-текстового анализа на материале новостного дискурса СМИ.

1. **Проблема текстообразующих единиц** составляет одну из ключевых «точек напряжения» в разработке лингвистической теории текста. Сама постановка этой проблемы вытекает, как представляется, из тех структуралистских оснований, на которых разрабатывался методологический аппарат грамматики (лингвистики) текста. Ю. А. Левицкий характеризует работы в этом направлении как «своеобразное „продолжение“ традиционной грамматики, вышедшей за пределы отдельного предложения. В связи с этим проводится ряд аналогий между структурами сложного предложения и текста» [5, 71], продолжением которых можно считать и понятийно-терминологические варианты для обозначения единиц текста — *СФЕ* (Л. А. Булаховский), *ССЦ* (Н. С. Пospelov), *прозаическая строфа* (Г. Я. Солганик), *сверхфразовая единица* (М. Я. Дымарский), *абзац* и др. (см. обзор в [2, 91–94]). При всем многообразии терминов и определенных в грамматике текста «так и не было обнаружено или выработано надежного и универсального критерия членения текста на относительно самостоятельные фрагменты, представленные той или иной единицей текстообразования» [2, 86].

Структурно-аналитический подход, исходящий из презумпции дискретности текста, практически не учитывает, однако, производность самого текста от дискурсивной среды. Преодоление трудностей с выделением единиц текста как его структурно-семантических составляющих возможно путем принципиального изменения точки зрения на проблему: не *от единицы текста к текстовому целому*, а *от дискурса как целого к тексту как его продукту*. На материале новостного дискурса можно, к примеру, наблюдать,

как дискурсивные параметры задают определенные «требования» к содержанию и структуре конкретных текстов новостей и к последовательности их предъявления. Новостной текст выступает не как «совокупность единиц», а как реализация макротекстовой модели в процессе речевого заполнения макротекстовых позиций и их субпозиций (*заголовок — текст, композиция, стилистическая перспектива*) [6]. При этом как сам набор макротекстовых позиций, так и направления варьирования в процессе их заполнения определяются дискурсом, его довольно строгими правилами отбора, преобразования и предъявления информации, а также схемами ее восприятия реципиентом новостного текста.

2. В этом же методологическом ключе (*дискурс → параметры → текст*) возможен и новый подход к другой проблеме — **экстралингвистической мотивированности текста**. Признание коммуникативной обусловленности текстовых структур содержится практически во всех работах по лингвистике текста, и поиск методов и моделей экспликации такой обусловленности идет достаточно интенсивно (см., напр., теорию *коммуникативных регистров речи* [3, 282–356] или концепцию *параметров текстообразования* [5, 185–200]).

В рамках дискурсивно-текстового подхода основной задачей становится поиск «связующего звена» между параметрами дискурса и их рече-текстовой реализацией. Сложность такой задачи состоит в том, что сами параметры, выявленные методами социологии, коммуникативистики, социальной психологии и других дисциплин, не имеют прямых «соответствий» в лингвистической структуре текста, но участвуют в его организации опосредованно. Описание такого опосредования в новостном дискурсе возможно путем выделения системообразующего параметра (*медиативности*) и выявления в целостной формально-семантической структуре текста *доминант*, определяющих его соответствие социально-коммуникативным, культурно-семиотическим и технико-психологическим параметрам дискурса. Так, например, заполнение макротекстовой субпозиции «композиционно-логические отношения» по схеме *причина — следствие* свидетельствует о реализации *анализа* в повествовательной составляющей доминанты и *продвижения* — в интенциональной составляющей (см. об этом [6]).

3. Дискурсивно-текстовый анализ обнаруживает свою перспективность и для разработки **типологии текста и дискурса**. При моделировании макротекстовых структур новостного дискурса отчетливо просматривается оппозиция *прототипической и вариационных моделей*. Тексты, построенные по прототипической модели, максимально соответствуют стандартам краткости, объективности и беспристрастности, вариационные же модели демонстрируют отклонения от этих стандартов в направлении пространности, субъективизма и экспрессивности. Типология, основанная на противопоставлении прототипической и вариационных структур, складывающихся под «давлением» дискурсивно-коммуникативных факторов, может быть обозначена как *динамическая*, или *процессуальная типология* (ср.: [8, 71–82]), а ее критерии для каждого типа дискурса будут зависеть от характера дискурсивных «проекции» в виде макротекстовых структур и дискурсивных доминант текста.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. М., 2006.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2006.

4. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М., 1997. С. 15–25.
5. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста: Учеб. пособие. М., 2006.
6. Незрышев А. А. О дискурсивных механизмах текстообразования в новостях прессы // Русский язык: исторические судьбы и со-

- временность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 527–528.
7. Петрова Н. В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 123–131.
8. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учеб. пособие. М., 2009.

Библейский сюжет как генератор прецедентности

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

nador2006@rambler.ru

Библия, прецедентный текст, художественная литература

Summary. The paper takes into consideration two Bible plots types that produce precedent situations in Russian and foreign literature and the way these intertextual connections reveal themselves.

Можно предположить, что прецедентно сильными и наиболее плодотворными в отношении генерирования ключевых концептов окажутся те Библейские ситуации, которые содержат драматический элемент, историю новеллистического характера. Это предположение оказалось верным лишь отчасти. Действительно, ситуации, где воплощаются мотивы, связанные с семейными или любовными отношениями, часто становятся основой для прозаических произведений, где они могут выполнять не только текстообразующую, но и сюжетообразующую функцию; сам текст обычно содержит переложение Библейского сюжета, его рефлексии, варьирование при сохранении общего смыслового наполнения когнитивной матрицы. Такие ситуации особенно продуктивны в порождении смыслов любовной лирики, поскольку их матрицы содержат концепты-репрезентанты 'семья', 'любовь', 'женственность', 'ревность', 'измена' и т. п. Это ситуации «Сарра и Агарь», «Руфь», последовательный ряд сюжетов Книги Бытие, включающих всю историю рода Израилева («Иосиф и его братья» Томас Манна), в особенности «Рахиль и Лия», и др. Нетрудно заметить, что необходимое условие для реализации прецедентного потенциала ситуаций этого типа — наличие в Библейском нарративе женских образов.

Так, упоминание о сходстве героини повести Людмилы Улицкой «Сонечка» с Библейской праматерью Лией, о том, что жизненная ситуация, нашедшая художественное воплощение, коррелирует с прецедентной ситуацией «Рахиль и Лия», позволяет осуществить когнитивную ретроспекцию, в результате которой по-новому перечитывается упоминание о близорукости Сонечки («Лия была слаба глазами»), о 17 годах, которые прожил с ней муж, о лишенной ревности «сестринской» привязанности к молодой сопернице. В ахматовской «Рахили» когнитивная матрица Библейского текста деформируется в соответствии с законами античной трагедии, т. е. «заблуждения» Иакова. Заметим, что «слабые глаза» Лии, которые в Библии прочитываются либо как «некрасивые» (вероятно, на некрасивом лице), либо как символ «слабости» духовной жизни, в ряде художественных текстов трансформируются в «близорукость», «подлеповатые» (А. Ахматова: «И Лию незрячую твердой рукой...») — т. е. остаются характеристикой физических качеств. Между тем, уже в Средние века, Лия становится символом деятельной (земной) жизни — в полном соответствии с ее слабым <духовным> зрением, что не сказывается на ее внешней привлекательности. Эту мысль донесла до нас «Божественная комедия» Данте, где Лия названа «прекрасной» (*bella*) и «юной» (*giovane*) женой, плетущей венки прекрасными руками (*le belle mani*): *Для зеркала я уберусь цветами; Сестра моя Рахиль с его стекла Не сводит глаз и недвижима днями. Ей красота ее очей мила, Как мне — сплетенный мной убор цветочный; Ей любо созерцанье, мне — дела (lei lo vedere, e me l'ovrare appaga).*

Проявившаяся в русском переводе этимологическая близость корней (Рахиль = со-зерц-ание; Рахиль смотрится в зеркало, «зерц-ало») позволила М. Лозинскому придать отрывку неожиданно новую точность и глубину, что, в свою очередь, дало жизнь поэтическим текстам, прецедентно связанным не только с Библией, но — непосредственно — с «Божественной комедией». В русской поэзии концепты 'Лия' и 'Рахиль' включают соответствующие смысловые кванты ('деятельность' и 'созерцательность'). Ср. у Вяч.

Иванова в поэме «Сфинкс» и в сонете «Transcende te ipsum»: *<...> К распутью душа твоя пришла: Вождь сей тропы — Рахиль; и оной — Лия. Как двум вождям послушны удила, Так ей — дела, а той — мечты благие <...>*

Мандельштам, почти дословно воспроизводящий мысль Данте в известном стихотворении «Он дирижировал Кавказскими горами...», также упоминает о «тропах» в связи с Лией и Рахилью: *Толпы умов, влиятель, впечатлений Он перенес, как лишь могущий мог: Рахиль глядела в зеркало явлений, А Лия пела и плела венки.*

Космический масштаб Библейских концептов, их изначальная привязанность к религиозному дискурсу не препятствует, таким образом, их дальнейшему философскому осмыслению и переосмыслению, однако можно утверждать, что ситуации, сюжет которых содержит любовные линии, чаще осмысляются именно в этой парадигме, и в целом ситуация «Рахиль и Лия» генерировала значительно больше текстов, эксплицирующих концептосферу 'любовь': *Начнем хоть с отца нашего Иакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина был по сердечной части! Вот настоящий месопотамский рыцарь — влюбился в Рахиль <...>. И что же? Его надули <...>. Но ведь он не унылся: не потянул тестя в суд, а еще на шесть лет себя забатрачил, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добыл. Так вот этот человек — во всем значении слова, значит, любил (Н. С. Лесков. Русское тайнобрачие).*

Ср. у Дилана Томаса для характеристики мучительного любовного разлада душевнобольного: *He had not slept with Rachel and woken with Leah* (Dylan Thomas. The Mouse and the Woman).

Аналогичным образом идет формирование прецедентности на базе ситуаций «Руфь», «Сарра и Агарь».

С другой стороны, огромное количество Библейских прецедентных ситуаций, повествующих о знаковых событиях Ветхозаветной истории, о проявлении Божественного промысла, о борьбе человека со страстями, о его «разговорах с Богом», находит смысловые рефлексии в лирике философского характера. Ситуации Книги Бытие, Книги Исход, пророческих Книг и др. породили большое количество концептов, номинанты которых прочно вошли в лексико-фразеологическую систему и в пословичный фонд европейских языков (*запретный плод, фиговый листок, чечевичная похлебка, неопалимая купина, манная небесная, золотой телец, мерзость запустения; чти отца твоего и мать твою, не сотвори себе кумира, ничто не ново под луной, возвращается ветер на круги своя* и многие другие). Эти номинанты относятся к разряду книжной, иногда устаревшей лексики и в русской лингвистической традиции именуются библеизмами.

Отметим также, что при всей огромной употребительности и популярности этих сигналов прецедентности они редко выступают в функции сюжетообразующего средства в прозаических произведениях. Необходимым условием для переосмысления когнитивной матрицы Библейского текста в романе, повести, рассказе, драме является наличие в структуре сюжета женских персонажей. Именно поэтому, например, ситуация «Гибель Содомы» подвергается переосмыслению в любовной лирике и в прозе, а для ситуации «Иона пророк» отмечен лишь один такой пример (в философском романе А. Кима «Остров Ионы»), хотя существуют бесчисленные обращения к последней в философской и гражданской лирике.

Язык государственного управления: тенденции современного административного дискурса

М. Н. Панова

Российская академия государственной службы при Президенте РФ (Москва)

pmnaka@mail.ru

Профессиональный язык государственных служащих, тенденции устной и письменной деловой речи, терминология административного дискурса

Summary. The paper describes the language of the state administration. The author analyses specifics of the professional speech of civil servants and the trends of the modern administrative discourse: the new terminology in official documents, as well as slang, vulgar lexics used in public statements.

Профессиональный язык госслужащего предназначен для выполнения различных служебных функций и используется в условиях интер- и интрапрофессиональной коммуникации. Модель профессионального языка сферы государственного управления может быть представлена следующим образом: *официально-деловой язык* (язык служебных документов и нормативно-правовых актов о государственной службе, организационно-распорядительная терминология, в том числе связанная со сферой делопроизводства); *профессиональный разговорный язык* повседневного общения (включая административно-политический жаргон); *научный язык* (язык научных докладов и специальных отчетов на служебных совещаниях, язык научной и учебной литературы по проблематике государственной службы).

Среди лексических единиц, характеризующих административно-политический дискурс, в первую очередь, можно выделить **общенаучную и межнаучную терминологию** (сюда входит *политическая, юридическая, финансово-экономическая, социально-психологическая, военная терминология*). Поскольку профессиональная деятельность госслужащего характеризуется полифункциональностью, а профессиональная речь — политематичностью, значительная часть его лексикона относится к межнаучной терминологии, являющейся интегрирующим звеном нескольких областей знаний.

В профессиональной речи госслужащих высок и удельный вес **специальной**, собственно управленческой, **терминологии** — *терминологии государственного управления*, а также *организационно-распорядительной терминологии*, в том числе связанной со сферой делопроизводства.

Поскольку вербальное поведение выполняет функцию «речевого паспорта говорящего» [1: 7], в речи госслужащих отражается их намерение определенным образом позиционировать себя в обществе. В настоящее время, по мнению ряда социологов, государственные служащие представляют собой профессиональную общность, трансформирующуюся из «класса профессиональных аппаратчиков» в социальную группу «белых воротничков» — в особую корпорацию профессиональных менеджеров в области государственного управления, необходимую для нормального функционирования демократического общества, что не может не отразиться на их речевом поведении.

В условиях модернизации системы государственного управления в России, реализации административной реформы возникает потребность в номинации новых понятий, что приводит к появлению — в значительной степени в результате активного заимствования иностранной терминологии государственного менеджмента — **новых терминов, характеризующих различные аспекты управленческих отношений**.

Например, взаимодействие власти и бизнеса привело к проникновению некоторых еще недавно сугубо экономических понятий в сферу государственного управления. Об этой тенденции свидетельствуют тексты учебников и научных трудов, посвященных проблемам госуправления, а также тексты официальных документов о государственной службе. Так, в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах содержатся такие термины, как *система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета, оценка коррупциогенности государственных функций, система мониторинга эффективности мер государственного надзора, технологическая база электронных административных регламентов, пилотное*

внедрение стандартов государственных услуг, механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов.

Прибегая к подобному «речевому глянцу», идеологи современного государственного управления пытаются отмежеваться от языка и стиля советской административно-командной системы и методов партийного руководства, а также продемонстрировать свою причастность к современным методам управления, применяемым на Западе, к стандартам эффективного, научно обоснованного делового администрирования.

Вместе с тем в устной деловой речи чиновников — причем не только в интрапрофессиональном, но и в публичном общении — наблюдается **тенденция к снижению стиля речи, ее вульгаризации, варваризации, опрощению**.

Участившиеся случаи злоупотребления иностранными словами, неоправданное использование заимствований, варваризмов (*работать в кооперации с оппозицией, генерить новые смыслы, мониторить ситуацию, иметь преференции, наблюдать тренды, с точки зрения релакса*) позволяют провести параллель с модным в среде «офисного планктона» так называемым «ринглишем» [3: 99], то есть механическим перенесением специальной лексики из английского языка в русский, использованием макаронической речи.

Особенностью современного административного дискурса является его опрощение, проявляющееся в особом словоупотреблении (*недострой, подвижки, заволокитить*), выборе грамматических конструкций (*в разы увеличить зарплату, высказаться по кандидатуре, проголосовать вопрос*) и словообразовательных моделей (*сопроводиловка, трудовик, эргонадзоровец*). Грубоватая манера речевого поведения ряда госслужащих, объясняемая их коммуникативной установкой — выглядеть прогрессивными, динамичными, раскованными — становится все более популярной. В лексиконе публичных выступлений высокопоставленных чиновников активно используются вульгаризмы и даже инвективная лексика: *врубаться в проблему, разрулить ситуацию, замотивировать, долбануть, мочить, пахать, кошмарить, скулить, штаны просиживать, отморозки, вранье, безобразная акция, хамская выходка, в разы, одномоментно* и т. д.

Опрощение речи чиновников проявляется также в предпочтении стилистически сниженных формул речевого этикета, неполного стиля произношения, ненормативного произносительного варианта (*премировать, ходатайствовать*). Можно также утверждать, что в последнее десятилетие в высших эшелонах власти появилась интонационная мода, основные черты которой — негромкий, «не начальственный» голос, «мягкий тембр», ненапряженные фонации, подчеркнута спокойная, будничная, деловая тональность речи, даже в публичных выступлениях высокопоставленных чиновников.

Значение этого нового речевого поведения — демонстрация новой модели корпоративных отношений, нового, демократического стиля служебного поведения в сфере государственного управления [2: 110].

Литература

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004.
3. Почти серьезный словарь делового общения / Сост. Е. В. Погребняк. М., 2007.

Риторические рекомендации С. И. Поварнина и стилистические особенности его речи (на примере работы «Искусство спора»)

Э. А. Подгорная

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе

Риторика, спор, оппонент, софисты, диалектика, эристика, софизмы, уловки

В настоящее время в мире происходят глубокие коренные перемены, поражающие как своими масштабами, так и частую непредсказуемостью: слишком много информации обрушивается на нас из огромного количества разнообразных источников. В нынешних деловых спорах зачастую побеждает тот, кто обладает большим объемом свежей информации. Часто, но не обязательно, может победить тот, кто, имея на данный момент меньшую, чем контрагент, информацию, вместе с тем лучше обладает навыками и способностями ведения спора. Знание правил и приемов осуществления спора позволяет ему руководить в споре и достигать победы.

Высокого развития теория и практика спора достигла в Древней Греции, где ею занимались софисты, философы, ученые, риторы. «Именно в такой форме излагал свое учение Сократ, беседы которого с различными людьми записал философ Платон. Аристотель в трактате „Топика“ одну из книг посвятил спору. Аристотель, как Сократ и Платон, полемизировал с софистами, лжеумудрецами, которые учили побеждать в споре, используя логические, психологические уловки и хитрости... греки различали спор „конструктивный“, направленный на достижение истины, и спор „конфликтный“, задача которого сводилась не к достижению истины, а к борьбе с противником и к победе в этой борьбе. Две модели спора получили у греков два названия: спор как нахождение истины стал диалектикой, спор агональный — эристикой» [1].

В России теорией спора занимался С. И. Поварнин — выдающийся русский ученый конца XIX — начала XX века. В 1918 г. выходит из печати его книга «Спор». По словам С. И. Поварнина, эта книга является «извлечением из большого труда автора о прикладной логике в связи с теорией спора». В силу своей универсальной содержательности работа привлекала внимание в течение всего XX в. и несколько раз переиздавалась под названием «Искусство спора».

Ученый пишет свое пособие для широкого круга читателей, поэтому стиль его работы научно-популярный, местами художественный, яркий, образный, изобилующий сравнениями, примерами из русской и мировой литературы. Доступная форма изложения не мешает труду С. И. Поварнина быть серьезной научной книгой, анализирующей сложнейшие проблемы спора.

Автор книги рекомендует перед подготовкой к спору или в его начале прежде всего обратить внимание на тезис, на каждое его слово, осведомиться, так ли понимает эти слова противник, как и вы. Если существует разница в понимании, то следует путем уступок или договора о другой формулировке привести тезис к общему пониманию или вовсе отказаться от спора. И далее нужно внимательно следить, чтобы не произошла подмена тезиса или отклонение от него.

С. И. Поварнин рекомендует спорящим четко выяснить пункт разногласия.

Ученый учит нас различать спор из-за истины и спор из-за доказательства: «Неудачное доказательство, взятое само по себе, означает только, что человек не сумел оправдать или опровергнуть тезис, а истинности или ложности тезиса не касается вовсе... выбор между спором из-за мысли и спором из-за доказательства обычно принадлежит нападающей стороне, оппоненту. Устанавливая антитезис или приводя возражения против тезиса, он делает спор спором из-за тезиса; нападая на доказательство тезиса, если оно дано, и требуя его, если оно не дано, он предлагает этим спор из-за доказательства. Защитнику же тезиса, или „держателю тезиса“, обычно остается одно: принять предложенный спор или отказаться от него, „отклонить спор“».

Далее С. И. Поварнин пишет о разных видах спора: сосредоточенных и бесшабашных, простых, одиночных и сложных (когда спорят несколько человек). И простой, и сложный спор может происходить при слушателях и без слушателей, что сильно психологически влияет на спорящих и исход спора.

По мнению С. И. Поварнина, всех слушателей можно разделить на две группы: одни явились с предвзятым мнени-

ем, симпатиями и антипатиями, другие не имеют мнения по данному вопросу. Первые будут поддерживать «своего», ловить его мысли и не слушать противника, «вторые будут судить о ходе спора главным образом по внешним признакам: по авторитету, по уверенному тону одного, по робости возражений другого и т. д.»

В зависимости от цели спора, по мнению ученого, их можно разделить на пять видов: во-первых, спор как «совместное расследование истины», или «проверочный». «Это высшая форма спора, самая благородная и самая прекрасная». Во-вторых, спор может иметь задачей не проверку истины, а убеждение в ней противника. Это сравнительно более низкая форма спора. «И еще ниже стоит спор, когда цель его не исследование, не убеждение, а просто победа». Четвертый вид — спор ради спора. «Есть любители играть в карты — есть любители спора, самого процесса спора». И наконец, пятый вид спора — это спор-игра, спор-упражнение.

Автор не рекомендует очень долго спорить об определенных, «спорить о них можно без конца», нельзя спорить «без общей почвы с противником», существуют «недоказуемые тезисы», нельзя спорить с глупцами, явными софистами, чрезвычайно упрямыми людьми. Самым главным условием конструктивного спора является знание предмета, о котором споришь, считает С. И. Поварнин: «Важное условие настоящего, хорошего и честного спора — уважение к убеждениям и верованиям противника».

Ученый различает понятия окончания и завершения спора: «Каждый спор кончается, но не каждый спор вместе с этим получает завершение». Можно перестать спорить, если спорщики устали, или разругались, или больше нет времени. «Завершается же спор тогда, когда одна из сторон отказывается от своей точки зрения на тезис, убеждена противниками... наиболее серьезные споры в науке требуют для своего завершения многих лет и столетий, и некоторые до сих пор не могут считаться завершенными, хотя они окончены».

Несколько глав работы С. И. Поварнина посвящены уловкам и софизмам. Ученый делит все уловки на позволительные, непозволительные и софизмы. Позволительными он называет оттягивание возражения при помощи вопросов к доводу оппонента, если оно не приходит сразу в голову, умение использовать слабые места противника, заманивание противника в ловушку, если он использует «нечестные» уловки. Грубейшей непозволительной уловкой считает С. И. Поварнин неправильный и грубый выход из спора, когда противнику не дают говорить, постоянно его перебивая, перекрикивая, оскорбляя и т. п. К грубым уловкам автор относит «палочные доводы», содержащие намеки на расправу со спорящим, если он не уступает. Психологические выведение противника из себя — еще одна из непозволительных уловок. Ученый анализирует большое количество уловок и софизмов, которыми нередко пользуются в спорах, и рекомендует обязательно их разоблачать.

Таким образом, С. И. Поварнин досконально исследует спор в разных его аспектах, дает четкие и глубоко продуманные риторические рекомендации участникам спора. Значение его книги особенно велико в наше время, когда интерес к риторике и спору значительно возрос. Влияние ее чувствуется в трудах современных русских ученых, таких как Ю. В. Рождественский, А. А. Волков, Л. Г. Смирнова, Л. А. Введенская и многих других.

Литература

1. Анненкова И. В. Риторика для журналистов. М., 2006.
2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева С. Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону, 2002.
3. Волков А. А. Курс русской риторики. М., 2001.
4. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
5. Платон. Избранные диалоги. М., 1965.
6. Поварнин С. И. Искусство спора. М., 1993.
7. Смирнова Л. Г. Культура русской речи. М., 2009.

Коммуникативно-речевые стратегии современного просветительского дискурса

С. Ю. Полуикова

Омский государственный педагогический университет

s_poluikova@mail.ru

Просветительский дискурс, анализ дискурса, коммуникативно-речевые стратегии

Summary. This paper is devoted to the problem of description of modern “enlightenment” (educative) discourse. It focuses on the specific communicative strategies of this discourse.

1. Просветительский дискурс как форма современной социальной практики представляет собой актуальный, но мало изученный объект исследования. До настоящего момента отечественные и зарубежные лингвистические исследования посвящены в основном «поучительным» трактатам эпохи Просвещения и более поздних времен.

2. В рамках просветительского дискурса XXI века сложилось несколько направлений: профессиональное, политическое, правовое, гражданское; научное, медицинское просвещение; освоение знаний, необходимых для участия в деятельности общественных организаций и движений; просвещение граждан, находящихся в экстремальных условиях (инвалидов, мигрантов и т. п.). Представляет интерес исследование дискурсивной практики в указанных сферах, выявление, как специфических особенностей, так и интердискурсивных признаков в когнитивном, коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспекте.

3. Анализ современного просветительского дискурса осуществляется в «системе координат», предполагающей описание типовых участников, целей, ценностей, стратегий и прецедентных текстов [2: 251].

а) В современном информационном обществе «просветителями» — агентами современного просветительского дискурса — являются авторы просветительских текстов, к которым можно отнести, с одной стороны, профессионалов (ученых, врачей, психологов, социальных педагогов, проповедников, политиков), владеющих компетентными знаниями в определенной сфере, составляющими содержательную основу просвещения; с другой стороны, сюда могут быть отнесены «трансляторы» этих знаний (журналисты, теле- и радиоведущие), задачей которых является донести выше упомянутое знание до широкой публики.

б) **Клиентами** просветительского дискурса выступают индивиды и различные группы людей, объединенные определенными социальными, профессиональными и личностными потребностями (например, родители; люди, интересующиеся здоровым образом жизни и т. п.). Отметим при этом важный момент: данные потребности могут быть как актуальными, так и потенциальными. В первом случае личность сама осознает необходимость получения определенной информации (например, родители детей с ограниченными возможностями), во втором случае личность не осознает важности какой-либо темы или проблемы (например, широкие слои населения, которые не задумываются о проблемах детей с ограниченными возможностями).

в) **Ценностное наполнение** просветительского дискурса определяется пониманием просвещения как деятельности для «общественной пользы», способствующей поступательному развитию человека и позитивному преобразованию общества. Поэтому этот феномен имеет ярко выраженное нравственное содержание и связан в общественном сознании с такими общекультурными ценностями, как гуманизм,

гражданственность, стремление к познанию, жизнь, здоровье, толерантность, а также такими национально-культурными ценностями, как например (характерными для немецкого общества): порядок, дисциплина, вежливость.

г) Современные просветительские **тексты** представлены не только в печатной продукции, но и в новых формах на веб-сайтах, баннерах и даже на упаковке кондитерских изделий. Специфика различных просветительских текстов проявляется в их коммуникативной цели, в композиционных текстовых средствах и способах презентации, когнитивных моделях структурирования информационного пространства, в используемых коммуникативных стратегиях и в сфере применения данных текстов.

4. При описании дискурса особый интерес представляет воздействие или эффективность данного дискурса. Поэтому исследование просветительского дискурса неизбежно предполагает обращение к его интенциональному аспекту, а именно — изучению коммуникативно-речевых стратегий [1].

Стратегии просветительского дискурса состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель просвещения: воздействие на мировоззрение и ценностное отношение к себе и к миру, на социальное поведение личности, и включают, частности:

- объясняющую стратегию (данная стратегия сближает просветительский дискурс с педагогическим): последовательность интенций, сориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний, разъяснение культурных ценностей;
- аргументативную стратегию: последовательность высказываний с коммуникативно-прагматической целью — убедить адресата в истинности какого-либо суждения и заставить его принять это мнение;
- оценивающую стратегию, реализующую право автора, группы или общества в целом давать (эксплицитно или имплицитно) положительную или отрицательную оценку событиям, людям и явлениям (например, курению, равнодушному отношению к экологическим проблемам и др.);
- содействующую стратегию, выражающуюся в виде положительного отношения к адресату, принятия его как личности, его права на ошибку, содействия в его начинаниях;
- призывающую стратегию, состоящую в апелляции к определенным эмоциям и чувствам адресата (например, чувствам любопытства, интереса, опасности и т. п.) с целью формирования у него адекватного отношения и / или поведения;
- а также стратегии оптимальной адресации, имитации естественного общения, релевантности высказывания и др.

Литература

1. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. М., 2006.
2. *Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Биографический дискурс в массовой коммуникации

А. Н. Потсар

Санкт-Петербургский государственный университет

potsar@gmail.com

Документальная литература, биографический нарратив, массовая коммуникация

Summary. Modern media discourse affects literature discourse variously. Particularly, peculiar type of fictionalized biography appears as a result of discourse interaction. By means of biography socially esteemed patterns are established. Personage structure is composed accordingly.

Словесность XX века развивается под знаком документа, который, с одной стороны, приобретает художественную самостоятельность в литературном творчестве, а с другой — приобретает качественно новый статус в речевой практике благодаря журналистским текстам.

Актуализация в общественном сознании документально-фактографического произведения во многом объясняется глубокими социальными потрясениями новейшего времени. В современной отечественной науке статус документальной литературы не определен, как не определены и

границы самого понятия. По мнению Е. Г. Местергази, развитие документального начала размывает само понятие «литература», вновь поднимая дискуссионный вопрос о соотношении литературы и реальности [3: 34].

На практику художественной речи и восприятие литературы обществом оказывает воздействие и журналистский текст. На протяжении XX века число текстов, порожденных средствами массовой информации, постоянно росло, эта тенденция сохраняется и сейчас. Медiateксты, благодаря своему количеству, массовой доступности, систематическому воспроизведению, постепенно вытесняют на периферию другие роды словесности. Можно утверждать, что именно СМИ репрезентируют сейчас как общественное сознание, так и состояние языковой системы. Взаимодействие с журналистским текстом, для которого в равной мере характерны фактографичность и социальная оценочность, также размывает границы литературы, приводя к образованию неких «промежуточных» явлений, которые трудно обозначить с помощью традиционной терминологии.

Таким образом, под влиянием двух указанных тенденций в современной речевой практике формируется своеобразная и плохо поддающаяся классификации группа произведений, имеющих документальную природу, принадлежащих к разным жанрам и отличающихся друг от друга степенью обработки фактов и способом их представления (от информирования до воздействующей интерпретации). В этой группе особое место занимают тексты, ориентированные на изображение человека в контексте его жизненных событий, иными словами — тексты биографические.

Биографию, как и автобиографию, относят к документальным жанрам наряду с дневником, исповедью, мемуарами. Безусловно, биографический нарратив может быть представлен и в научном дискурсе, и в художественном, и в сфере официального общения, но в массовой коммуникации он приобретает определенную специфику.

Образ человека является одним из ключевых компонентов картины мира, а само понятие человека относится к разряду мировоззренческих. По мнению Н. Д. Арутюновой, жизнь среди людей нуждается в знании людей, которое формируется в ходе речевой и литературной деятельности [1: 325]. Появление в литературе, в науке, в массовой коммуникации множества текстов, основным предметом которых является человек, закономерно, поскольку изображение человека было одной из главных задач словесности на протяжении всей ее истории.

Развивающиеся в современных условиях технологии массовой коммуникации позволяют тиражировать любое индивидуальное, частное высказывание. Сформировалась разновидность журналистики, которая ориентируется на изображение частной жизни отдельного человека, как известного широкой публике, так и неизвестного. Распространение интернет-технологий предоставляет частному человеку возможность высказаться публично и получить отклик определенной аудитории. Подобную функцию выполняют, в частности, блоги, функционирующие как механизм индивидуальной репрезентации в публичном пространстве. Законо-

мерно в связи с этим появление блогов у представителей власти (в частности у президента РФ Д. А. Медведева) и крупного бизнеса (в частности у Олега Тинькова или Михаила Прохорова).

Таким образом, биографические нарративы — тексты и элементы текстов, содержащие представление о личности, заключенное и разворачивающееся в цепочке жизненных событий — разнообразно и разнородно представлены в массовой коммуникации. Наиболее распространены так называемые истории успеха, портретные очерки, интервью, беллетризованная биография и автобиография, имиджевые рекламные разновидности биографий, мемуары, блоги. При кажущемся разнообразии персонажей в действительности преобладают беллетризованные биографии деятелей искусства, чаще всего — актеров, политические биографии, а также биографии или автобиографии успешных бизнесменов.

В. Шмид отмечает фикциональность как отличительное свойство художественного произведения, в котором изображается фиктивный мир, в противовес фактологичности, свойственной, например, журналистским текстам (см. [4: 32–33]). Однако в исследуемой группе текстов фактологичность представлена наряду с фикциональностью. В документальном биографическом произведении подлинная личность предстает как созданный персонаж. Конструирование образа опирается на документально подтвержденные жизненные события (особенно если речь идет о публичном политике, значительная доля жизненных событий которого совершается в публичном поле), но при этом биографическое высказывание становится одним из способов целенаправленного формирования имиджа. В. А. Даулетова отмечает имиджевые функции политической автобиографии, и с этим наблюдением трудно не согласиться (см. [2]). Аналогичные функции выполняют и биографии или мемуары бизнесменов или их практические рекомендации, основанные на личном опыте, преподнесенные в блогах, очерках или книгах, жанр которых определить затруднительно.

Следует констатировать двойственный статус биографического дискурса в массовой коммуникации. С одной стороны, в текстах реализуется внимание к индивидуальности, к биографии отдельно взятого человека и стремление к документальной достоверности, к фактологической точности. С другой стороны, на построении текстов сказывается стремление придать той или иной биографии статус образцовой, эталонной, поскольку сам текст бытует в сфере воздействующей речи: доминируют событийные и социально-статусные компоненты речевой структуры персонажа, прочие элементы речевой структуры персонажа выполняют подчиненную функцию.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
3. Местергази Е. Г. Литература non-fiction / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М., 2007.
4. Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Русский дискурс в XXI веке: структура и структуризация

О. Г. Ревзина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

orevzina@orc.ru

1. Дискурс, в соответствии с концепцией Мишеля Фуко, понимается как все написанное и произнесенное («в материальной реальности произнесенной или написанной вещи» [6: 50]). Термином «дискурс» обозначается также любая из разновидностей дискурса как объемлющего понятия. Структуризация и структура соотносятся между собой как процесс и результат (Р. Барт использовал различие структуры и структуризации при анализе текста (см. [1]); расширительное толкование делает возможным их использование применительно к дискурсу). В дискурсе, как в «упорядоченном пространстве рассеяния высказываний» (Марсель Пешо) структура и структуризация присутствуют одновременно и относятся к разновидностям дискурса, к отношениям между этими разновидностями и к дискурсу в целом. Однако на разных этапах существования дискурса можно наблюдать

выдвижение на первый план либо структуры, либо структуризации. Современный русский дискурс характеризуется доминированием структуризации над структурой.

2. При анализе дискурса и его разновидностей целесообразно различать коммуникативную, когнитивную и собственно языковую составляющие. Вместе они формируют стилиевой образ разновидности дискурса, обеспечивающий их успешное функционирование (см. об этом: [3]; выделенные составляющие отчасти совпадают с дифференциальными признаками дискурса, выделяемыми французскими исследователями, см. [2]). Вплоть до последних десятилетий XX века структура русского дискурса сохраняла свою устойчивость. Множественные изменения в каждой из трех составляющих имеют следствием размывание этой структуры.

3. Изменения в коммуникативной составляющей состоят в распространении новых каналов связи, в значительном расширении типов вербального общения (коммуникативных ситуаций), включая характер отношений между отправителем и получателем, в преобразовании оппозиции устная — письменная формы речи, в отнесении на периферию традиционных видов вербального взаимодействия (например, обмен незлектронными письмами). Изменения в когнитивной составляющей относятся к знанию, которое вербализуется в дискурсе: так, в современном информационном пространстве значительную роль играют дискурсы спорта, досуга, криминала, правовой, исторический, философский дискурсы, в то время как дискурс, основанный на определенной политической доктрине, явным образом ослабил свои позиции. Изменения в языковой составляющей касаются всех уровней языковой системы и не сводятся к какой-то одной тенденции. Характеризуя лексическую систему русского языка начала XXI века, Г. Н. Скляревская справедливо отмечает: «...сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вихреобразные языковые явления, какие происходили в 90–х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: „онаучивание“ языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований, с одной стороны, и встречное движение жаргонизации языка — с другой» [5: 5].

4. Вербализация новых коммуникативных ситуаций претворяется в появление новых жанров («вторичных» в терминологии М. М. Бахтина), вербализация нового знания — в словарь — тезаурус разновидностей дискурса; их стиливое разграничение неотделимо от преобразований в русской стилистической системе, возможно, необратимых. Структурация в современном русском дискурсе происходит с неодинаковой скоростью в разновидностях дискурса и в разных жанрах, помещая тем самым в дискурс несопадающие «счетчики времени». «Дискурсы должны рассматриваться

как прерывные практики, которые перекрещиваются, иногда соседствуют друг с другом, но также и игнорируют или исключают друг друга» [6: 79]. Диалогическое взаимодействие разновидностей дискурса выражается в обращении к одним и тем же концептам и семантическим оппозициям (такова, например, оппозиция «свой» — «чужой»); в использовании сходных стратегий и в тех характеристиках, которые принято связывать с национальным менталитетом и национальным характером; в типах интертекстуальных связей. Художественный дискурс русской классической литературы на наших глазах утрачивает свое бесценное значение интертекстуального донора. Современный художественный дискурс слабо востребован социумом. Широкое распространение получил интертекстуальный фонд, представленный в СМИ, с его установками на редукцию культурной памяти и сосредоточению вокруг параметров «здесь» и «сейчас» (см. [4]). Разрывы и тесные переплетения; островки «структурности» и неконтролируемого «растекания»; и структура, и структурация — таков облик русского дискурса в первом десятилетии XX века, воплощающего, если воспользоваться выражением Э. Бенвениста, «подлинную реальность языка».

Литература

1. Барт Р. S / Z. М., 1994.
2. Костошикина Г. М. Современные направления во французской лингвистике. М., 2009 [раздел 4 «Дискурсы, типы дискурсов и способы их организации»].
3. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. № 8.
4. Ревзина О. Г. Когнитивная организация газетного дискурса // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. «Журналистика». 2006. № 2.
5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2007.
6. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. М., 1996.

Особенности реализации категории интенсивности в разных типах дискурса (на материале русского языка)

С. Е. Родионова

Башкирский государственный университет (Уфа)

rse14@mail.ru

Категория, интенсивность, дискурс

Summary. The category of intensivity is a semantic category of pragmatic character. Cognitive approach to the study of category of intensivity displays that the means and ways of its expressions differ from type to type of discourse.

Объектом нашего изучения является категория интенсивности, сущность которой по-разному понимается современными исследователями. Нам представляется, что рассмотрение ее как семантической категории прагматического характера, являющейся производной от категорий количественности и качественности, с одной стороны, и особой прагматической категории, сущность которой может быть осмыслена в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «релевантность» и «выдвижение» [3: 21–25], позволяет увидеть основное различие между интенсивностью и другими количественными изменениями качества не в сфере денотативной семантики, а в сфере ее субъективной интерпретации.

Интенсификация с этой точки зрения — это количественная модификация качества (отражающая отклонение от «нормальной» меры), делающая это качество существенным (релевантным) для говорящего и / или слушающего. Поэтому данная категория находится в тесной взаимосвязи, с одной стороны, с такими «объективными» категориями, как качественность, количественность, мера признака и градуальность, а с другой стороны — с такими субъективно-прагматическими категориями, как экспрессивность, эмотивность, оценочность и образность. Для категории интенсивности важнейшим становится прагматический аспект — субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака. Это сближает интенсивность с экспрессивностью, понимаемой нами как «ненейтральность, остранение, деавтоматизацию, придающая речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и тем самым выделен из общего потока» [5: 7].

Когнитивный подход к изучению категории интенсивности позволяет увидеть, что средства и способы ее выражения будут существенно меняться в зависимости от типов дискурса — «связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие» [1: 136–137]. Рассмотрим реализацию категории интенсивности в некоторых из них.

Так, анализ политического дискурса подтверждает высказанную еще Р. Бартом идею о различиях между двумя его разновидностями: энкратическим (внутривластным) и акратическим (вневластным) [2]. Интенсифицирующие средства выполняют здесь информационную (оповещение адресата о релевантном отклонении какого-либо признака от нормы), экспрессивную, фатическую функции и функцию создания имиджа политика. В зависимости от разновидности политического дискурса и его жанра та или иная функция выдвигается на первый план, в соответствии с чем избираются интенсифицирующие средства, диапазон которых варьируется от «экономного» использования эмоционально сдержанных интенсификаторов в выступлениях официальных политических лидеров до чрезвычайно широкого применения эмоционально насыщенных средств в оппозиционной публицистике.

Специфика реализации категории интенсивности в художественном тексте различна в зависимости от тематики и жанра произведения, а также от использования ее в авторском тексте или речи персонажей. Так, особенности эпических произведений, о переломных моментах российской истории (таких как, например, «Война и мир» Л. Н. Толстого

и «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана), обуславливает чрезвычайно активное и разнообразное использование интенсифицирующих средств, в том числе ключевых, смыслообразующих интенсификаторов, какими становятся лексемы *огромный* и *прекрасный* у Толстого и *ужас*, *ненависть* и *огромный* — у Гроссмана. В художественном тексте интенсификация играет двойную роль: выполняет эстетическую функцию в описаниях (портрета, пейзажа и т. п.) и функцию усиления эмоциональной этической оценки, выражаемой автором и его героями.

Интенсификация в рекламном дискурсе участвует в реализации стратегии эмоционального, а не рационального воздействия, которая предполагает коммуникативную ориентацию на суггестивное воздействие, позволяет пропагандировать не просто богатство, но роскошь, не просто удовольствие, но наслаждение; стремиться к элитарному образу жизни, создавая для потребителей «атмосферу счастья», ср.: *божественно вкусно — восхитительная спаржа в ресторане «Шератон-Палас»; LG — невероятное ощущение цвета; согревающая роскошь — меховой салон «Инфанта».*

В молодежном дискурсе обращает на себя внимание подчеркнутая экспрессивность, не только внутренняя, но и внешняя, всех средств выражения интенсивности; непрерывное обновление лексических и словообразовательных средств; реализация стремления к созданию эмоционально-экспрессивных вторичных наименований, подчеркивающих «возрастное и психологическое единство молодежи, ее противопоставленность, негативное или критическое отношение как к официальной культуре, так и к общепринятой форме общения» [4: 3], ср.: *все это суперски помогло отвлечься; дискотека «Авария» — дикий драйв; я познакомилась с офигенной девушкой.*

Использование интенсифицирующих средств в научном дискурсе не противоречит диктумному характеру данных

текстов, стремлению их авторов к строгой объективности изложения и доказательству., т. к. желание исследователя дать когнитивную оценку анализируемому материалу, передать степень своей убежденности, заострить внимание на наиболее важных с его точки зрения моментах изложения приводят к необходимости использования субъективно-экспрессивных по своей природе средств интенсификации, что позволяет отразить движение познающей мысли ученого и его стремление к диалогу со своим читателем, ср.: *кардинальные различия на определенных участках картины мира; принципиально новые для нас понятия; это радикально усложняет проблему.*

Таким образом, реализация категории интенсивности, имеющей в языке свое особое функционально-семантическое поле, имеет различное воплощение в различных типах дискурса как с точки зрения выполняемых функций, так и с точки зрения выбора разноуровневых интенсифицирующих средств. Анализ средств интенсификации под данным углом зрения позволяет выйти за пределы текста в сферу коммуникативной ситуации, определяющей его создание, что помогает лучше понять природу интересующей нас смысловой категории, ее место и значимость для современного русского языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.
2. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.
4. Мальцева Р. И. Словарь молодежного жаргона. Краснодар, 1998.
5. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1991.

Языковые стратегии смягчения и дискредитации: эвфемия и дисфемия

Л. Н. Саакян

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

sahalev@mail.ru

Эвфемия, адаптивная стратегия, дисфемия, воздействие, персуазивность

Summary. Euphemy and disphemy as two communicative strategies of mitigation and discredit are considered in the paper on the examples from the texts of modern mass media and Russian classical literature. The cases of discrepancy between the illocution and semantics of utterances are analyzed.

В отличие от эвфемизмов — слов и выражений, заменяющих грубые, резкие обозначения, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, и каузативной основой которых является стремление не обидеть, не задеть слушающего, — эвфемией мы называем адаптивную речевую стратегию.

Эвфемия — это речевая стратегия а) создания у собеседника коммуникативного комфорта, б) преодоления опасности коммуникативной неудачи, в) достижения цели общения путем оптимизации воздействия. Другими словами, эвфемия — это стратегия адаптации мира к нашему представлению о нем. При этом эвфемия не просто приспосабливает мир под определенный критерий, но часто навязывает наше представление другим. Такое языковое воздействие, которое предусматривает изменение модели мира адресата [Баранов, Добровольский 2001], принято называть в лингвистике **персуазивностью**.

Дисфемия — стратегия нарочитого огрубления речи, повышения уровня агрессивности последней, когда при назывании предмета, явления или действия (т. е. денотата) выбирается более вульгарный, грубый (по сравнению с нейтральной номинацией) способ. Например, *баба* вместо «женщина»; «...человек с заплаткой на мозгах убеждал нас, что перестройка — это благо» (Г. Зюганов о М. Горбачеве. Пример М. Ковшовой).

Речевая стратегия связана с решением базовой коммуникативной задачи, следовательно, она представляет собой совокупность речевых действий. Речевая тактика — это одно из (или, реже, несколько) речевых действий, реализующих ту или иную коммуникативную стратегию (см. [5]; [Клушина 2008]).

Цели при этом могут быть различными: от простого и все реже встречающегося вне деловой или научной речи информирования до воздействия путем убеждения или манипулирования, от развлечения (анекдот) или комплимента до дискредитации (подмена понятий, оскорбление).

Из целого ряда разноуровневых когнитивных категорий, обслуживающих эвфемию как речевую стратегию непрямого коммуникации — вторичной номинации (или именования), стилистической тональности, интерпретации, оценочности, идеологемы, наконец, — здесь и сейчас нас интересуют только две: номинация и оценочность как основные способы эвфемизации.

В хронологическом плане можно выделить как минимум пять символических этапов эвфемизации речи: от архаических табуизмов до так называемого политкорректного языка последних десятилетий.

В докладе анализируются разноуровневые задачи, которые решаются с помощью стратегии эвфемии.

Мы беремся утверждать, что **эвфемизм как речевой акт** отличается от речевого акта лжи именно тем, что применяется в ситуации, когда и говорящему, и слушающему в общем и целом известно положение дел, оказавшихся в фокусе эвфемии. Эвфемизм, по сути, ничего не скрывает, а только деформирует семантический контур понятия, указывая на один отличительный признак и ретушируя другие. Эвфемизм лишь улучшает «образ денотата», точнее, его сигнификат — комплекс постоянных или временных признаков денотата, но ни в коем случае **не подменяет сам денотат**.

В отличие от эвфемизма, эвфемия как коммуникативная стратегия обладает богатыми возможностями (см. обслуживающие эвфемию когнитивные категории) для подмены де-

нотативной ситуации или подтасовки фактов, чем часто способствует обману. И в этом смысле эвфемия — это стратегия манипулирования, т. е. такого способа воздействия на адресата речи, при котором «адресат оказывается отсеченным от независимого источника информации, вследствие чего информация воспринимается некритически» (Хазаргеров).

Информационная функция в политическом тексте становится вторичной и на первый план выходит функция воздействия (персуасивная), соотносящаяся с целью и задачей социально-политической деятельности. Эта функция заключается в стремлении субъекта речи внушить адресатам определенную оценку, сформировав при этом положительное или отрицательное отношение аудитории к предмету или объекту речи. В газетных текстах политического характера воздействующая функция реализуется в результате использования речевых стратегий и речевых тактик [3]. С позиции возникновения дисфемизмов, на наш взгляд, интересна стратегия дискредитации, реализуемая через тактики оскорбления, обвинения, издевки [5].

Если на уровне вторичной номинации, лексическом уровне, эвфемизмы по своим функциям противопоставляются дисфемизмам, то на уровне речевых стратегий эвфемия и дисфемия функционально изосемичны, т. е. выполняют одни и те же функции, а именно: а) создают у собеседника коммуникативный комфорт, б) уменьшают риск коммуникативной неудачи, в) оптимизируют воздействие, помогая достичь цели общения. Другими словами, адаптируют мир к нашему представлению о нем либо оптимизируют наше

представление о мире. На первый взгляд кажется невозможным соотносить эти функции с дисфемией, однако не стоит забывать, что перлокутивный эффект (это может быть, к примеру, расположение собеседника к себе) в разных социальных группах достигается по-разному: в одном обществе этикет требует проявления стратегии эвфемии, тогда как в другом — именно дисфемия, нарочитая грубость, принятая в данном сообществе, выполняет функцию идентификации «своих», а значит уменьшает риск коммуникативной неудачи и оптимизирует общение. Возможность выполнения эвфемией и дисфемией одних и тех же функций в адаптивной стратегии такого уровня подтверждается, хотя и косвенно, гипотезой Э. Сепира и Б. Уорфа о том, что миры, в которых живут различные существа, — суть отдельные миры, а не один мир, использующий разные языки.

Литература

1. Ковинова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М., 2007.
2. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М., 2007.
3. Паршина О. Н. Стратегия и тактика речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004.
4. Саакян Л. Н. Эвфемизм — эвфемизация — эвфемия. // Вестник МАПРЯЛ. 2009. № 61. С. 24–34.
5. Шляхов В. И. Сценарии русского речевого взаимодействия. М., 2007.
6. Шмелёв Д. Н. Эвфемизм // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
7. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Семантика и прагматика языковых единиц: актуализация коммуникативного значения в дискурсе

Ф. Г. Самигулина

ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону)

fanira@mail.ru

Парадигматика, синтагматика, оппозиции грамматических категорий, коммуникативное значение, категория интензивности, грамматические фигуры

Summary. The paper examines the actual problems of how the communicative meaning would be realized on the ground of grammar categories, the mechanisms and specific character of its creation.

В современном языкознании актуальным является исследование динамики реализации дискурса, так как на новом уровне познания внимания исследователей смещается в сторону человека, его дискурсивной практики. В связи с чем особый интерес представляет роль грамматических единиц в порождении высказывания, их коммуникативная функция, что, в свою очередь, обуславливает значимость анализа диалектики синтагматики и парадигматики в реализации коммуникативного значения (далее КЗ) у оппозиций грамматической категории (далее ГК) времени. В любых видах дискурса встречается функционирование оппозиций ГК времени, выполняющих не столько грамматическую, сколько коммуникативную функцию: *Друзья! Из вас кто страшно не погиб? / В неустовой, братоубойной склоке, / Кто спасся, отстрадав урок жестокий, / От пули, вервия, тюремных дыб? / ...Но жизнь идет. Ее не победил, / Не победит ни рок, ни вошь убитых* (С. Маковский); *Но, к сожалению, до суда эти преступления не доходили, не доходят и не дойдут* (ТВ). Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что виртуальные оппозиции ГК времени, кроме категориальных грамматических значений (далее ГЗ) прошедшего, настоящего и будущего времени, способны передавать неосознаваемые эмоции и интенции, заключенные в дополнительном КЗ.

В данном случае актуализация всей виртуальной парадигмы частных значений ГК в речевой коммуникации служит реализации прагматической цели — сформировать установку на восприятие определенного смысла сообщения. Как известно, неосознаваемые установки остаются активными силами, направляющими деятельность или понимание смысла человеком в ту или иную сторону. Таким образом, в дискурсивной деятельности особое коммуникативное задание может выполняться за счет реализации парадигматических отношений в синтагматике. На языковом уровне существует большое разнообразие средств формирования

установки посредством усиления экспрессивности высказывания, но менее изученными остаются средства грамматического уровня языка, в частности виртуальные оппозиции ГК, актуализируемые в полном объеме в синтагматике. Это возможно в связи с тем, что любое сообщение в акте коммуникации имеет прагматическую направленность, так как человек, продуцирующий их, в своей дискурсивной деятельности не только организует материал языка для передачи соответствующего содержания, но и выражает свое эмоциональное отношение к высказываемому. Экспрессивные элементы позволяют оптимально выразить, передать содержание сообщения, способствуют достижению психологических целей. Это характерно и для использования в речи оппозиций ГК. Данные экспрессивные средства подчеркивают, усиливают содержательный сигнал сообщения, позволяют его услышать. Таким образом они способствуют трансформации логического содержания высказывания или текста: *Промотает он ее, голубушка! Дом промотал — и деревню промотает* (М. Салтыков-Щедрин). В результате интенсификации высказывания за счет употребления одновременно двух членов оппозиции ГК времени предложение приобретает новый смысл, а именно: уверенность, убежденность говорящего в сказанном. Здесь наблюдается проявление КЗ (коннотативного) у оппозиции ГК времени в дополнение к основному ГЗ. Как известно, сущность категории экспрессивности заключается либо в выражении дополнительных смысловых оттенков, которые наслаиваются на основное (лексическое или грамматическое) значение, либо в усилении этого значения. ГК помимо собственных функций могут таким же образом наделяться дополнительной семантической нагрузкой, таким образом, вторичные смыслы могут создаваться на базе их оппозиций. При этом используется прием нарушения вероятности, эффективность которого обусловлена спецификой психических процессов, в частности, характером внимания человека. Обыч-

но появление каждого нового элемента подготовлено предшествующим, и при появлении элемента малой вероятности возникает нарушение непрерывности, благодаря чему внимание фиксируется на форме сообщения. Все экспрессивные средства на базе оппозиций ГК создаются путем отбора и комбинирования ГЗ одной ГК. Таким способом удается привлечь внимание, акцентировать важное смысловое звено сообщения с последующей целью воздействия на мысли и чувства воспринимающего высказывание. При обычном построении предложения, фразы глагол употребляется в одной временной форме, следовательно, появление в одной речевой цепочке либо двух, либо всех трех членов временной оппозиции является нарушением вероятности: *Наш театр был, есть и будет духовным источником нашей жизни* (газ.). В свою очередь величина информации тем больше, чем менее вероятна комбинация знаков, из которых строится сообщение. В приведенном примере оппозиция ГК времени передает большее количество информации: она не только реализует свое основное ГЗ, но и передает новую дополнительную информацию (убежденность в сказанном).

Свои коммуникативные функции ГК выполняют благодаря своей природе, структуре, обусловленной системной организацией языка. Языковая система, как известно, представляет собой иерархию уровней, элементы которых находятся друг с другом в двух фундаментальных типах отношений: парадигматических и синтагматических. Они в свою очередь базируются на двух способах мыслительных операций: селекции и комбинации. Селекция и комбинация языковых знаков осуществляется еще до реализации в речи, в которой зримо представлена лишь одна сторона мыслительных операций — комбинация единиц. Экспрессивность в данном случае возникает в результате взаимодействия

двух осей языка, т. е. при нарушении границ между ними. Главным нарушением при этом является переход оппозиции (типа отношений) на ось селекции) на ось комбинаторики. Экспрессивный эффект возникает вследствие того, что принцип эквивалентности, лежащий в основе отношений на оси селекции, используется в отношениях на оси комбинаторики как противопоставление и сопоставление равноценных (в лексическом плане, но вариантных в грамматическом) форм. Проблема подобной актуализации оппозиции в синтагматике представляет большой интерес для морфологии, которая имеет дело с единицами ГЗ. Здесь пересечение языковых осей влечет за собой видимые изменения смысла. ГК может реализовываться в любой парадигматической системе словоформ, но минимальная граница — двучленность: *Люди всегда заблуждались и будут заблуждаться, и ни в чем больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым* (Л. Толстой). Многие (структура, функция) роднит оппозиции на оси комбинаторики с фигурами речи. Как и фигуры, особым образом структурироваться могут не только слова, их лексические значения, но и ГЗ. Это позволяет располагать в синтагматике члены оппозиции ГК в виде разного рода грамматических фигур (антитезы и градации). КЗ в двучленных оппозициях ГК часто зависит от способа расположения частных ГЗ, т. е. в зависимости от контекста варьируется семантика.

Оппозиции ГК — это источник реализации категории интенсивности на морфологическом уровне. Удаленность членов бинарной оппозиции друг от друга взаимосвязана с силой экспрессивности высказывания. Существует следующая закономерность: чем полярнее ГЗ (в рамках одной ГК на оси селекции), употребленные одновременно в синтагматической последовательности, тем более экспрессивно высказывание.

Этико-речевое поведение студентов

Н. В. Соловьева

ГОУВПО «Пермский государственный университет»

biserova@bk.ru

Этические нормы, этико-речевое поведение, культура речи, русский литературный язык

Summary. In the theses the problem of the fall of students' ethical and speech culture level is touched, and also the ways of ethical speech interaction's improvement are offered.

Владение этическими нормами речевого поведения является неотъемлемой частью общекультурной и профессиональной компетенций выпускника современного вуза. Однако, как показывает практика, не всегда современный студент демонстрирует максимально полное владение этическим компонентом речи. Причины этого обусловлены не только индивидуальными способностями личности к обучению, но и влиянием на этическое воспитание личности общества. Так, при проверке сочинений-рассуждений ЕГЭ по русскому языку в некоторых работах учащихся вместо анализа проблемы нравственного долга, нравственной прочности человека представлены анализ проблемы взяточничества и доказательство тезиса «деньги решают все». Подобное смещение акцентов свидетельствует о том, что формы проявления нравственности, вежливости и духовности менее значимы, чем прагматический подход к жизни, в речевом поведении в том числе, поскольку «внешние» проявления этического воспитания — правила речевого поведения — соблюдаются только тогда, когда сформированы качества внутренней этики человека.

Исследуя проблемы, касающиеся состояния современной языковой и речевой культуры, многие лингвисты (В. Г. Костомаров, А. П. Сковородников, Е. Н. Ширяев, О. Б. Сиротина, Л. П. Крысин и др.) указывают на такую действующую в общественном дискурсе негативную тенденцию, как расшатывание системы норм — языковых и, что важно подчеркнуть, этических. Согласно определению культуры речи, данному Е. Н. Ширяевым, этический компонент наряду с нормативным и коммуникативным компонентами влияет на выбор и организацию языковых средств в процессе общения и обеспечивает успешную и бесконфликтную коммуникацию. Рассмотрение этических норм предполагает обращение к вопросам, связанным, во-первых, с правилами упот-

ребления речевых этикетных формул в различных ситуациях общения, во-вторых, с проблемой установления нормативности заимствований нелитературных компонентов в систему литературного языка.

Наблюдения над повседневной речью свидетельствуют об отсутствии навыков владения формулами речевого этикета у многих современных студентов. Проявляется это в таких ситуациях, как обращение к незнакомому человеку, извинение, изложение просьбы, выражение сочувствия, звонок по телефону и др. Во время как владение этикетными речевыми формулами — одно из важнейших условий социализации личности.

В отношении второго блока проблем ситуация еще более печальна, поскольку все мы являемся очевидцами того, как под воздействием СМИ современный русский литературный язык оказался «под ударом» сниженной, бранной, жаргонной и даже нецензурной лексики. Как справедливо отмечает Т. В. Матвеева, в публицистике осмысление происходящего осуществляется «с позиций общественного блага, истины и справедливости (в идеале), а также с позиций новизны и увлекательности, познавательного и внешнего интереса текста для читателя, зрителя, слушателя. Реально сочетание данных позиций удается далеко не всегда, задача привлечения внимания нередко перекрывает этические задачи» (курсив наш. — Н. С.). Этическая сторона коммуникации уступает стремлению к «жажде оценочности и экспрессии», которое оказывается единственным средством оправдания вовлеченных в литературный оборот нелитературных слов. Тогда как для подавляющего большинства носителей языка публицистические тексты являются прецедентными, и именно поэтому элитарный тип речевой культуры постепенно вытесняется среднелитературным и литературно-разговорным типами (О. Б. Сиротина).

Анализируя язык современных СМИ в нормативном аспекте, А. П. Сковородников указывает следующие тенденции, связанные с несоблюдением этико-речевых норм: «1) легализация бранной лексики и фразеологии, сквернословия, оскорбляющего нравственное и эстетическое чувства культурной части общества» (например, употребление инвектив на страницах газет и в телеэфире); 2) «сексуализация языкового сознания и речи», что отражается на языке современных радио- и телепередач — в лексике, фразеологии, образной системе (например, сексуальная метафора), а также в выбираемой тематике; 3) «диничная и пренебрежительная тональность при обсуждении таких тем, о которых говорить подобным образом запрещает этическая традиция общества». Например, тема смерти перестала относиться к табуированным, и это нашло подтверждение при проведении деловых игр на практических занятиях по деловому стилю, а именно в организации студентами агентства ритуальных услуг «В добрый путь» и распределении между собой соответствующих ролей (гробовщик, водитель катафалка и т. п.).

К числу негативных изменений в этико-речевом поведении общества добавим увеличение доли актов речевой агрессии (явление дисфемизации речи) — от мелкого бытового конфликта до парламентских дебатов и выступлений политиков. Причем речевое поведение политических деятелей нередко воспринимается носителями языка как нормативное и достойное подражания.

В связи с отмеченными выше тенденциями возникает вопрос о том, кто несет ответственность за формирование этичного речевого поведения личности — родители, школа, общество, сам человек — и как можно восполнить существующие «пробелы» на занятиях по курсу «Русский язык и культура речи» при условии, что переход на новую систему

образования предусматривает соотношение аудиторной и самостоятельной работы, как 40% и 60%.

Ответ на первый вопрос предполагает учет степени влияния каждой составляющей ряда. Решение второго вопроса связано с необходимостью использования в рамках программы дисциплины «Русский язык и культура речи» таких форм работы, которые способствуют совершенствованию навыков этичного речевого поведения личности.

Например, при изучении темы «Официально-деловой стиль» организовать деловые телефонные разговоры, кадровые беседы, переговоры и т. п. с целью овладения навыками этичного делового общения.

Этико-речевая культура научной речи может быть рассмотрена при изучении речевого взаимодействия в научной дискуссии и полемике (например, способы выражения несогласия с оппонентом, аргументация собственной точки зрения).

В рамках темы «Публицистический стиль речи» провести экспертную работу с газетными текстами, оценить их в этико-речевом аспекте, дать объективные характеристики употребляемым нелитературным компонентам.

В качестве дополнительных заданий практикуется подготовка эссе на тему «Функционирование речевых этикетных жанров», для написания которого используются материалы анализа речи студентов.

Предложенные виды заданий — это далеко не полный перечень форм работ по совершенствованию навыков этико-речевого взаимодействия. Однако, как показывает практика, даже фрагментарное обращение к этическим нормам речевой коммуникации вызывает у многих студентов интерес и желание работать в этом направлении, поскольку они осознают, что внимание к этической стороне речевого поведения — показатель воспитанности и образованности человека.

Своеобразие употребления риторических приемов в речах российских политиков-реформаторов постсоветского периода (на материале речей В. В. Путина, Д. А. Медведева, В. В. Жириновского)

А. А. Судакова

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе

Политика не поле для простой демагогии и пространных разговоров. Государственный деятель призван, прежде всего, быть человеком дела. Он должен удачно подобранными словами и выражениями уметь убеждать и склонять на свою точку зрения электорат. Нашей задачей является выявление своеобразия употребления приемов риторики в речах российских политиков-реформаторов постсоветского периода. Мы исходили из принципа, что политик, проводящий реформы в жизни, неизбежно проводит некоторые реформы и в своей речи, то есть концепт «реформы» из понятия действительного плавно переходит и в понятие речевое. Анализировали риторические приемы речей Д. А. Медведева «Падение Берлинской стены было предопределено в Советском Союзе», В. В. Путина «Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности», В. В. Жириновского «Речь иностранного шпиона в Думе».

Речь — один из жанров политической словесности. У каждого политика свой стиль и свои приемы выразительности, подчеркивающие его индивидуальность и неповторимый образ. По мнению Т. Хаззагерова и Л. Шириной, «группа риторических приемов как компонент убеждающей речи является обязательной и факультативной, то есть независимым компонентом убеждающей речи». Они обозначают понятие **риторический прием** как «способ привлечения внимания к коммуникативной установке нового типа или к коммуникативной установке сходного типа, но противоположной по своему конкретному наполнению», сводят приемы к двум основным типам, основной задачей которых является изменение (снижение или повышение) эмоционального напряжения [2].

Много классических приемов риторики в «речи иностранного шпиона» В. В. Жириновского, произнесенной в Госдуме 19 сентября 2007 года. Весь текст выступления сам по себе уже есть **ролевая игра** (ритор изображает представителя «одной иностранной спецслужбы» из Брюсселя). Мы

можем назвать это **приемом специфического замещения**, который, не присутствуя формально в тексте, но являясь фактически точкой отсчета, определяет неповторимость и непохожесть этой речи на другие и с первой секунды выступления завоевывается внимание воспринимающей аудитории. В речи политика часто встречаются такие приемы словесного оформления мысли, как фигуры выделения. Этим ритор показывает аудитории свое отношение к ее содержанию и значимости, переносит свою точку зрения на электорат [1: 209]. Фигуры выделения в речи ратора могут строиться по-разному, но в речах Жириновского (и в этой в частности) они образуются путями **значимого пропуса** (*Ваше тульское КБ скоро задрожит, все ваши... Мы уже опустили вашу, «Курск», подводную лодку на дно*), **полного или частичного повтора** (*Вспомните, как вас называли: Российская империя — жандарм Европы. Вспомните, как называли ваш сталинский режим... — тут также употреблен прием анафоры*). Это усиливает экспрессивную функцию речи, делает ее запоминающейся. Речь Жириновского богата **эпитетами** (*холеная Европа*), **метафорами** (*Теперь мы смотрим из Брюсселя на вас и говорим вам: мальчики, мы устали...*), есть **метонимии** (*великий перестройщик, пьяный прораб*), **отсылки к историческим фактам** (*В 1717 году в Париже мы собрались...; вспомните Гудериана*). Употребляются **просторечия** (*сдохли; заткнулись*). Эмоциональный фон, который достигается этими приемами, очень силен.

В речи В. В. Путина «Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности», как и в других речах нынешнего премьер-министра, много от речевых методик XX века. Характерно широкое использование **приемов политического намека** (*Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не хотят*), **скрытых или явных обещаний** (*Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем при-*

держиваться Договора о нераспространении ядерного оружия...), спора с возможными мнениями воображаемого оппонента (*Сегодня что мы видим на практике? Мы видим, что этот баланс явно нарушен*). Выступление В. В. Путина опирается на речевую практику 1990-х годов, следует в русле традиций программного выступления лидера государства, заложенных Б. Н. Ельциным, но характеризуется более богатым образно-символическим рядом. Также речи Путина имеют общее с текстами выступлений советских вождей, в них присутствует установка на убеждение. Она реализуется через элементы образно-эмоциональной речи и посредством риторического «нагнетания страстей». Это заметно в обращении по поводу процесса натовского расширения. Своеобразие употребления приемов в речах Путина выражается в том, что способ речевого действия отличен от ритуальной речи советских вождей: наличие адресата изначально предполагается (часты повторения обращений *Уважаемые, дамы и господа!*), тексты диалогичны, хотя и не ожидают возражений (достигается приемами постановки риторических вопросов). Ритор непосредственно обращается к эмоциям воспринимающей аудитории. Речевые методики выступлений В. В. Путина в некоторых случаях заимствуют прием коммерческой рекламы западного образца — **указание на скрытого врага** — терроризм (*...появились принципиально новые угрозы, которые и раньше были известны, но сегодня приобретают глобальный характер, такие как терроризм*). Речь Путина своеобразна и своими яркими **метафорами** (*И надеюсь... господин Тельчик не включит нам «красный свет»*), **речевыми оборотами** (*Как говорят у нас в России, это все равно, что «правой рукой дотягиваться до левого уха*). Интересно, что речевой оборот в данном случае из чистого жеста перешел, благодаря ритору, на уровень словесного выражения. Причина таких изменений ясна — образный оборот нагляден, лучше воспринимается, дольше остается в памяти.

Если в начале речи основная задача оратора — добиться доверительного отношения со своими слушателями, то для

конца речи характерно усиление эмоционального воздействия, призванное побудить аудиторию к необходимому для оратора действию. В конце своей речи «Выступлении на торжественной церемонии, посвященной 20-летию падения Берлинской стены» Д. А. Медведев своими риторическими приемами постарался побудить не только руководство Германии, но и весь немецкий народ к сотрудничеству с Россией (*Сегодня мы хотели бы, уважаемые друзья, трудиться над этой повесткой дня вместе с вами, думать о наших детях, о нашем будущем, о нашей общей Европе*).

Так же в своей речи ритор использовал приемы **плеоназма** (*...но остались миллионы людей, которые жили в тот период, кто в тот момент трудился...»), сообщения* (*Сегодня, когда мы все утверждаем нормы свободного и открытого сотрудничества...»), чтобы, подчеркивая общие исторические факты, стать ближе к воспринимающей речь аудитории. Текст выступления Д. А. Медведева подчеркнуто ровен, спокоен, создает у слушателей впечатление уверенности в завтрашнем дне. Плавный стиль речи — значимая особенность президентской риторики.*

Влияние речевых фигур при грамотном их использовании и постановке в речи необычайно велико на воспринимающую аудиторию. Своеобразие употребления риторических приемов в проанализированных нами речах политиков позволяет говорить уже не столько о влиянии, которое приемы оказывают на воспринимающую аудиторию — избирателей, сколько дает возможность в будущем поставить вопрос о своеобразии стиля речей российских политиков-реформаторов постсоветского периода.

Литература

1. Волков А. А. Курс русской риторики. М., 2001.
2. Хазагеров Т., Ширина Л. Необязательные компоненты убеждающей речи. Понятие о риторическом приеме // Ростов. Электронная газета. 2001. 23 марта (№ 6) <http://www.relga.rsu.ru/n60/rus60.htm>.
3. <http://www.kremlin.ru/>.
4. www.premier.gov.ru/.

Вербализация ситуации восприятия в повествовательном и описательном текстах

В. М. Хамаганова

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

vmh2003@inbox.ru

Язык и мышление, восприятие, образ-схема, описательный и повествовательный тексты

Summary. Perception is a primary basis of narrative and descriptive texts. These types of speech follow different cognitive image schemes. Observer focuses his attention on a moving object or watches constant characteristics of a static object.

1. При непосредственном воздействии объекта на органы чувств восприятие поставляет информацию об объекте в его целостности, что обеспечивается единством различных свойств объекта, синтезом отдельных его признаков.

В русистике история изучения восприятия связана с проблемой порождения речи, изложенной в работах Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина и др. ученых.

Одной из центральных идей Л. С. Выготского является исследование тех отношений, которые складываются между мыслью и словом. Эта идея приводит к различению двух планов в самой речи: существует внутренняя, смысловая, семантическая сторона речи и внешняя, звучащая, физическая. Внутренняя речь определяется как вербализация идеи, поэтому «внутренняя речь представляет собой совершенно особую, самостоятельную и самобытную функцию речи» [1: 352], это внутренний план речевого мышления. При переходе внутренней речи во внешнюю производится превращение названия мысли в развернутую внешнюю речь.

Согласно концепции Н. И. Жинкина, внутреннюю речь нужно рассматривать как «универсальный предметный код (УПК)», являющийся «посредником... между языком и интеллектом и между устной и письменной речью» [3: 18]. Существуют логические правила как основа мыслительных связей содержательной структуры речи.

Один из необходимых выводов теории Н. И. Жинкина: замысел речи рождается при столкновении человека с окружающим миром, и результатом этого столкновения является восприятие, создание чувственного образа объекта.

2. Опираясь на теоретическое обоснование связи восприятия действительности, замысла и порождения речи, рас-

сматривая восприятие как онтологическую основу создания текстовых единиц, нужно констатировать определенную закономерность сущностных свойств повествовательных и описательных текстов. Эти два типа текстов вербализуют разные способы восприятия действительности. Типичным построением целого художественного текста можно считать предваряющую позицию повествования и следующее за ним описание: повествование вербализует интродуктивный целостный смысл, категоризацию ситуации, осмысленное восприятие объекта, подвергающегося в дальнейшем описанию. В описании же перечисляются структурные свойства ситуации: называются качественные свойства объекта, его признаки, являющиеся частями названной в повествовании ситуации.

Изучение сочетания повествовательных и описательных текстов показывает, что целостное восприятие ситуации, данное в повествовательной фразе, может быть недостаточной информацией, может не обеспечивать реализации требований замысла. Замысел дает новый импульс, требующий развертывания ситуации в виде перечисления ее признаков, расчленения целой ситуации на части. В этом случае ситуация делается статичной: время как бы останавливается для воспринимающего — возникает «картинка». Представляется, что возникновение «картинок» и их восприятие возможно в любой ситуации, так как в любой ситуации присутствует предметная область, структурированная составляющими частями, свойствами.

3. Создавая ситуативную концепцию высказывания, В. Г. Гак пишет о соотношении между структурой высказывания и структурой ситуации как об одной из основных

проблем лингвистики [2]. Онтологические свойства ситуации определяются совокупностью ее признаков, существующих в пространственно-временном континууме и связанных причинно-следственными отношениями. Объективное содержание ситуации определяется этими параметрами и свободно от сознания человека.

Вербализация же ситуации всегда связана с сознанием человека, наблюдающего эту ситуацию. Поэтому процесс вербализации, по Р. Джакендоффу, — отражение спроецированного мира [4: 372–373], причем в спроецированной ситуации всегда присутствует оценка, отношение говорящего к действительности, которые проявляются в выборе языковых средств. Выбор реализует не только личные свойства восприятия говорящего, но и конвенциональность представления знаний — договоренность, традицию пользователей языка выражать определенные грани ситуации определенными языковыми средствами. Причем конвенциональными являются единицы всех уровней языка — от фонетического до текстового.

4. В «упаковке» знаний есть те основания, которые являются общими для всех носителей языка, и даже те, которые объединяют всех людей, независимо от используемого ими языка. Нельзя не согласиться с М. Джонсоном, утверждающим, что «мир главным образом понимается на основании физического, телесного опыта», основанного на пяти чувствах, а «многие абстрактные концепты являются расширением физических концептов» (цит. по [5: 346]). Как результат выдвинутых положений автор называет наличие образной схемы, или образ-схемы, вокруг которой организуется опыт человека. Так, для восприятия характерно «следить за движущимся объектом до того, как он остановится, и затем сосредоточивать внимание на том месте, где он находится. Часто бывает, что по пути куда-либо мы держим место назначения в поле зрения» [5: 349].

Такая образная схема, названная А. Ченки «фокусирование внимания на пути — фокусирование внимания на конечном пункте пути» [5], является одним из универсальных когнитивных процессов и имеет свой способ языкового вы-

ражения. Применяя наш предмет исследования — описание в оппозиции повествованию — констатируем: первая часть образной схемы «фокусирование внимания на пути» соответствует на текстовом уровне повествованию, поскольку предполагает наблюдение последовательных действий объекта, а следовательно, протяженность процесса во времени; вторая часть «фокусирование внимания на конечном пункте пути» может быть вербализована описательным текстом.

Вербализация знаний, их «упаковки» определяется способом восприятия ситуации. Поскольку ситуация представляет собой синтез ее признаков, то и способы наблюдения и, соответственно, воспроизведения ее могут быть различными.

5. Можно предположить, что к онтологическим основам описания, кроме пространственно-временных характеристик бытия предметного ряда, относится и характер восприятия пространственно выделенного предмета. Основой повествования является фокусирование в поле зрения наблюдателя движущегося, изменяющегося предмета; основой же описания будет осознание, выбор и выделение (вербализация) признаков неизменяющегося в поле зрения наблюдателя статичного объекта. В этом заключен смысл двух возможных форм мышления о неязыковой действительности — диахронологемы и синхронологемы как логической основы повествовательного и описательного текстов.

Литература

1. Выготский Л. С. Лекции по психологии. Восприятие и его развитие в детском возрасте // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
4. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М., 1997.
5. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М., 1997.

Контекстуальное смысловое моделирование научного дискурса

С. Э. Харзеева, Е. И. Лушников

Курский государственный технический университет
dies@sovtest.ru, lushnikova_ei@mail.ru

Русскоязычный научный дискурс, контекстуальное смысловое моделирование, когнитивный подход

Summary. The paper presents cognitive approach to semantic modeling of Russian scientific discourse using new original global scientific knowledge models and linguistics skills /

В последние десятилетия ведутся интенсивные исследования моделирования текста. Общеизвестно, что традиции отечественной лингвистики всегда характеризовались направленностью на доминирование смысла, семантической составляющей в разработке семантико-синтаксических моделей представления естественного языка. Последнее, по мнению ряда исследователей, может быть связано и с тем, что категории линейного порядка в гораздо меньшей степени применимы к реалиям русского языка, в отличие от английского, на материале которого развивались генеративистские теории. Признано также, что возможности формальных моделей в плане улучшения показателей работы «познающих» систем, основанных на «поверхностном» подходе, уже практически исчерпаны.

В исследованиях механизмов понимания дискурса, начавшихся с психолингвистического исследования отдельных предложений как смысловых единиц текста, постепенно происходит укрупнение смысловых единиц и переход к исследованию дискурса как целостного высказывания. Такой переход обусловлен осознанием того, что ментальный процесс понимания не должен быть лимитирован изолированным от контекста предложением. При этом психологическое или когнитивное исследование дискурса значительно отличается от формального грамматического или стилистического исследования. С психологической точки зрения именно смысловое значение лежит в основе понимания речи или текста. По Л. С. Выготскому, значение — это одновременно и единица речи, коммуникации, общения, и единица мышления, единица обобщения. Глубокий анализ при-

роды процесса понимания текста (ситуации) заключен в словах С. Л. Рубинштейна о том, что текст часто не понимается просто потому, что его компоненты выступают для читателя в свойствах, не адекватных связям, в которые их включает контекст.

Таким образом, разработка проблем смыслового моделирования научного дискурса требует использования когнитивного анализа дискурса, принимающего во внимание и структуры текста, и ментальные структуры, и имеющиеся «фоновые» знания. Нами разработан когнитивный подход к контекстуальному смысловому моделированию научного дискурса, учитывающий особенности ментальных действий субъекта в ходе осмысления контекста: обращение субъекта как к фоновым знаниям предметной области, так и к знанию языка, включающему имплицитное знание законов порождения субъектом смысловой конструкции высказывания и следование им; использование релевантных ментальных структур, в форме которых знания могут репрезентироваться, храниться и использоваться субъектом при решении задач. На основе разработанного подхода нами предложен авторский метод глубинного смыслового моделирования объектов, явлений и событий предметной действительности. Нами разработана когнитивная модель значения научного понятия, а также стратегическая когнитивная модель его формирования. Основанием послужили представления о дифференциации компонентов значения и их упорядочении, организации по мере развития значения; о форме существования значения в индивидуальном сознании и в речи в виде системы отношений с другими значениями, системы соот-

несения и противопоставления значений в деятельности и в речи; об аналитико-синтетическом характере мыслительной деятельности субъекта в процессе усвоения значения; о комплексной природе значения, подтверждаемой нейрофизиологическими данными о наличии одновременно различных зон локации мозговых активационных процессов, соответствующих актуализации значения. Система признаков значения организуется, согласно нашей модели, не за счет иерархии уровней абстракции, что характерно для формально-логических моделей, а путем раскрытия генезиса признаков, то есть отношений их причинно-следственной производности и принадлежности либо к признакам объектов данного класса как таковых (к объектным признакам), либо к периферическим признакам — отношениям объектов данного класса с другими. Анализ и дифференциация двух данных типов признаков облегчается за счет отображения их в языке: объектным признакам соответствуют одноместные предикаты, а знаками признаков-отношений служат многоместные предикаты. Полевая структура нашей модели предусматривает выделение и усвоение периферических признаков-отношений как потенциальных, латентных признаков, являющихся производными от объектных признаков и образующих подвижную семантическую оболочку значения, формирующих его структуру с открытыми выходными связями.

В качестве подобных структур, используемых при моделировании научного дискурса, нами также разработаны и будут представлены в докладе авторские глобальные смысловые структурно-функциональные модели (когнитивные схемы), представляющие базовые структуры научного знания. Каждая такая модель включает систему смысловых элементов и смысловых связей между ними. Использование модели позволяет отразить мыслительные операции семантического анализа, на уровне которого привлекаются знания, имеющиеся у человека и связанные с принадлежащими

лексическим единицам значениями. Именно обращение к знаниям позволяет приписать лексическим единицам значения и использовать их для моделирования текста (ситуации) на смысловом уровне. Набор (система) смысловых элементов ситуации в их взаимодействии создает формализованный язык ее описания. Правила, соответствующие данному формализованному языку, мы формулируем, опираясь на законы порождения субъектом смысловой конструкции высказывания, полученные в психосемантике в результате исследования смысловой структуры сознания.

Нами разработана процедура смыслового анализа и моделирования научного текста, включающая распознавание соответствия текста определенной обобщенной контекстуально-смысловой модели или их комбинации, выделение соответствующих элементам модели семантических признаков из их потенциального набора, содержащегося в значении слов как элементов высказывания, и ряд других операций.

Формирование смысловой контекстуальной модели текста включает следующие шаги: декомпозиция исходных предложений на простые предложения; объединение и обобщение полученных на предыдущем шаге предложений с получением компонентов смысловой макроструктуры текста; конструирование глобальной смысловой модели текста. Каждому из шагов процедуры соответствует правило его выполнения. Так, первому шагу соответствует правило: «Для упрощения сложных для анализа предложений все предложения исходного текста трансформируются в простые предложения, каждое из которых должно содержать одно сказуемое; причастные и деепричастные обороты, а также включенные предикаты преобразуются в отдельные предложения с переводом глаголов в основную форму».

Разработанный подход и модели могут быть использованы в инженерии знаний, при разработке систем с элементами искусственного интеллекта

О понятийной и интенциональной сторонах дискурса

Т. М. Цветкова

Московский городской педагогический университет

Deviatovan@mail.ru

«Мир текстов (III мир)», понятия / концепты и категории / интенции в тексте / дискурсе

Summary. Discourse is presented for us as “the world of texts” as “the third world” of K. Popper and may be described by via of concepts and categories of continuum of texts and textual activities produced it.

Характерной чертой современной лингвистики является интерес к семантике и организации все более крупных языковых и ментальных образований, и наши представления о языковой / речевой деятельности как феномене, обеспечивающем многообразные потребности субъектов различных форм деятельности и коммуникации, отражает понятие «дискурс», который, с одной стороны, дает возможность интегрировать разнообразие совокупности текстов на тематической и смысловой основе (экологический, феминистский, спортивный дискурс, «дискурс перестройки» и т. п.), с другой — позволяет дифференцировать континуум текстов, очевидно различающихся для субъектов деятельности (например, законодательство и юриспруденция, научные исследования и технические изобретения), но при языковом анализе рассматриваемых обычно в одной стилевой плоскости. Близки к этому стремлению — непосредственно приблизиться к содержанию текстов и поиски путей, которые лингвистическим путем приведут к этому, — и такие тенденции в практике исследований, как расчленение лингвистики на специализированные сферы описания и анализа различных областей жизнедеятельности — юрис-лингвистика, медиа-лингвистика, теория специального текста [2].

Наш взгляд, понятие «дискурс» соотносимо с понятием «третий мир», введенным К. Поппером. «Мы можем различать следующие три мира, или универсума, — писал К. Поппер, во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и, наконец, диспозиций к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего, содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства...» [4: 439–440]. «Мир объективного содержания мышления» — это и есть «мир текстов».

Представляется целесообразным соотносить некоторые лингвистические понятия и представления с теми представлениями о мире, которые сформулированы К. Поппером.

Сейчас в лингвистике разграничивают «базисные» и «небазисные» предикаты, а также говорят о «предикатах интерпретации». «Базисные предикаты» — это предикаты, «проецирующие содержание высказывания на внеязыковую реальность» [1: 346]. Как показал Ю. С. Степанов, категории, традиционно выделяемые в философии и лингвистике — субъект, объект, сущность, время, пространство, причина и др., — «представляют собой перечень предикатов-сказуемых» и могут рассматриваться как «таксономия предикатов» [5: 122, 120]. «Базисные предикаты» — это категории «I мира», пропозициональная семантика ориентирована именно на описание внешнего по отношению к говорящему субъекту мира.

«Небазисные предикаты» типа *знать, думать, говорить* и др. связаны с «проекцией содержания высказывания на внутренний мир интерпретатора» [1: 346]. Таким образом, «небазисные предикаты» естественным образом соотносятся со «II миром».

«Предикаты интерпретации» — это глаголы и / или деепричастия, с помощью которых сообщается о содержании (или каком-либо одном его аспекте) речевого акта (РА) / текста, т. е. с «проекцией содержания высказывания на содержание другого высказывания». Если повседневное общение — «бытийный дискурс» — хорошо описывается «речевыми жанрами», то «мир идей» для своего описания требует ещеразработки номенклатуры, и наиболее важным нам представляется выявление самых общих понятий / концептов той или иной сферы и типизированных целей и задач, интенций субъектов этой деятельности. «Мир объективного

содержания мышления» — «третий мир» — это различные научные описания, концепции и теории (природа света, расшифровка ДНК, нанотехнологии, математика и т. д.), художественная литература, произведения искусства, т. е. «мир текстов» вербальной или иной природы, интерпретация самих текстов и их обсуждение (Концепция В. Гумбольдта, Теория падежей Р. Якобсона, Полемика о статусе разговорной речи, Критика формального направления в искусстве и т. п.).

Известно, что концептуальные планы текста могут быть заданы списком: так, на основе произведений 130 авторов (издание «энциклопедии Британика» — «Великие книги западной цивилизации») группой экспертов — крупных ученых и писателей — было определено 102 глобальные идеи: Аристократия, Мужество, Долг, Бытие, Бессмертие, Любовь, Философия, Поэзия, истина, Равенство и т. д. В теории текста референциальный план текста обобщается до уровня универсалий: понятийные категории выделяются как отдельные реалии — пространство, время, человек, дом, лес, небо и пр., имеющие особую значимость в развитии содержания [3: 508]. Содержание «идеологических» текстов передают такие предикаты, как *воспевать, прославлять, смаковать, взвинчивать, обелять, насаждать, развенчивать, попирать, фальсифицировать, посягать* и т. п. «В них сущность идеологического мышления... выражена наиболее чисто и сжато, поскольку отвлечена от того предметно-понятийного многообразия, с которым имеет дело объективный язык» [6: 33]. Важнейшие характеристики научного познания и коммуникации отображены в языке науки: модель научной деятельности фиксируется терминами («предметный язык» науки), метапредикатами (общенаучными терминами типа *система, функции, критерии, параметры, классификация, свойства, признаки* и т. п.), «научными интенциями» субъекта познания, выражающими цели и задачи научного исследования (*анализировать, описать, интерпретировать, вести понятие, выявить, дифференцировать, объяснить, сопоставить, обобщить, полемизировать, разработать, размышлять* и др.), эксплицитной и имплицитной модальностью. В сфере права в регулирова-

нии отношений человека и государства, общественных институтов, межличностных отношений (брак, наследование и т. п.), других субъектов права (предприятие — предприятие, территориальное объединение — государственная структура), собственности и т. п., основную роль играет определение субъектов права, констатация и признание / непризнание существующего положения вещей, предписания, разрешения и запреты, обязательства и т. п.

Тексты — единицы, элементы дискурса / «III мира» («мира объективного содержания мышления») — могут быть охарактеризованы в «системе координат» той деятельности, в которую они включены, и необходима разработка некоторой «семантической» (содержательно-смысловой) сетки понятий и интенций, категорий и концептов, которые могли бы быть средствами «языковой интерпретации», «маркерами» текстов, функционирующими в той или иной сфере деятельности и коммуникации. В «I мире» *Береза — лиственное дерево с белой корою*, в «III»: *Береза — символ России*. Такой «мир» близок к «дискурсу» М. Фуко, «темам, содержанию» в теории речевых жанров М. М. Бахтина. Такая «семантическая сетка» могла бы дополнить классификацию дискурсов в плане семантическом и прагматическом плане.

Литература

1. Демьянков В. З. Предикаты и концепции семантической интерпретации // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 4. С. 336–341.
2. Иванов Л. Ю. К понятию теории специального текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. 13–16 марта 2001 г. С. 280.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
4. Поннер К. Логика и рост научного знания. М., 1989.
5. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1989.
6. Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

Эстетическая роль средств коммуникативного уровня русского языка в творчестве актера (на примере А. А. Калягина)

О. В. Чалова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ovelikoborceva@yandex.ru

Семантика коммуникативного уровня, актерская интерпретация текста, эстетическая тема, коммуникативная стратегия

Summary. At the school of semantic analysis of the Russian language communicative system (see works by M. G. Bezyaeva) we research the aesthetic function of the means on a given level. In spoken artworks (the movies) the communicative means used by actors form various types of relations between the characters (speaker and listener), according to the realizations of their invariant semantic parameters. An actor's methods and modes of communicative interpretation of the text, when repeated in different works, form his or her communicative strategy.

Эстетической мы называем роль средств языка в творческом процессе создания актером художественных образов. Под художественным образом понимается «любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении (особенно часто — действующее лицо)» [5: 252].

Дать тщательный лингвистический анализ звучащего художественного произведения стало возможным с развитием школы семантического анализа коммуникативного уровня языка [1]; [2]; [3]; [4], противопоставленного номинативному. (Номинативный уровень предназначен для передачи информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего, а коммуникативный уровень отражает соотношение позиции говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации.)

Актер не создает нового текста (как писатель в письменном или рядовой носитель языка в бытовом общении), он является лишь автором его интерпретации. Основной принцип такой интерпретации заключается в том, что номинативный уровень текста остается неизменным, т. к. на нем выстраивается развитие сюжета, а коммуникативный уровень, «сетка» которого уже задана в письменном тексте, варьируется, как варьируется возможное соотношение в произведении позиций говорящего, слушающего и ситуации.

В основе интерпретационной деятельности актера лежит его эстетическая позиция. Интерпретируя, актер осуществляет выбор тех значений и, соответственно, тех коммуникативных средств, которые соответствуют его частным и глобальным задачам. Артист как профессионал и личность является носителем эстетической темы, которая проявляется во всем его многоликом творчестве. Существование того, что видит зритель и чувствует режиссер (установки, линия, потенциал, диапазон и т. п.) научно подтверждается исследованием коммуникативной составляющей актерского творчества.

Творчество одного актера представляет собой единство разнообразия.

Все составляющие коммуникативной системы (целенаправленность; конструкция из вариативного ряда, соответствующего целенаправленности; средство и его конкретные реализации) именно в силу своей семантики выполняют важнейшую функцию — обеспечивают разнообразие в творчестве отдельно взятого актера (в разных ролях актеру нужны разные языковые средства создания образов; разнообразие может проявляться и в пределах одной роли (постепенное раскрытие характера или его эволюция); с другой стороны, одно и то же средство в разных ролях одного актера может нести совершенно разную эстетическую нагрузку) и актерской

работе в целом (они делают возможными различные реализации одного высказывания, одного диалога, одного произведения).

Единство намечается при анализе всего творчества актера, когда выявляются повторяющиеся в разных его ролях методы, способы работы с коммуникативным уровнем языка, связанные с его осознанным представлением о создаваемом образе и в той или иной степени обусловленные присущей ему эстетической темой, т. е. — его **коммуникативная стратегия**.

Так, например, эстетическая тема А. А. Калягина — **истина — ложь** (вспомним мнимую тетушку Чарлея в к/ф «Здравствуйте, я ваша тетя!», Платонова в «Неоконченной пьесе для механического пианино», Эзопа в одноименном фильме-спектакле, Чичикова в экранизации «Мертвых душ», Любомудрова в к/ф «Прохиндиада или Бег на месте», Братца Кролика в аудио-сказке и другие роли), она находит свое языковое выражение в способах использования средств коммуникативного уровня языка, формирующих коммуникативную стратегию **многослойности, одновременного кодирования разных смыслов**.

1. Практически в каждой роли А. Калягина присутствуют **лже-целестановки** (лже-согласие, лже-понимание, лже-успокаивание, лже-апелляция к собеседнику, мнимое раскаяние и др.); часто за позитивной формой, якобы обращенной к интересам собеседника скрывается целестановка **презрение**, самая рационализованная эмоция, при которой говорящий позиционирует себя выше собеседника, демонстрируя ненужность эмоциональных затрат при реакции на его позицию.

2. А. Калягин склонен **одновременно воплощать различные реализации инвариантных семантических параметров** одного коммуникативного средства, благодаря чему становится возможным оставить **зазор между актером и его героем**, обратиться и к собеседнику, и к зрителю.

Кризис речевой коммуникации как проблема языковедения

А. А. Чувакин

Алтайский государственный университет (Барнаул)

chuvakin@inbox.ru

Речевая коммуникация, кризис, мыслеречевая деятельность, речекоммуникативная деятельность

Summary. The paper considers the essence and factors of speech communication crisis.

В речевой коммуникации середины 1980–2000-х гг. зафиксировано стремление человека превратиться из фактора коммуникативного пространства в его центр и неспособность достичь этого; резкое повышение коммуникативной активности россиян и размывание речекоммуникативных норм; тенденция к постепенной замене господствовавшей многие десятилетия коммуникативной парадигмы монологического типа на коммуникативную парадигму диалогического типа; нарушение баланса в отношениях тенденции к речевой гармонии и тенденции к речевой агрессии в пользу последней и др. [4: 299–300].

Названные процессы могут быть интерпретированы как проявление кризиса речевой коммуникации. Дело в том, что кризис включает в себя прежде всего «отрицательные сдвиги» в развитии (см. традиционно отмечаемые словарями составляющие значения лексемы «кризис»: тяжелое состояние, острый недостаток, нехватка чего-либо и под.).

При постановке проблемы, вынесенной в заглавие статьи, существенны представления о кризисе, имеющие место в гуманитарном секторе науки и в гуманитарной практике. Так, чл.-корр. РАН А. Н. Сахаров в телевизионном интервью на канале «Культура» в 2009 году, характеризуя этапы истории человечества, заметил: любой кризис есть кризис человека. Если это так, то следует полагать, что и кризис речевой коммуникации есть кризис человека. Кинокритик И. Манцов, оценивая отечественную кинопродукцию нашего времени, пришел к выводу: «...У нас плохо с диалогами. В стране с хорошей литературной традицией не умеют писать диалоги. Кроме прочего, это говорит о системном кризисе коммуникации. В современной России не уважают Другого и как следствие не желают с ним разговаривать» [1: 203–204]. В приведенном суждении вскрывается исток

3. А. Калягин активно использует **коммуникативное дублирование**, что позволяет его героям, с одной стороны, сделать **акцент на интересах говорящего** (дублирование в волеизъявлении, *мг, мнда*, сакральные формулы *Боже мой, Господи* и др.), и с другой стороны, — **усыпить бдительность собеседника** (перепевы своих и чужих высказываний, каскады *да*, цепочки междометий *ойх, ойойой, айайай* и др.).

Итак, эстетическая тема актера, которая по-своему реализуется в каждом из его разнообразных образов, согласуется с его **коммуникативной стратегией**.

Правоммерно говорить об **эстетической роли коммуникативных средств языка в творчестве актера**, подразумеваемая под этим, во-первых, **их участие в создании художественных образов** и, во-вторых, **их роль в формировании коммуникативной стратегии актера, обусловленной его эстетической темой**.

Коммуникативная стратегия А. А. Калягина представляет собой один из вариантов **коммуникативного поведения «многослойной» личности**.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
2. Безяева М. Г. Принципы формирования значений русских коммуникативных конструкций // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. МГУ им. М. В. Ломоносова. 18–21 марта 2004 г. М., 2004.
3. Безяева М. Г. Ситуация как компонент коммуникативного значения. // Вопросы русского языковедения. Вып. 11. Аспекты изучения звучащей речи. М., 2004б.
4. Безяева М. Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия). // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 7. М., 2005.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. М., 1987.

кризиса: неуважение к Другому. Если вспомнить значимость Другого в философско-филологической концепции М. М. Бахтина, то оценка И. Манцова не покажется плодом досужего вымысла его автора или преувеличением отмеченного им фактора. Здесь вычитываются две важные мысли: кризис речевой коммуникации — это кризис человека; «диагноз», лежащий **по видимости** в плоскости лингвистической, **по существу** же входит в фундаментальные составляющие теории речевой коммуникации как области лингвистики.

Итак, примем в качестве гипотезы положение, что кризис речевой коммуникации есть кризис человека. Возможность подобной постановки определяется и рядом собственно лингвистических факторов: признанием того, что «язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях» [3: 132.]; пониманием коммуникации (в том числе, разумеется, и речевой) не столько как **деятельности по передаче информации от субъекта к объекту, сколько как взаимодействия субъектов** — человека и человека, сообщества и сообщества и т. д.; фундаментализацией принципа антропоцентризма в современном языковедении.

Приведенные факторы являются, казалось бы, разнородными. В совокупности же они позволяют увидеть зависимость между человеком в целом и в облике *homo loquens* (а), естественным языком как «подлинным свойством» (Н. Хомский) человека и как инструментом речевой коммуникации (б) и самой речевой коммуникацией как способом взаимодействия человека и человека посредством естественного языка (в). Если это так, то кризисное состояние хотя бы одного из участников приведенной цепи вызывает соответствующие изменения в другом (других) или цепи в целом.

Доминантное положение в приведенной системе принадлежит человеку.

Из проявлений кризиса в современной речевой коммуникации отметим два, с нашей точки зрения, важнейших. Это: 1) снижение уровня способности человека к мыслеречевой деятельности. См., например, выражения, прозвучавшие в разных теле- и радио-интервью: *N. N. по-прежнему любит женщин // в хорошем смысле этого слова; Мы с N. N. националисты / в хорошем смысле слова*; фрагмент рекламного объявления: *...обращаться: г. Барнаул, улица проспект Ленина, дом №2*; 2) снижение уровня способности человека к речекommunikативной деятельности: возрождение господства монологизма, но уже в новых его проявлениях: диалогизм превращается в квази-диалогизм (речевая коммуникация остается диалогической по форме, но монологической по сути); расширение зоны действия речекommunikативных конфликтов; развитие демагогической составляющей речевой коммуникации; распространение изощренных способов конструирования коммуникативной правды как бессознательного и / или сознательного искривления (подмены) истины и под. Яркой иллюстрацией здесь выступает ставшее активно использоваться понятие **massage**: значимо не то, **что** сказано, а то, **где** и **когда** сказано, и **что** в сказанном «спрятано» (ср. *добыча нефти* как знак: «я свой»).

Специфика приведенных (и им подобных) фактов как проявлений кризиса видится в их глубине, всеохватности, влиятельности, системности.

Вместе с тем кризис, по оценке некоторых философов, есть перемена позиции, крутой перелом в движении, в ос-

мыслинии какого-либо явления, рождение истока нового движения, нового осмысления [2]. Тем самым подчеркивается позитивное начало кризиса. То же и в нашем случае: истоком нового движения является углубляющееся «очеловечивание» речевой коммуникации, уход коммуникантов от стандарта, «бесчеловечного» по своей сути. Такова развивающаяся — несмотря ни на что — тенденция к замене коммуникативной парадигмы монологического типа на парадигму диалогического типа.

Из сказанного видно, что кризис речевой коммуникации есть объект комплексный по характеру, но лингвистический по сути. Задачи его изучения в лингвистической русистике требуют разработки программы исследования, важнейшими составляющими которой могут быть разделы об онтологии кризиса речевой коммуникации и его проявлениях, о филологической теории коммуникации как контексте исследования, параметрах, уровнях и методах изучения, роли кризиса речевой коммуникации в развитии языка, месте кризиса речевой коммуникации в системе кризисных явлений социума и др.

Литература

1. Кинообозрение Игоря Манцова // Новый мир. 2002. № 6.
2. Коцей Л. А. Кризисное сознание (попытка определения) // Аналитика сознания. Барнаул, 1998. С. 830–890.
3. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Моск. ун-та. Серия. 9. «Филология». 1995. № 4.
4. Чувакин А. А. Коммуникативно-речевая ситуация в современной России и некоторые тенденции развития филологии // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 9. Пермь, 2005.

Дискурс власти и дискурс поэзии: когнитивный конфликт

И. И. Чумак-Жунь

Белгородский государственный университет

chumak@bsu.edu.ru

Дискурс власти, дискурс поэзии, поэтическая коммуникация, семантическое пространство поэтического текста

Summary. The aim of the text is to show the cognitive conflict between the government power discourse and the poetic discourse.

Проблема поэтической коммуникации нередко обуславливается столкновением официозного и свободного дискурсов. Первый — дискурс власти, второй — дискурс поэтический, не признающий каких-либо властных запретов и ограничений. Осознавая себя управляющей системой, дискурс власти стремится контролировать параллельный мир поэзии, в первую очередь, тексты, в которых представлен концепт «Власть». Поэтический концепт, обладающий в силу своей специфики размытой структурой, порождает неожиданные поэтические смыслы, которые в ряде случаев не соответствуют глобальной концептуальной политической картине мира, созданной дискурсом власти. В таком случае, чтобы помешать «поэтическому воздействию» на читателя, дискурс власти создает коммуникативные помехи, которые нарушают акт поэтической коммуникации. Между дискурсами возникает когнитивный конфликт. Основной коммуникативной стратегией сильного дискурса в ситуации конфликта является речевая агрессия, которая может быть направлена на руководство процессом изменения текста, на нарушение контакта, на восприятие текста читателем и, наконец, на самого создателя текста. Так, действиями аппарата власти — цензуры, направленными на нарушение контакта, объясняется то, что гениальные поэтические тексты М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» и О. Э. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» стали известны массовому читателю через десятилетия после их создания.

Для того чтобы определить, какие особенности поэтических текстов могут предопределить когнитивный конфликт между поэтическим дискурсом и дискурсом власти, представим семантическое пространство названных текстов в трех ракурсах: 1) как концептуальное пространство; 2) как денотативное пространство; 3) как эмотивное пространство.

Организует **концептуальное пространство текстов** концепт «Россия», представленный в заглавиях произведений. Этот макроконцепт в рассматриваемых стихотворениях ограничен субконцептом «Власть». Когнитивно-пропозициональная структура текстов содержит одинаковые позиции этого концепта: **субъект власти — его характеристика —**

его действия по отношению к подвластным субъектам — отношение к лирическому герою.

Позиции субъектов власти в стихотворении Лермонтова занимает ряд слов: *господа, голубые мундиры, паши*. Эти номинации в тексте противопоставлены обозначениям подвластных субъектов: *господа — рабы* (возникает семантическая оппозиция ‘угнетатель’ — ‘угнетенный’), *голубые мундиры — народ* (‘всесильный’ — ‘покорный’, ‘раблепный’), *паша — я* (‘всемогущий’, ‘нецивилизованный’ — ‘бесправный’, ‘свободолюбивый’). В тесноте стихового ряда в семантической структуре этих лексем актуализируются те семы, которые в полной мере определяют отношения между людьми при данной власти. Власть представлена как всемогущее зловеще-неподвижное образование (единственный глагол *Сокроюсь* относится к намерениям лирического героя). Концепт «Власть» в стихотворении представлен рядом оппозиций и имеет следующие смыслы — ‘неправедная’, ‘дикая’, ‘нецивилизованная’, ‘всемогущая’.

В стихотворении Мандельштама субъекты власти представлены лексемами *кремлевский горец (осетин), вожди*. Власть строится иерархично. В центре *кремлевский горец*, имеющий нечеловеческую силу (*слова, как пудовые гири; как подковы, кует за указом указ*), нечеловеческую внешность (*пальцы, как черви; тараканы усища*) и издающий нечеловеческие звуки (*бабачит и тычет*). Вокруг него — *вожди-полулюди, услугами которых он играет*. Подвластные субъекты (*мы*) обладают человеческой речью и могут испытывать обыкновенные чувства, но субъекты власти не дают им такой возможности. Власть активна. Глаголы обозначают действия *кремлевского горца (играет услугами полулюдей; кует за указом указ)*, звуки, издаваемые им (*бабачит и тычет*) и *полулюдьми (кто свистит, кто мяучит, кто хнычет)*. Как реалии власти представлены в стихотворении лексемы *указ и казнь*. Концепт «Власть» в стихотворении Мандельштама передает смыслы ‘всесильная’, ‘бесчеловечная’, ‘страшная’, ‘всемогущая’, ‘несущая боль и смерть’.

Денотативное пространство текстов в художественной форме отображает действительность современной поэтам России.

В стихотворении Лермонтова представлена не только реальная ситуация прощания лирического героя с родиной (ссылка 1840–1841 гг.), но и информация о существовании позорного для России крепостного права (*страна рабов — страна господ*), о жандармском всевластии, поддержанном невежеством народа (*мундиры голубые — преданный народ*), об отношении личности (поэта) и правителей (*сокроюсь от... пашей, от... всевидящего глаза, от... всеслышащих ушей*).

В стихотворении Мандельштама передана внетекстовая ситуация, которую через много лет определили как культ личности — невозможность сказать правду (*Наши речи за десять шагов не слышны*), полная узурпация власти одним человеком, угроза для жизни, исходящая от него (*кует за указом указ Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз*), невозможность полноценного существования (*полразговорца, полулюди*).

Художественное пространство в текстах маркировано — речь идет о территории России (*прощай, немая Россия, кремлевский горец*). Замкнутое пространство в стихотворении Лермонтова ограничено *стеной Кавказа*, а в мандельштамовском образует круг из десяти шагов по утраченной или потерянной стране. Выход из этого пространства для лирического героя — спасение, но если в стихотворении Лермонтова есть надежда на него, выраженная, правда, с помощью предположительной модальности (*Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь...*), то герой Мандельштама этой надежды лишен (*А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*).

Описываемое текстовое время синхронно временной позиции героев — они ведут свое повествование «из настоящего», а некоторые детали указывают именно на настоящее историческое (*И вы, мундиры голубые; Тараканы смеются ушца, И сияют его голенища*). Лирический герой находится внутри описываемого времени, то есть свидетельствует о нем как очевидец. Переход в будущее время связан с надеждой покинуть обозначенное время-пространство (*Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь от твоих пашей; А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*).

Таким образом, хронотоп обоих стихотворений — современная лирическому герою Россия, из которой он хотел бы вырваться.

Эмотивное пространство организуется стилистическим контрастом лирически повышенного стиля текстов стихотворений (*Мы живем, под собою не чуя страны; Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь...*) и горящих «ярким блеском» (Виноградов) разговорных элементов — *немая Россия, бабачит, тычет* и т. д.

Таким образом, семантическое пространство рассмотренных нами стихотворений имеет некоторые особенности, которые определяют когнитивный конфликт между поэтическим дискурсом и дискурсом власти: в обоих стихотворениях текстообразующий концепт «Власть» имеет смысловые компоненты, противоположные предполагаемым в этом концепте дискурсом власти; хронотоп текста отображает реальное время и пространство; стихотворения передают резко негативную оценку изображаемого фрагмента мира.

Металингвистическая оценка вербальной иронии и юмора носителями русского языка (по данным Национального корпуса русского языка)

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет
shilikhina@gmail.com

Вербальная ирония, юмор, Национальный корпус русского языка, сочетаемость, металингвистическая оценка

Summary. The paper explores meta-linguistic assessment of verbal irony and humor by the speakers of Russian. The research is based on the data retrieved from the National Russian Corpus. Meta-linguistic assessment is signaled by adjective collocation of the lexemes *humor* and *irony*. Special attention is paid to metaphorical descriptions of humor and irony. Analysis shows that, though there is no clear boundary between humor and irony, the latter is mostly considered to be a communicative disturbance while the former is rated more positively.

Языковые корпуса предоставляют возможность исследования самых разных аспектов речевой деятельности. В фокусе внимания нашего исследования — металингвистическая оценка юмора и иронии в дискурсе.

Носители языка постоянно осуществляют мониторинг речевой деятельности, как своей, так и чужой [1]. Метаязыковая деятельность присуща всем членам языкового сообщества, хотя далеко не всегда она осознается носителями языка.

Для нашего исследования важно различие между «наивным», «бытовым» пониманием юмора и иронии и понятиями **юмор** и **ирония**, которые используются в научном познании. Пытаясь определить границы понятия иронии, исследователи работают с ментальной моделью, с конструктом [3]. Возникает проблема установления границ научных понятий, выработанных на основе «бытовых». Представляется, что невозможность установления границ между научными понятиями является следствием «нечеткости» бытовых понятий.

В нашей работе исследовалось именно «наивное» понимание юмора и иронии. При этом мы опирались на косвенные данные — адеквативную сочетаемость двух лексем. Цель такого анализа — попытка установить, существует ли прагматическая граница между юмором и иронией в сознании носителей русского языка.

Для нашего исследования отбирались примеры, в которых чья-либо речевая деятельность характеризовалась как ироничная или юмористическая, например:

После собрания он с горькой иронией сказал мне: «А ведь это правда.» [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)]

На вопрос, в чем разница между евреем и рыбой, М. Светлов с более черного юмора ответил, что рыбу не режут ножом. [М. В. Мусийчук. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // «Вопросы психологии». 2003. № 6].

Для исследования были составлены конкордансы из 450 контекстов, содержащих лексему *ирония* и 287 контекстов для лексемы *юмор*. Обязательным условием включения контекста в конкорданс было указание на то, что и ирония, и юмор создаются при помощи языковых средств, а не других знаковых систем (например, жестов или изображений). Также был учтен и факт многозначности лексем *ирония* и *юмор*. Контексты, в которых лексема *ирония* употреблялась в значении «странная, непонятная случайность» (напр., *ирония судьбы* или *ирония истории*), из исследования исключались. Таким же образом в конкорданс не попали контексты, в которых лексема *юмор* использовалась в значении «способность человека выявлять, фиксировать и осмысливать комическое в окружающей действительности».

В собранном конкордансе контекстов для *иронии* было зафиксировано 141 прилагательное, среди которых явным «лидером» по частотности употребления стало прилагательное *горькая* — на него приходится около 15% от общего количества контекстов. Далее в «десятку» наиболее частотных определений вербальной *иронии* входят прилагательные *легкая, злая, тонкая, едкая, нескрываемая, грустная, добродушная, скрытая, явная*. Уже этот небольшой список показывает, что носители русского языка склонны давать *иронии* прямо противоположные оценки (*злая — добродушная*), однако среди них преобладают оценки негативные.

Поскольку в конкордансе оказались прилагательные со сходной семантикой, следующим этапом исследования стала группировка прилагательных в синонимические ряды (*едкая — въедливая — ядовитая — жгучая — язвительная — колючая*). Синонимические ряды позволяют учитывать не только высокочастотные прилагательные, но и единичные вхождения. Семантическое сходство определялось на основе контекстов, т. е. в данном случае речь идет о контекстной синонимии. Для лексемы *ирония* удалось выделить

12 синонимических рядов с различным количеством прилагательных. Далее ряды анализировались в двух направлениях: во-первых, по количеству вошедших в них прилагательных. Здесь наиболее наполненным стал ряд *горькая — мрачная — угрюмая — хмурая — унылая — грустная — щемлящая — безнадежная — печальная — обидчивая*. Во-вторых, проводился подсчет количества контекстов в каждом ряду. Ряд синонимов с общим названием «горькая ирония» стал «лидером» и по этому параметру (92 контекста).

Аналогичным образом исследовалась сочетаемость лексем *юмор*. Наиболее частотными оказались прилагательные *черный, тонкий, большой, горький, грубый, мягкий, грустный, добродушный*. Среди синонимических рядов наибольшее количество прилагательных — в ряду *ядовитый — едкий — желчный — жесткий — жестокий — злой — колкий — колючий — недобрый — саркастический — сернокислотный — язвительный юмор*; наибольшее количество контекстов — в рядах *грустный* — (27 контекстов) и *тонкий* — (25 контекстов).

Особый интерес представляет метафорическое осмысление иронии и юмора. Например, в определении *едкая / едкий, горькая / горький* и т. д. ироническая и юмористическая

речевая деятельность воспринимаются носителями русского языка через вкусовые и тактильные ощущения. Еще один распространенный способ концептуализации иронии и юмора — их характеристика с помощью прилагательных, описывающих черты человеческого характера: *добрый юмор, ласковая ирония*.

Сочетаемость лексем *ирония* и *юмор* показывает, что граница между юмором и иронией в сознании носителей русского языка оказывается размытой: ряд прилагательных (таких в нашем исследовании оказалось 28) характеризует как юмор, так и иронию. Выбор характеристики речи / текста как иронического либо юмористического в переходных случаях (*горький юмор — горькая ирония*) определяется в большей степени прагматическими причинами.

Литература

1. Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 4–34.
2. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
3. Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader / Ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs. New York; London. 2007.

Речевое воздействие в дискурсе сферы общественного питания: когнитивно-прагматический ракурс

Н. А. Шушпанникова

Казанский государственный университет

Natasha_shu@inbox.ru или natalia_sh@hotmail.com

Когнитивно-прагматический ракурс, дискурс, когнитивные категории, речевое воздействие, общественное питание, коммерческое наименование

Summary. The report is devoted to the research of revealing the specific peculiarities of the foodservice discourse, which might influence on the addressee's choice.

Возникновение новой антропоцентрической парадигмы в языкознании вызывает у лингвистов потребность в изучении языка как средства получения, обработки и хранения информации, а также в изучении новых типов текстов (общение в «чатах», sms, ресторанное меню) и описании новых коммуникативных пространств, в которых эти тексты функционируют, при этом когнитивный подход позволяет вывести подобные исследования на более высокий уровень. Поскольку представление о современном мире формируется под влиянием средств массовой коммуникации, в том числе и рекламы, высока потребность в изучении именно рекламного дискурса, определяемого как социальный процесс, в который включен текст. Мы в своем исследовании предприняли попытку описать мало исследованное коммуникативное пространство (сфера общественного питания) и текстов, функционирующих в нем, в когнитивно-прагматическом ракурсе, что дает возможность практического применения результатов исследования в маркетинговой коммуникации, материалом послужили тексты меню и рекламные тексты заведений общественного питания, представленные в казанских СМИ и Интернете.

С целью объективного анализа и описания когнитивных категорий, способствующих достижению прагматического эффекта в текстах сферы общественного питания, мы провели ассоциативный эксперимент, участникам которого было предложено 10 слов-стимулов: *кафе, кофейня, ресторан, столовая, трактир, корчма, бистро, паб, кнайпа, фаст-фуд*. Судя по результатам эксперимента, владельцы заведений общественного питания, называя свои предприятия *пабом* (Англия, Ирландия), *трактиром* (водка, дешево) или *корчмой* (похлебка, квас), имеют преимущество в том, что могут апеллировать к категории традиционности, *фаст-фуд* ассоциируется с коммерческим именем McDonald's и стереотипом о нездоровом питании. «Пицца» и «запах», будучи социальными знаками, сигнализируют о дифференциации общества, что отражается в ассоциациях-указаниях на статус: *лимузин, шикарный, изысканный, дорогие блюда (ресторан)*, связанных со стереотипом о «богатой» еде. *Трактир* же не зря определяется как *народный (сеть народных трактиров «Старый Амбар»)*, поскольку вызывает ассоциации *мужики, перегар* (представление о запахе социальных низов).

Рассматривая прагматику коммерческого имени, мы обратили внимание на то, что слова-наименования, которые не входят в состав активной лексики русского языка, используются с целью актуализации когнитивной категории «традиционности / новизны»: «*Захер по-венски*» — *классический австрийский шоколадный торт* (апелляция к традиционности), или *Когда в выходные Вы просыпаетесь поздно и собираетесь поесть где-то в общественном месте, с семьей или друзьями, это называется не просто «воскресный обед», а именно «бранч»* (указание на новизну), также распространено явление языковой игры («*Beerloжа*», «*Тинькофф*», «*Шоколат*», «*Мясной удар*»), рассчитанной на творческое восприятие языка, на умение всматриваться и вслушиваться в слово, вдумываться в его смысл. Языковая игра, являясь показателем непринужденного общения, еще больше располагает адресата к рекламируемому объекту.

Речевого воздействие в текстах сферы общественного питания может осуществляться за счет:

- информирования адресата об **атмосфере** (*Яркие краски в отделке интерьера, аппетитные (особенно с мороза) ароматы и линия самообслуживания сразу настроили на эдакий позитив*), **характере обслуживания** (*И девушки-официантки неопишуемой восточной красоты*), **разнообразии меню** (*Теперь наша основная задача — не растеряться в огромном выборе вкуснейших блюд*), **качестве и пользе блюд** (*Затили богатым микроэлементами, фильтрованным на водорослях чаем «Кокейча» — крепким, но приятным на вкус*), **функциональности заведения общественного питания** (*Теперь мы проводим деловые беседы не только в офисах, но и за ланчем или чашкой кофе; У нас пьют пиво, все остальное — суэта*), причем особо значимо **эмоциональное воздействие** (*Минут через 20 они прибыли горячими и ароматными. А дальше началась восточная сказка сложносочиненных вкусов. В каждой ложке — взрыв фейерверка специй. Очень вкусно, даже чересчур*);
- апелляции к категориям «**пользы / здоровья**» (*В сочетании с чесночным хлебушком, соборным распущенным сливочным маслом, получается такая здоровая мужская еда примерно на две с половиной тысячи калорий*), «**традиционности / новизны**» (*В традиционном меню обнаружился диетический супчик «Ресака», которым, как на-*

писано там же, на Кубе борются с похмельем), что говорит о стремлении авторов текстов передать идеи «**гарантии качества**» рекламируемого объекта и «**приобщения к культуре питания**», характерные для гастрономического дискурса (*Пивной ресторан «BEERЛОГА» за два года своего существования стал своеобразной Меккой для читателей культуры хмеля, солода и вкусной трапезы*); — обращения к категориям: «**удовольствие**» (*Словом, я наелась и, довольная, освободила столик для бесконечно прибывающих посетителей*), «**забота**» (*Калории мы записывали чаем, который заботливо подливали из чайничка безупречные официанты*), «**свои-чужие**» (коммерческие имена: «Свои люди», «Наше»; *Бог с ним, со сложными отношениями Великобритании и Шотландии, — нам, татарам, все едино*), «**отдых**» («Круиз») и его разновидности «**семейный отдых**» (РРК «Туган авылым» — это, прежде всего семейный отдых; *По субботам и воскресеньям с 12.00 до 15.00 приглашаем Вас и Вашу семью на БРАНЧ*). Зачастую концепция заведения общественного питания строится на идее перемещения в другой мир, по-

этому в текстах посетителям предлагается совершить виртуальное путешествие (*Отправьтесь в путешествие по широкому выбору итальянских блюд с картой вин всего мира*), что также актуализирует представление об **отдыхе**.

Положительная оценка рекламируемых объектов связана с актуализацией концептов «**дом**» (потребность в безопасности), «**здоровье**» (общечеловеческая и личностная ценность), «**семья**» (социальная ценность).

Использование прецедентных феноменов зафиксировано в текстах концептуальных ресторанов, например, меню ресторана «Маяковский. Желтая кофта» включает названия блюд: «Облако в штанах», «Абырвалг», «Штрудель от Швондера»; «Власть Советам»; «Сюрприз от курочки-рябы», «Жадина-говядина» и т. д.

Итак, в ходе исследования были выявлены основные когнитивные категории (польза, традиционность / новизна, отдых, забота, удовольствие, свои — чужие), которые могут актуализироваться в дискурсе сферы общественного питания, способствуя эффективному речевому воздействию на адресата.

Архетипические ключевые слова

советской и современной российской политической речи (сопоставительный анализ)*

В. Н. Яшин

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

vladimir3425@yandex.ru

Политическая речь, советская, российская, архетипические ключевые слова, сопоставительный анализ

Summary. The comparative analysis of archetypical key words in soviet and modern russian political speech is made by author.

Особое место в системе политической лексики помимо идеологем и ключевых слов текущего момента (КТСМ) [2] занимают архетипические ключевые слова (АКС) [1: 119]. АКС — это тип ключевых слов, характерный для значительного массива текстов, объединенных по самым общим основаниям, например, тексты, написанные в соответствии с идеалистической топикой и, с другой стороны, — материалистической; тексты светской и духовной литературы, определенных литературных направлений. АКС напрямую не соотносятся с концептуальной информацией и не воспринимаются интерпретатором как существенные для понимания смысла речевого произведения элементы, но, функционируя в системе, они формируют невидимый текстовый каркас, который отражает определенный взгляд на мир. В нашей работе феномен АКС рассматривается на материале советской (СПР) и современной российской политической речи (РПР).

В советской политической речи к АКС относятся лексемы: *товарищ, работа, вопрос, борьба, условие, задача, масса, победа, успех, враг, линия, основа, правильный, трудность, руководство, обстановка, достижение, опасность, ошибка, вред* и некоторые другие. Данные слова выделены

А. П. Романенко по методике выявления КТСМ Т. В. Шмелёвой [2]. В отличие от последних АКС частотны на протяжении всей истории существования советского государства. Рассматриваемые слова названы архетипическими, потому что «они незаметны, обычны и не осознаются говорящими в качестве ключевых символических слов», при этом они строят систему общих мест, восходящую к основам идеологии и организуют речемыслительную деятельность советского риторика [1: 120].

По аналогичной методике нами выявлены АКС российской политической речи [3]. Это слова: *работа, закон, решить, проблема, основа, задача, вопрос, условие, эффективный, направление, проблема, интерес, опасность(-ый), система(-ный), результат, реальный, ситуация, ответственность* и некоторые другие.

В зависимости от значения и выполняемых функций АКС политической речи подразделяются на четыре группы: 1) вербализующие процесс политической аргументации; 2) аксиологические; 3) оценочные. Представим это распределение в таблице, сопоставим советскую и современную российскую системы АКС:

Тип АКС	РПР	РПС	Константы
Политической аргументации	<i>работа, вопрос, задача, условие, обстановка, основа, линия</i>	<i>вопрос, задача, условие, основа, работа, проблема, ситуация, решать, направление, результат,</i>	<i>вопрос, задача, условие, основа, работа</i>
Аксиологические	<i>руководство, борьба, масса, победа, товарищ</i>	<i>закон, интерес, ответственность</i>	—
Оценочные	<i>трудность, достижение, опасность, враг, ошибка, успешный, вред, правильный</i>	<i>реальный, эффективный, системный, опасность,</i>	<i>опасность</i>

Основу группы **АКС политической аргументации** как в советской, так и в современной российской политической речи составляют одни и те же лексемы (АКС-константы): *вопрос, задача, условие, основа, работа, опасность*. Несмотря на смену общественной формации они сохранились в политических текстах, что свидетельствует об особом статусе этих слов. Это наиболее глубокий пласт АКС, эксплицирующий фундаментальные знания и ценности, когнитивно-риторические основы политической речи. В нашем материале благодаря АКС-константам репрезентируется научная картина мира, в рамках которой функционируют западные политические риторики, к которым относятся и советская и современная российская. В системе архетипиче-

ской лексики РПР по сравнению с советской характерно значительное преобладание АКС политической аргументации: в нее помимо АКС-констант вошли слова: *проблема, ситуация, направление, результат, решать*. Это связано с повышением значимости аргументации в политических текстах, что является признаком демократизации общества.

В группу **аксиологических** АКС СПР входят слова: *масса, руководство, товарищ, борьба*. Они формируют частотный для советской риторики внешний топос — *руководство борьбой масс (товарищей) до победного конца*, который восходит к основам марксистско-ленинской идеологии: общество понимается как *масса* элементов, основной принцип существования которых — *борьба* (классовая борьба), итог

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ №. 08–04–00099а.

последней — *победа* пролетарской революции. *Масса* и *борьба* нуждаются в *руководстве*. В группе аксиологических АКС РПР (*закон, интерес, ответственность*) наиболее значимо слово *закон*. Его особый статус в РПР связан с тем, что закон постулируется как основополагающий принцип жизни государства. Аксиологический характер АКС *интерес* обусловлен установкой современных политических лидеров на активное артикулирование наличия интересов у различных субъектов власти. Предмет речи идентифицируется по его положению в системе общественных интересов. Актуальность АКС *ответственность* связана с тем, что оно вербализует важную демократическую ценность — ответственность перед избирателями выборных органов власти.

Оценочные АКС. Оценочность — необходимый атрибут политической речи. К оценочным АКС советской политической риторики относятся восемь слов; характерно преобладание лексем с отрицательно оцениваемыми денотатами: *враг, вред, ошибка, трудность, опасность*. Это яркий показатель гипертрофированности советской системы оценки и воинственно-агональной сути марксистско-ленинской идеологии. Оценочные АКС в РПР — *реальный, эффективный,*

системный, опасность, ответственный. Частотность этих слов (кроме АКС *опасность*) обусловлена повышением значимости экономического и научного дискурсов. В российской политической речи эти слова сохраняют ассоциативную связь с дискурсом-источником; будучи употребимыми во множестве контекстов, они неявно эксплицируют примат ценностей рынка и апеллирование к авторитету науки.

Таким образом, общее и различия в составе АКС советской и современной российской политической речи определяется двумя важнейшими факторами — репрезентацией научной картины мира (в этом общее) и идеологией (в этом различие).

Литература

1. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ риторика: Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
2. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
3. Яшин В. Н. Архетипические ключевые слова современной российской политической речи // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. С. 98–100.